

Евгений Алехин

КАЛЕНДАРЬ

Е. АЛЕХИН, 2018

ИЛ-MUSIC, 2019

Твое — то, что насрешь, и то пока не смоешь.
— *Миша Молчанов, мой друг детства*

1 ЯНВАРЯ

неделя 6/а

Мне 32 года. Лицо выдает возраст, хотя тело и разум, по ощущениям, как десять или пятнадцать лет назад. Я невежественный, закомплексованный, развращенный, сентиментальный, трусливый и безжалостный рассказчик историй. Обычно я не выхожу за пределы жанров «реп» и «рассказ», но сейчас чувствую необходимость написать роман (вернее даже не написать, а совершить попытку). Роман необходим мне, чтобы осмыслить первую половину своей жизни и войти во вторую. Я понимаю, что время классических романов прошло, у нас есть кино и сериалы. Там авторы, используя свой персональный опыт или интересную фактуру, впихивают их в проверенные формулы, подчиняют законам драматургии, а дальше уже персонажи делают свое дело. Зритель угадывает исход, но хочет знать все подробности.

Мне это не интересно.

Я хочу, чтобы мой роман был интерактивен, чтобы я не знал, куда приду, чтобы я рос вместе с ним. Мне необходимо, чтобы моя книга была собеседником, другом и врачом. Если она станет для меня всем этим — вам тоже, скорее всего, будет интересно ее прочесть.

Теперь стало понятно, теперь дорожки сходятся в одну. Это дневник трезвого года, это мой читательский дневник, это честный рассказ о моей работе, это мой ментор, мой календарь. Если вы читаете этот текст — как минимум, я дебютировал в новом для себя жанре.

2–3 ЯНВАРЯ

ПЕРЕЧИТАЛ: *Стивен Кинг «Как писать книги»*

У меня есть приятные воспоминания, связанные с этой книгой. В первый раз прочитал ее в ноябре 2011-го, когда работал на выборах мэра (писал и редактировал различные тексты) в Подмоскowie. Незадолго до этого я обсуждал с Юлей Качалкиной, ответственным редактором моей первой книги в издательстве «Эксмо», возможность того, что стану профессиональным писателем. Набросал несколько идей для будущих книг, но начать решил с книги про реп, с автобиографии группы, которая в итоге превратится в психологический триллер. Короче на «Камерную музыку» меня вдохновил Стивен Кинг. Единственный раз в жизни я писал каждый день по 1000 слов — благодаря тому, что работал без выходных. Иногда в нашем штате мне просто приходилось сидеть за компьютером целый день, но никакой работы по факту не было, и я понял, что нужно использовать это время с толком. А когда работа была, я старался ее выполнить быстро, чтобы тут же взяться за свою повесть. Это было настоящее счастье, не маниакальное, как когда снимал «Русский лес», а в меру тупой и приятный труд, небыстрая, но постоянная деятельность мозга, варено на медленном огне. Я пробыл этим самым профессиональным писателем немногим больше месяца. Написал за то время «Камерную музыку» (по-моему, 36 тысяч слов в первом варианте, на что у меня ушло 32 дня — в последние дни ускорился), рассказ «Вместо путешествия» и начал повесть «Диспансер». Но на последнем тексте чего-то испугался, инстинкт неудачника взял верх, хотя она как раз получалась очень хорошо, как мне

сейчас кажется, я наработал мускулы, но в последний момент бросил гантели.

Сотрудничество с «Эксмо», к счастью, не состоялось, понятно, что я не стал выдавать по две-три книги в год. Зато издал свои три книги (помимо чужих) за 6 лет в собственном, созданном с моим другом Маевским, издательстве. Думаю, что еще одна хорошая книга вызреет (за «Камерную музыку» мне сейчас стыдно, а за две другие — нет), и вызреет именно в этом году. Только книга поможет мне немного утихомирить зависимость от алкоголя, туров и пиздытины.

Но сейчас важно не это. Первые дни года очень тревожные, я еле перелез через 2016 и 2017, которые сложились у меня в странный диптих с моментами счастья, записи альбомов, эротического экстаза, депрессий, психозов, запоев и смертей двоих друзей. Но самое утомительное, что было — это уход и возвращение жены. В 2018-м мне хочется наладить свою нервную систему, и эти первые недели без алкоголя тяжелы. У тебя ничего не получится, говорят стены и потолок. Тебя все равно ждет смерть и хаос, говорят диван и ноутбук.

Но я открываю программу «заметки», чтобы спрятаться в тексте, стать этими буквами, трезвыми и живучими, неуязвимыми для болезней и старости, превращающими все в документ, разрезающими агонию на абзацы, способными упорядочить мою жизнь. Буквы — это режим.

«Как писать книги» меня успокоила даже больше, чем чтение собственных удачных рассказов. Решил продолжить чтение Кинга дальше, поскольку это хороший писатель для подростков, а сейчас я чувствую себя уязвимым, как подросток, и даже еще уязвимее. Тебе уже 32, тебе ничему не научиться, примерно полжизни позади, твои дурные привычки и страсти уже неотделимая часть тебя, а выглядишь ты больным и старым — так мне на плечи давит общественное мнение. Очень многое меня ранит, все мои

друзья выпивают и не видят в этом проблемы, даже если я иногда прихожу в рассудок и говорю «никогда не давайте мне пить» — всерьез это не воспринимается. Нужна компания, человек, который тоже завязал, и которому я могу доверять. Нужно выращивать свой путь заново, каждый день. Я хочу, чтобы этот читательский дневник был моим компаньоном в 2018 году.

Возможно, я прочитаю одну, пять или десять книг Кинга, которые раньше не читал, а возможно что-то перечитаю. В 15 лет мне нравилось, что и как он пишет о супергероях, об их зависимостях, о сложности управлять своим даром. И кажется, что любая жизнь — это жизнь супергероя.

3–4 ЯНВАРЯ

ПРОЧИТАЛ: *Стивен Кинг «Доктор Сон»*

В «Как писать книги» Стивен Кинг говорит, что черновик — это черновик минус 10 процентов текста. Мне кажется, «Доктор Сон» надо было сократить в полтора раза, а может и в два. Но, возможно, я не прав, и как раз нудное повествование между редкими напряженными моментами помогло мне самому успокоиться. Я чувствую себя нормально благодаря этому чтению и этому дневнику, благодаря разглядыванию странного лица Стивена Кинга (иногда я его гуглю между главами), благодаря возникшему в ночи легкому страху, скорее не из-за этой книги, а из-за ожививших воспоминаний (которые, вроде бы, всегда были рядом, но словно под слоем пыли), как я читал в отрочестве его романы, не отрываясь, до рассвета или прямо до момента, когда надо было вставать в школу. Мне было жутко, я старался не смотреть в окна, не смотреть туда, где темно, это был не трупный страх, который я сейчас часто испытываю в депрессивные периоды, а животный страх, освежающий, наполняющий энергией и повышающий аппетит. И сегодня ночью я шел по темному коридору коммунальной квартиры помыться перед поездом и почувствовал этот живительный страх.

Потом я поехал на Ладужский вокзал, съел овощной сабвей, залез на верхнюю полку и дочитал роман с ноутбука, неудобно положив его себе на живот. Сейчас раннее утро, я еду из Петербурга в Москву. Первый трезвый концерт в этом году, на днях я простыл, но мне уже лучше, кажется, что благодаря этим двум безвкусно написанным книгам.

Может быть, регулярному читателю нравится все эти прописи, курсивы и мысли в скобках, стилистические

панчлайны, повторяющиеся из книги в книгу, но мне все это кажется стариковской игрой.

Борьба (супер) героя с алкогольной и наркозависимостью — это вообще одна из центральных тем Стивена Кинга. Я все же очень рад, что прошел с Дэнни «Доком» этот путь, и, может быть, даже хорошо, что приходилось продираться через стиль дешевой беллетристики. Еще очень понравилось одно описание, когда Абра устанавливает сигнализацию в своем сне, а Роуз пытается проникнуть в ее сознание. Наверняка, подобных сцен много в различном фэнтэзи, но я давно не читал этот жанр.

Раздражает, что книга очень сентиментальная, нестрашная и совершенно глупая. Нас пугают в начале адской принцессой, и я ожидаю, что она (то есть Роуз) будет охотиться на Аbru и Дэна, но происходит все наоборот. Армия добра не несет никаких убытков, что за хуйня? Дэн или Абра — кто-то из них должен был умереть.

На очереди еще один из относительно свежих романов Стивена Кинга, не помню, как он называется, а интернета сейчас нет. Там должно быть все помрачнее, и, согласно книге, когда с нами случится смерть, нас будут бесконечно терзать чудовища, похожие на огромных муравьев.

Ну да, чего еще ждать от загробной жизни, как ее постичь отсюда, из тела? Только в виде терзающих нас муравьев или топящего нас в своем замысле бога. Мне часто приходят подобные мысли, но я вспоминаю один свой летний сон.

Тогда я дописывал альбом «сеанс», и кошмары мне снились регулярно. Более того, я был уверен, что немного освоил телепатию, а еще находил какие-то мистические маршруты, мог заблудиться в двух дворах и встретить выдуманных мной же персонажей, немного путал прошлое и будущее. Сны были реальны, их география расширялась, иногда снились кошмары, а иногда наяву

я ощущал вибрации, которые пытались меня прикончить. Вылезал из собственной шкуры, наверное, вот что происходило со мной. Однажды я проснулся на кровати в комнате на Шпалерной, где тогда жил, это был сон во сне, и ко мне пришла смерть. Страшновато об этом писать, и тогда стало страшно. Визуализировал я ее довольно нелепо — она походила на кожаного робота и одновременно на богomoла, она точно была женского пола, и точно пришла покончить со мной. Но я вдруг почувствовал, что бояться нельзя, что надо ее возненавидеть. Шевелиться я не мог, только смотрел на нее, преобразуя страх в ненависть, пытался послать ее на хуй, но это был сон, в котором не получается говорить. Хотя она и так поняла, что я пытаюсь сказать, так мы и застыли. Я почувствовал ее недоумение, она была холодна и могла внушать только ужас, но своим внутренним воплем ярости я разогрел ее почти до человеческого удивления. Так мы и смотрели друг другу в глаза. Я проснулся. Испуга не осталось, но было волнение: я уже встретился с ней в этот раз и встречу снова. Я проснулся из сна в сон и продолжил делать альбом.

Короче, друзья. Будьте готовы, что муравьи будут вас терзать. Но не бойтесь этого, бояться бессмысленно. Постарайтесь их возненавидеть. Это для них не такой приятный завтрак, как наши страхи.

4–7 ЯНВАРЯ

ПРОЧИТАЛ: *Стивен Кинг «Возрождение»*

Прошло две недели, как не пью, и я начал чувствовать себя уверенней в этом состоянии, трезвость понемногу входит в привычку. Целых четыре дня ушло на чтение «Возрождения», много всего случилось, только сегодня ночью смог вчитаться, осилив большую часть книги. Начал я еще в поезде, когда ехал на московский концерт. На следующий день был концерт в СПб, еще мы с Дашей сделали большой заказ в ИКЕА (самый мещанский день в моей жизни), а вчера, 6-го числа, приезжала служба, найденная по запросу «куда деть старый диван спб». Послезавтра уже запись вокала ночных грузчиков, а у меня еще несколько текстов не готово. В эти дни я болел, но простуда отчасти спасла меня — отняла силы, не дала пребывать в маниакальном состоянии.

Я немного тревожусь. Из-за халязионов, из-за жуткого внутреннего ячменя под нижним правым веком, из-за возникающей иногда кожной аллергии, из-за слабости и редких головных болей. Возможно, это все психосоматика, попытка спастись от прозрений. Нельзя заниматься этой ерундой — воображать свое умирание, нельзя бояться (это почти то же самое, что мечтать), что этот год будет моим последним. Надо иметь проект на долгие годы, иначе закончишься.

В новогоднюю ночь мы гуляли в центре, и пьяный возглас прохожей девчонки отвлек меня от сна, заставил иллюзии стать прозрачными и напомнил о том, что у всего есть конец:

— Поздравляю! Последний год живем!

Не стоит программировать себя этим пророчеством.

Я ушел в сторону от «Возрождения». Очень понравилась начало, макет озера и механический Иисус, было предвкушение страшной и сильной книги. Но потом повествование начало буксовать, я стал теряться в подробностях, авария — ключевое событие, с которого начинается замес — изложено хоть и с кровавыми подробностями, но как-то холодно, плоско, как будто без души. Плохо описана героининовая зависимость героя-наблюдателя, да и вообще много скучных мест. Намек на саспенс появляется лишь во второй половине. Не очень понятно, что это за муравьи, почему именно они? Напоминает две параллельные линии в любом мультсериале, но тут они переплетены абы как, и вообще статья на Википедии с пересказом фабулы произвела на меня больше впечатления, чем сама книга. Но и в книге что-то есть — предчувствие ада как финала, хотя все это я уже получал от фильма «Константин: Повелитель тьмы» в подростковом возрасте и от сборника английских сказок в детстве.

Я боялся «Возрождения», когда начинал читать и испытывал к нему страсть, потому что думал, что оно усилит мое волнение — ожидание смерти; но эффект оказался скорее обратным, примиряющим. Если Стивен Кинг к старости ничем не может испугать, значит бояться действительно нечего, кроме скуки и конечности жизни. Все это просто поделка, никакого волшебного ларца он в руках не держит, да и Лавкрафт, которого Кинг цитирует, не держал, все мы шарманщики, и двестишь-эпиграф, которым нас пугают эти двое, не страшнее Паланиковской сверхмысли о поющих и танцующих кусках говна.

Но. Роман «Возрождение», как и почти все, что читаю, рифмуется с тем, что я проживаю. Он довольно скучный, но оставил немного приятное, болезненное и сентиментальное (сейчас будет очень пошлое слово, но оно

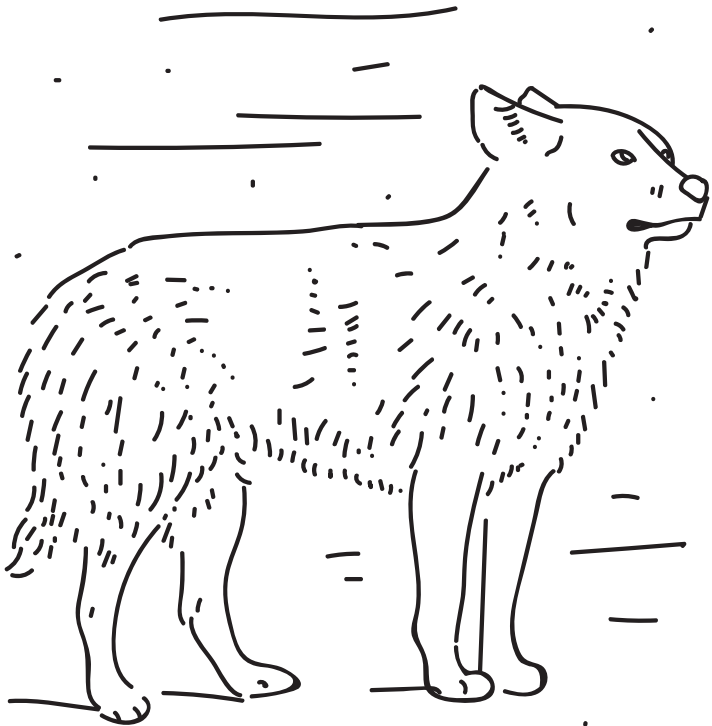
подходит) послевкусие, примерно такое же остается после чтения и перечитывания «Платформы» Уэльбека. Будто прочел, вроде как, безделицу, но есть там что-то настоящее, несколько находок, из-за которых стоило копаться в мусорном баке.

9–12 ЯНВАРЯ

ПРОЧИТАЛ: *Курицио Малапарте «Шкура»*

Тех мертвых я ненавижу. Всех мертвых. Они чужие, они единственные настоящие чужаки на родине всех живых людей, на нашей общей родине — жизни. Американцы, французы, поляки и негры принадлежат моей расе, породе людей живых, моей родине, которая есть жизнь; они, как и я, говорят на горячем, живом, звонком языке, они двигаются, ходят, их глаза сверкают, губы открываются для вдоха, улыбки. Они живые, они живые люди. А мертвые — чужие, они другой расы, расы мертвых, у них другая родина — смерть. Мертвые — наши враги, враги моей родины, нашей общей родины — жизни. Мертвые наводнили всю Италию, Францию и Европу, они единственные чужаки здесь, в униженной, побежденной, но еще живой Европе, они единственные враги нашей свободы. Жизнь — наша истинная родина, мы должны защищать ее и от них, от мертвых.

Пытался начать читать еще 8-го, но буквы никак не складывались в предложения. Заболел, запаниковал, казалось, что умираю. Рано лег спать, 9-го проснулся среди ночи, испуганный мыслями о болезни. Вчитался в книгу. Потом мне нужно было ехать к Никите записывать вокал для ночных грузчиков. У Михаила Енотова было готово одиннадцать текстов, а у меня только семь. Перед записью я выпил терафлю и легко записал пять треков. Пока Михаил Енотов начитывал те песни, на которые у меня не было текста, я вырубился, слушая сквозь сон, как он бормочет в микрофон. Проснулся и записал оставшиеся две, но, может быть, их придется переписывать, голос мой

уже был не такой после сна, появилась неприятная гнусавость. Ладно, разберемся. В следующие дни я чередовал чтение и хождение по больницам. Мои халязионы растут, кашель и насморк не проходят.

Книга Малапарте — ода проигравшим войну, ода поражению, она написана очень здорово, предложения как змеи, заползающие в брюки. Есть все же ощущение, что этот роман собран из отдельных рассказов, но это неплохо. Очень поэтично и эстетски описаны ужасы войны. Не знаю, нравится ли мне его манера делать рефрены, наверное, да. Это напоминает музыку, даже напоминает реп. В каждом рассказе, каждой главе, он находит основной аккорд и помещает в ручей текста небольшую воронку, который заставляет тебя не забыть основную мысль. Плыть, а потом захлебываться. Выныривать и плыть дальше, ожидая следующей воронки.

Один из самых ярких и страшных моментов книги — флешбэк про смерть собаки. Кто-то крадет пса Малапарте. Он ищет его по городу, по собачим приютам и, наконец, находит в лаборатории, со вспоротым животом, еще живого, над ним врачи проводят эксперименты. Герой бродит в слезах среди распятых собак, они не издают ни звука, лишь смотрят на него с нежностью и тоской. Почему они не скулят? — спрашивает Малапарте у врача. Мы удаляем им голосовые связки, — отвечает тот. Он говорит, что обычно они не прерывают эксперимент, но все же делает укол, чтобы лишить мучений этого пса. Остальные же остаются мучиться.

Не забыть найти рассказ «Пес как я». Вроде бы он опубликован в «Иностранной литературе» за январь 2017 года. Найти этот номер.

Также очень впечатлили рассказ про героев-педерастов и новелла про мужчину, раздавленного гусеницами танка в Риме в толпе радостных итальянцев, приветствующих

американских героев. Центральный образ всей книги — покойник — человечья шкура. Тело, тонкое, как ковер, несут на лопате.

Вообще очень много хороших мест, тяжелая книга, смелая и честная, хотя и много в ней какого-то странного самодовольствия, пустых уже слез аристократа — или это мне кажется, неопытному, никогда толком не дравшемуся и видевшему за всю жизнь только убийство насекомых и животных? «Я — и смерть». Когда герой помогает раненному в живот умереть, изображая шута, или когда отказывается убивать людей, отдает оружие, — доблестно или самодовольно Малапарте-рассказчик носит свое унижение? И еще иногда утомляют фрагменты про великих людей, заставляют недоумевать. Как он смакует свое понимание великих, как он панибратски о них говорит, есть что-то в этом (анти) журналистское, мелкое, потому что о рядовых людях он рассказывает мягче, с любовью, а стоит заговорить о великом персонаже, он разворачивает линзу, уменьшает персонаж.

Ну и я — причина во мне, может, я плох как читатель — не понимаю этих братских сплетен о графах и художественной богеме, о сбросе и признанных, мне всегда, в любой книге кажутся слабыми те места, где использованы имена собственные, подключаются истории, для понимания которых может потребоваться образование. Все это для меня капуста. С другой стороны, текст — это документ, маленькая часть пазла, который ты никогда не соберешь, хотя можешь собирать всю жизнь. Ладно, тут все нормально, как есть, так и есть.

Сейчас пойду к терапевту. Аня, соседка, послушала мою грудь через стетоскоп и говорит, что у меня может быть воспаление легких. Этого еще не хватало. Стал пить антибиотики по рекомендации офтальмолога, и сразу начался понос. Лицо сохнет и зудит. Мне будто не 32, а 70. Сегодня вечером надеюсь забрать у Оксаны соковыжималку. Не пью алкоголь 20 дней.

23–24 ЯНВАРЯ

ПРОЧИТАЛ: *Сэм Филлипс «...измы. Как понимать современное искусство»*

Целых 10 или 11 дней не получалось читать. Брался за какую-то книгу, но тут же поток мыслей загонял обратно в себя. Слишком много было дел: ходил в поликлинику, лечил глаза и сухой аллергический кашель, еще запись и сведение альбома, сценарий, который мы дописываем с Игорем Поплаухиным и Кириллом Рябовым, книга рассказов «Букет Алехина», которую я пишу и редактирую одновременно. Еще пытаюсь подыскать сейчас режиссеров, которые снимут мне клипы в ближайшее время, крутых видеопиздюков. Также ходил на днях снимать бэкстейдж съемок клипа Хана Замая. Есть у меня идея за этот год сделать несколько видосов, такой сериал «Жизнь замечательных людей», как последняя книга Марата, только посвятить не писателям, а музыкантам, преподнести их как прекрасных неудачников, обаятельных и неуклюжих. План такой — выпускать эти видосы примерно по одному в месяц, брать у каждого музыканта или группы какой-то мерч, толстовку или футболку, а в конце года разыграть всю эту коллекцию вк. Не знаю, зачем мне это надо, наверное не доведу до ума эти проекты.

Сперва я хотел прочитать «Капут» Малапарте, еще 13-го числа нагуглил и открыл предисловие — но понял, что нужно сделать паузу. Что-то менее мощное почитать. К тому же глаз гноился и быстро уставал, поэтому я решил взять книги на бумаге. Начал «Сердца в Антлантиде» Стивена Кинга, которую принес мне Кирилл со стопкой других книг. Однако в течение нескольких дней топтался на первых страницах, потом бросал и занимался своими делами. Не получалось.

Вчера наткнулся на Дашину книгу «...измы» и весь вечер читал ее, а с утра закончил. Так я вступил во второй месяц без алкоголя. Начитается книга краткой справкой об экспрессионистах, а заканчивается стрит-артом — от Моне до Бэнкси. Надо будет перечитать еще раз эту книгу или подобную ей, но уже не только смотреть репродукции, но и гуглить всех художников, которые там упоминаются, потом создать папочку на ноутбуке, скачивать и помещать туда любимые картинки. Возможно, так я немного прокачаюсь в понимании визуального искусства и стану снимать видосы немного лучше. А если и не стану, то все равно это будет мой шаг в сторону от болезни Альцгеймера. Ну и просто интересно смотреть репродукции и фотографии картин, скульптур и инсталляций, хотя читать сопроводительный текст было не очень. Я скорее думал о том, какой я молодец, что не отшвыриваю скучную книгу, а продолжаю ее загружать в голову через свои старенькие проводки.

На днях ходил сдавать анализы в поликлинику. Не был предупрежден, что нужно приходить со своей баночкой. Добрался до лаборатории, она была через квартал от основного корпуса, во дворе жилого дома. Вот я вхожу в это полуподвальное помещение, стучусь в дверь. Выглядывает женщина в халате и спрашивает:

— Чего вам?

— Как здесь сдать анализы?

Она посмотрела на меня как на идиота, и указала на стол:

— Приносите и сюда ставите.

Там стояли пластиковые баночки с мочой, каждая аккуратно обернутая резинкой, под резинкой прикреплено направление. Я отправился в аптеку, темно еще, в голове у меня играет песня группы Кровосток «Сдавать говно». Баночку для мочи я купил за пятнадцать рублей, но где же

взять резинку? Я думал оставить часть упаковки-пакетика, заправить направление туда и нассать в баночку прямо во дворе. Но решил все-таки зайти домой. Пришлось забрать у Даши одну из ее резинок для волос. Для меня все эти больничные хождения очень волнительны, слишком много новых квестов. Скорее всего, я не успею прооперировать халязионы до отъезда. Во всяком случае, через поликлинику, там все сделано так, чтобы ты умер, пока попал к нужному врачу. Например, терапевт дает тебе направление к аллергологу и номер телефона, по которому ты должен записаться. Ты обходишь больничку, ставишь нужные печати, приходишь домой, звонишь, и оказывается, что к аллергологу никак не записаться ближайший месяц, что он либо перестал принимать, либо в отпуске.

Взять бы все эти бумажки, направления, мочу, кровь в ампулах, потерянную в регистратуре карточку, рваные бахилы повторного применения, на которые постоянно забываю взять мелочь, и которые мне приходится доставать из мусорного бака, — вот все это собрать и устроить выставку. Вопрос: что тебя быстрее прикончит: болезнь или попытка ее вылечить?

Да. Еще хочу записаться к урологу. Посмотрим, имеет ли смысл посещение уролога в поликлинике. Мне нужно обследовать свои причиндалы: что там с простатой?

24–26 ЯНВАРЯ

ПРОЧИТАЛ: *Стивен Кинг «Сердца в Атлантиде»*

Мой друг Никита сейчас сводит нам альбом ночных грузчиков, он же писал вокал. У него есть паблик вк, который называется «Пердок в мировой литературе». Недавно он меня спросил, есть ли какое-нибудь хорошее описание пердежа в моих рассказах. Я припомнил один фрагмент, и Никита попросил его выложить, то есть сделать предложенную запись — позже он одобрит и вывесит. А также попросил выписывать фрагменты с описанием пердежа из книг, которые я читаю. Но я не захотел воскрешать тот свой рассказ (его надо было просто восстановить из удаленных текстов на «прозе ру», но мне не хочется с ним сталкиваться — называется он «Царство гомосеков», и это правдивая история о том, как в 2004 году я спьяну дал пососать мой хер парню) из-за чувства стыда за старый текст. К тому же там пердок описан очень косвенно... «Мой эмоциональный мир — песни пьяного Колумба. Папа, папа, если с жуткого бодуна пукнуть под куртку, даже из рукавов пахнет» — что-то в таком духе.

Я решил, что обязательно напишу что-нибудь специально для Никиты.

Что хорошего я могу вспомнить о пердеже? Хорошо было сказано у писателя Вадима Шамшурина, книгу которого я издавал два года назад. Офис, лифт, кто-то перданул. И надо одновременно показывать, что это не ты и что ты никакого запаха не чувствуешь.

Есть ли у вас такой страх? А что если я пержу больше, чем другие люди? Что если я пердун?

В тот же вечер редактировал рассказ для «Букета» — и мне захотелось дописать сцену, как главный герой (я)

пукает в трамвае. Вот так Никита повлиял на текст, подбавил туда вони.

Потом вечером я валялся с книгой Стивена Кинга и там тоже нашел подарочек для паблика Никиты. Меня очень обрадовала находка, ведь Никита сейчас грустный, баба бросила, с работы его уволили, хочется как-то поддержать пацана. Идея кому-то может показаться глупой и вульгарной, но я думаю, он со временем сделает классный сборник мирового литературного пердежа — и будет дарить эту книгу друзьям. А я помогу оформить и издать, может быть, даже выпущу эту прекрасную безделицу в своем издательстве.

А вот фрагмент из Стивена Кинга:

Покончив с уборкой, они сели смотреть «Мустанга» с Тайем Хардином. Не лучший из так называемых вестернов для взрослых (самые лучшие — «Шайенн» и «Бродяга»), но и не плохой. На середине Бобби довольно громко пукнул (коронное блюдо Теда начало действовать). Он покосился исподтишка на Теда — не задрал ли он носа и не гримасничает ли? Ничего подобного, глаз от экрана не отводит.

Когда пошла реклама (какая-то актриса расхваливала холодильник), Тед спросил, не пьет ли Бобби стакан шипучки. Бобби сказал, что выпьет.

— А я, пожалуй, выпью «алка-сельтерс» от изжоги. Я видел бутылочки в ванной, Бобби. Возможно, я чуточку переел.

Когда Тед встал, он продолжительно и звучно пукнул, будто где-то заиграл тромбон. Бобби прижал ладони ко рту и захихикал. Тед виновато ему улыбнулся и вышел. От смеха Бобби опять запукал — очень звучная получилась очередь, а когда Тед вернулся со стаканом брызжащей «алка-сельтерс» в одной руке и пенящимся стаканом рутбира в другой, Бобби хохотал уже так, что по щекам у него потекли слезы и повисли на краю подбородка, точно дождевые капли.

— Должно помочь, — сказал Тед, а когда он нагнулся, чтобы отдать Бобби шипучку, из-за его спины донеслось громкое гоготание.

— У меня из задницы гусь вылетел, — сообщил он серьезно, и Бобби так заржал, что не усидел в кресле, а сполз с него и скорчился на полу, будто человек без костей.

Не знаю, что-то я устал от этой книги, не хочется даже вкратце рассказывать, о чем она, не хочется ее критиковать или оценивать. Но есть что-то в Стивене Кинге, отчего я возвращаюсь к нему. Может быть, эти вечные «от автора», где он благодарит свою жену. Или тщательность, с которой он выстраивает мир, его трудолюбие и вера в жизнь. Спасибо моей жене, спасибо моей жене... Богатый мясоед Стивен Кинг.

Я как-то спросил у поэта Лехи Никонова:

— Как ты думаешь, вот если мы с тобой сталкиваемся с такими не совсем воображаемыми чудищами, то, как Стивен Кинг вообще живет? У него же за завтраком динозавр может вылезти из-под стола!

Леха ответил:

— Ты че, Жень! У них по-другому, он тут же пачкой бабок этому динозавру пасть заткнет.

И поблагодарит любимую жену за редактуру и за яичницу с беконом, господи боже мой. Хороший человек Стивен Кинг, маг, который отремонтировал свое туловище после того, как его переехал автобус.

А кто моя жена? Вроде бы, все очень хорошо, я вернул Дашу. И есть какое-то спокойствие, есть желание вставать по утрам, писать эту книгу и доделывать «Букет Алехина», записывать песни и работать над сценарием.

Но раньше я как-то легче все понимал. Я даже когда был с Богданой и знал, какой она чуткий человек, и как я горячо и хорошо к ней отношусь, все же постоянно мысленно

задавал себе задачку: Даша — Богдана — пистолет. Один выстрел — один труп. Первый рефлекс — кого я спасу? И спасал Дашу. Из-за этого я мучился и думал, что обязан расстаться с Богданой, что я, как она говорила, «ахуел» — пока у меня такой рефлекс. Либо возвращаюсь к Даше, либо остаюсь один. Может быть, это просто желание действовать вопреки здравому смыслу? В прошлое вернуться нельзя, говорил Валера. Богдана великолепный человек, говорил Костя. Даша самая бестолковая из твоих баб, говорил Михаил Енотов. Но для меня это означало, что нужно вернуться к ней. Любовь важнее «толка», запомните это хорошо, толкователи, и чем меньше было в этом здравого смысла, тем сильнее были чувства.

Сейчас я уже ничего не понимаю. Какая-то хуйня эти умозрительные задачки. Сейчас я дергаюсь и пытаюсь спасти обеих, и в итоге умирают все. Есть что-то в этом неуловимо правильное.

Нас ведь все равно нет, и это удивительно. Вроде бы все есть, но ничего нет.

Завтра планирую прочитать книгу стихов и текстов Андрея Лысикова, он же Дельфин. Один из моих отцов, может быть даже самый главный отец.

27 ЯНВАРЯ — 5 ФЕВРАЛЯ

ПРОЧИТАЛ: *Андрей Лысов «Стихи»*

Больше недели читал книгу Дельфина. Очень много событий. В прошлый понедельник мне сделали, наконец, операцию. Довольно неприятная процедура, но офтальмолог-хирург сказала, что я держался молодцом, как редко кто держится. На правом глазу мне прооперировали нижнее веко с внутренней стороны, а верхний халязион просто проткнули иглой — это было даже большее. Левый глаз, как мне сказали, трогать не стоит, там слишком маленькое образование, пусть останется. День я ходил с повязкой, а во вторник мы уже записывали песню «Все умные люди планеты» и одновременно снимали клип. В этом клипе у меня будет смачный синяк.

Внезапно пришла идея, что продавца говна должен сыграть видеоблогер Дмитрий Ларин. Я давно слышал, что он поклонник нашего творчества, поэтому скинул ему идею через Замай. Ларин ответил, что он не в Петербурге, но сказал, что снимет сам и пришлет мне. Потом придумал снять нескольких знакомых музыкантов, а вернее, чтобы они сами себя сняли, хоть даже на телефон, и прислали мне. Они будут монтажно подпевать о том, что «все умные жрут говно». Мне очень хочется выложить этот клип за несколько дней до альбома ночных грузчиков как отвлекающий маневр. У всех будет гореть зад, будут писать гневные комментарии, что Алехин проданся, у него в клипе снимается Ларин, Замай и Олег ЛСП. А через несколько дней эти люди получат настоящий удар — альбом ночных грузчиков. Сейчас уже большая часть песен сведена, и такого крутого звучания у меня еще не было.

А еще мы сходили на балет. Косте какая-то незнакомая девушка (видимо, наша слушательница) прислала пдф-файлы с билетами, сказала, что мы с Костей должны сходить. Костя написал ночью перед спектаклем. Я думал, откажусь — дел было много и хотелось выспаться. Потом решил — насрать. Надо иногда останавливать состав и выходить полюбоваться пейзажем.

Вход — как на вокзале. Металлоискатели, охрана. В гардеробе нам предложили бинокли, но мы отказались. Прошли в огромный зал. Я провел трансляцию, сфотографировал Костю без шапки. Торжественность мероприятия заставила его снять шапку, что он редко делает вне своей квартиры, практически никогда. Не любит сверкать лысиной.

Потом началось представление. Музыканты играли из ямы, я думал о том, какой у них коллектив, кто, сколько получает денег. Начался, собственно, балет. Сюжет пересказывать не буду. Единственное, мы с Костей не сошлись: я думал, что главный антагонист — колдун, одетый, как старуха, а Костя решил, что это мужик, который играет колдунью. Я хотел зауглить постановку и проверить, что это было, но решил, что иногда излишняя ясность только мешает, пусть это посещение превратится в скомканное воспоминание, как сон, который ты не можешь ухватить в памяти. Потом была очередь в гардероб, как коридор между мирами, и выход на улицу, на воздух — как возврат к привычному времени. Недоуменная скука, унылые танцы, размышления о досуге и буднях актеров, зрителей и китайских туристов, сидящих в ряду перед нами, — все это дало ощущение сильного рапида, будто я уже снял все происходящее на вожеленную камеру G9 со скоростью 180 кадров в секунду. А потом мы пошли есть фалафель на Моховой, и все замельтешило перед глазами.

Дни были насыщены событиями. Я брал книгу и прочитывал несколько стихотворений, потом возвращался

к своим делам. Дельфин, наверное, главный артист для меня. Я, конечно, достаточно хорошо знаком с творчеством группы Мальчишник, как и все люди моего возраста, но после его сольного альбома «Не в фокусе» сам стал писать стихи и реп. Пожалуй, ничего я так много не переслушивал в подростковом возрасте, как этот альбом. На втором месте идут рабы лампы, их «Это не больно». Интересно, что оба моих отца, Дельфин и Грюндиг — героинщики. Но Дельфин дал мне мораль, рассказал о важных вещах, указал, что самому мне можно избежать героина, рассказал, кто такие барыги и что не существует маленьких или больших решений. А еще научил меня делать музыку из сэмплов, одной лишь формулировкой «музыкальные коллажи», напечатанной на вкладыше к аудиокассете. Он всегда действовал на грани фола, часто я немного смущался его текстов, смущался того, что они мне нравятся.

Мне вспоминается одна сцена из жизни. Был 99 или 2000 год, я валялся в своей маленькой комнате в Кемеровском районе, поселок Металлплощадка, на продавленном диване и слушал «Глубину резкости». Тут заходит отец (мой папа, биологический) и на минуту забывает что собирался мне сказать. Он понимает, что я слушаю песню или что-то вроде стихов, наложенных на музыку, замирает, слушает вместе со мной. В это время голос Дельфина произносит:

*Жизнь и смерть что-то от меня прячут
Хотят сделать из меня уroda
Это просто слова которые вообще ничего не значат
Кроме того, что они женского рода*

Отец даже приоткрывает рот от такой глубокомысленности и говорит:

— Какая чушь.

Меня и самого в 14 лет смущало это место, но он застал меня врасплох, совершенно беззащитного, и нанес удар по моему вкусу. Но все равно все эти годы я очень любил и уважал Дельфина в том числе и за это умение — делать тебя уязвимым. Читая книгу, убедился, что он настоящий поэт, что он показывает только верхушку айсберга и оставляет возможность додумать. Даже новые песни по-своему хороши, заслуживают внимательного прослушивания. В то же время есть подозрение, что Андрей Лысиков просто гонит стильное фуфло.

Из того, что вошло в книгу, мне больше всего понравилось это стихотворение (текст песни «Земля»), раньше я его не замечал, не вслушивался внимательно:

*Внутри меня растет дерево
Его корни становятся крепче
Бесцветные живые отростки, используя пути вен
Стремятся вниз, ищут землю
Дереву нужен покой
Чтобы стоять на одном месте и думать о том,
как далеки звезды
Я чувствую: в моих легких распускаются новые
и новые листья
С каждым днем становится труднее дышать
Дереву не хватает света моего внутреннего солнца
Его ветки прорастают в мои руки, пытаюсь поднять
их вверх к огромной яркой звезде
Иногда я чувствую, что дерево думает вместо меня
Я понимаю это по мыслям о будущем, столь далеко,
что не могли родиться в голове человека*

Мы с Михаилом Енотовым хотели предложить Дельфину фит для нового альбома, а потом все-таки не решились. Вроде бы, даже есть возможность выйти на него.

Но я испугался, что ему будет это неинтересно и даже неприятно (фитов-то у него выходило очень мало), что он закрыт, что для него я буду одним из сотни внебрачных детей, стучащихся в трейлер, — тем, кого он скорее предпочел бы не видеть, чем видеть.

Или все-таки Дельфин уже совсем ослаб как поэт? Последний альбом был нормальный, но на одно прослушивание. Без музыки Додонова не хочется гонять в плеере на повторе.

7–9 ФЕВРАЛЯ

ПРОЧИТАЛ: «Балабанов. Перекрестки»

Это сборник лекций о Балабанове, прочитанных кинокритиками в Петербурге три года назад. Плюс в конце книги немного дневников самого Балабанова, которые внезапно обрываются, и кажется, что их слишком мало. Последняя запись — заметка о том, что он закончил снимать свой первый игровой фильм. Может быть, составители специально так отредактировали и выстроили книгу, чтобы заинтересовать читателя наследием, посеять интерес, тогда это очень тонкий ход. Во всяком случае, мне захотелось найти возможность опубликовать его дневники в своем издательстве. Вернусь из тура и в марте-апреле подумаю над этим.

Сами лекции не то чтобы впечатлили, но я прочитал их с удовольствием. Это чтение, которое не заставляет мозг работать, а дает передышку, отсылает к собственным откровениям, вызывает ностальгию. То, что мне было нужно сейчас, в паузах между монтажом клипа, сведением альбома и походами в поликлинику. Вчера, например, наконец, сходил к урологу. Решил, что до отъезда в тур очень важно обследовать простату и сдать анализы на ЗППП, может быть, начать лечить мою застарелую уреаплазму, так мне будет легче в туре никого не поиметь. Иногда мне самому тошно от того, какой стерильной я пытаюсь сделать свою жизнь. Подсознательно я начинаю планировать измену, прикидывать варианты секса на гражданке и в туре, но одергиваю себя. Затем и нужна эта книга, перед ней нельзя будет соврать, от нее нельзя будет утаить ничего важного. Один год. Продержись этот год, спи

только с одной женщиной, не пей алкоголь. Разберись в себе и работай, вот что мне говорит собственный дневник. Дальше будет легче, привыкай не быть животным. Один шаг, один день, один год, а там уже и привыкну. В общем, уролог вроде оказался нормальным, часть анализов уже пришла по электронной почте, там все чисто, в понедельник пойду к нему на прием.

Еще сегодня утром был у терапевта, она сказала, что по анализам крови на ВИЧ, вирусные гепатиты, сифилис и вообще по всем другим анализам — тоже все чисто. Есть только какие-то показатели аллергии в крови. Но уже две недели прошло, как я их сдавал. Тогда у меня был сильный кашель. Увлажнитель воздуха работает, и сейчас я не кашляю. Стараюсь не есть цитрусовые и острое — и чешусь не очень много.

Раз уж книга попала в руки, начал пересматривать (и смотреть впервые) фильмы Балабанова. В первый вечер решился, наконец, посмотреть «Груз 200», во второй пересмотрел «Жмурки». Сегодня, буду смотреть «Я тоже хочу». Пройдя, таким образом, от восьмьдесят четвертого, года, когда меня зачали, через девяностые к нулевым, которые самое время осмыслить.

Пытаюсь переписать один текст, завтра надо будет сделать новую версию вокала. Мне кажется, в этой песне («записки») я сильно отстаю от Михаила Енотова, у меня не хватает понимания, о чем хочу сказать. Первая версия, в которой трек существует сейчас, слишком туманна — «каждый раз, выходя из дома, я оставляю на столе предсмертные записки / я так боялся жизни, что тысячу раз симулировал самоубийство», а дальше уже нагромождение каких-то поломанных шкафов. Наверное, главное, о чем я пытаюсь сказать, это, что пора перестать воспринимать время циклично и прогнозировать (что есть равняется программировать) собственную смерть. С этим

более-менее разобрались. Смерть — не театральная постановка, она просто придет, и репетировать ее не стоит.

Великое кино снимал Балабанов. Не любил его в отрочестве, но после двадцати пришло понимание, что это главный режиссер своего поколения. Кстати, это случилось после фильма «Жмурки». А сейчас, 12 лет спустя, после «Груза 200» утвердился в этом чувстве.

Вот только думаю и не понимаю. Предпоследняя сцена. Клуб, Цой, мой приятель Дима Кубасов в роли прыгающего парня — идиотский танец и диалог. Знакомство, непонятный съем, ощущение чего-то околлогейского, загромождающей псевдодружбы. Это подделка под плохо поставленную сцену? Или сцена плохо поставлена? Или мне так кажется, потому что там сыграл Дима — человек, который снял документальный фильм «Алехин», изобразив меня королем слабоумных?

Уже был уверен, что мне попался отличный уролог. А сегодня открыл свою карточку. Там написано, что у меня жалобы на недержание, что ночью мне приходится вставать и ходить в туалет. А еще что у меня боль во время эякуляции. Это меня особенно разозлило. Либо парню лень было заполнять форму, и это копипаста, либо он мне чужие данные по ошибке вписал. В общем, в понедельник надо будет с ним серьезно поговорить на эту тему.

О, зато появился повод рассказать две урологические истории. Но как-нибудь потом.

13 ФЕВРАЛЯ

ПРОЧИТАЛ: *Фридрих Горенштейн «Чок-чок»*

Понедельник, 12-е число, был таким себе днем. С утра сходил к урологу, спокойно спросил, чтобы припугнуть его своим холодным тоном:

— Это что,— говорю,— копипаста? Или вы мне чужие результаты вписали?

— А это вам не надо смотреть! — сказал он.

По голосу было ясно, что он заволновался. Рыжий желеобразный паренек, младше меня лет на пять. Он сказал, что вынужден такое писать в карточке, иначе меня не будут обслуживать бесплатно в поликлинике. Но, кажется, это вранье. Короче, он мне прописал антибиотики. Возможно, никакого вреда эта уреаплазма не приносит, но, если я начну в туре пить «Юнидокс», лекарство станет лишним союзником в борьбе с блядством. Вернусь и еще раз запишусь к урологу на прием, надо с ним пожестче, чтобы либо назначал все анализы и процедуры, либо же отправил, пусть даже за деньги, к врачу, который разбирается в своей профессии. Простата, я сделаю все, чтобы ты поправилась, малышка. Я много тебя пытал, на алкогольных отходнях насиловал половую и сердечно-сосудистую системы, доил собственный хуй много раз на дню и терся об таких же несчастных и одиноких девчат, через силу заставляя тело давать мне удовольствие, чтобы забыть о вечном ужасе и вечной тьме, которая ждет каждого труса. Но я пытаюсь повзрослеть.

Вечером ходил к Игорю Карнаушенко мастерить песни. Игорь выдал такое, что я чуть не упал на задницу.

Мы с ним обговорили за две недели дни, в которые будем заниматься альбомом. Несколько раз я переспрашивал, и он отвечал, что все в силе, мы успеем. Но в итоге он все-таки слился из-за других дел. Короче, не хочется жаловаться, но я очень огорчился. Если бы он предупредил за неделю, я бы все переиграл, мастерил бы в другом месте. В итоге мы немного поработали, и он сказал, что более не может. Захотелось выпить. Скоро будет два месяца. Иди домой. Пить нельзя. Добрался до дома, отключил телефон и вырубиться на двенадцать часов. Хорошо, что организм так отреагировал. Иначе бы пришлось бросить заниматься музыкой. Неуважение к договоренностям, нарушение слова — вот что ломает мир. Наверное, уязвимость перед такими вещами есть самая главная моя проблема.

Проснулся, и чтобы не думать об альбоме, о переносе релиза и о том, как все мое предрелизное планирование (в том числе отвлекающий маневр — выход этого идиотского клипа!) накрылось, читал книгу «Чок-чок» с ноутбука. Никита меня чуть ли не заставил ее прочесть. Сперва несколько раз говорил о книге, потом скинул текст. Написал ее видный сценарист и драматург, среди его работ — адаптация «Соляриса», поставленная Тарковским.

Сначала читать было очень интересно. Два героя — мальчик Сережа и девочка Бэллочка, ее же прозвали «Чок-чок», их первый поцелуй, отношения, взросление, планирование секса. Отлично все описано, честно, сухо и метко, без лишних пояснений и со знанием людей. Каждому из ребятшек автор дал по одинокому родителю, за которыми тоже очень интересно наблюдать. Но секс не получается, и они, мальчик с девочкой, расстаются, презирая друг друга и каждый себя. Сережа в итоге распрощался с девственностью, покувыркавшись с взрослой сентиментальной блядью.

И тут неожиданно в оставшихся двух третях книги вместо четырех героев остается один Сережа, с которым автор как будто не знает, что делать. Тянет его унылую историю, от главы к главе мое внимание рассеивается. Пересказывать уже нет желания.

14 ФЕВРАЛЯ

ПРОЧИТАЛ: *Никита Каф «Неправда»*

Мы немного поссорились с Мишей, из-за чего очень плохо спал. Я с ним, по-моему, ни разу не ссорился за шесть лет, что он делает нам концерты, а тут непонятное что-то произошло. Показалось, что он перестал уважать меня, не знаю, где и что я сделал не так. Или он просто увлекся важностью других дел, так что не заметил меня с моим альбомом. Если бы он так и ответил — не всем до тебя есть дело — все бы разрешилось. Я ожидал от него какого-то простого объяснения:

— Не подумал.

Или:

— Твой альбом менее важен, чем моя группа, которую я хочу раскрутить.

Или:

— Я не хочу с тобой больше работать.

Он же предъявил мне, что я не ценю его помощь, с чем я не согласен. Всегда ценил его помощь и старался отвечать тем же, когда появлялась возможность. Еще он сказал, что я охуел (вернее написал, что еще хуже, ведь в переписке можно было бы и сдержать гнев). А еще он упрекнул неких «моих людей» в том, что они плохо свели голос. Типа я должен благодарить Игоря, что тот согласился доработать микс. Вот это меня просто в шок повергло. Благодарить человека за то, что он пообещал что-то сделать и не сделал? Будь ты хоть самым великим звукарем на свете, отвечай за свое слово. Земные вещи, честность, уважение к друзьям — их можно измерить. Все остальное — пердеж на сквозняке. Игорь сказал, что у нас будет три дня, их у нас не было.

Короче мне приснилось, что я жду Мишу в школе. Это не школа в которой я учился, но она напоминала любую провинциальную школу, и в то же время, это была какая-то новая локация, выстроенная мозгом специально для данного сновидения, никакой связи с остальной моей внутренней географией не было. Вроде бы, крутом были какие-то статисты, неважно. Я стоял на лестнице, зная, что Миша скоро должен пойти. И вот он появился в вечной своей фуражке и сумке-бабанке через туловище. Я начинаю размахивать руками и говорить:

— Почему ты сказал, что я охуел? Что это значит? Почему Игорь сказал, что он все сделает? Почему вы просто не сказали мне сдвинуть дату или найти другого звукаря?

А он просто спускается по лестнице, как будто меня нет. И я чувствую, что мое существование под вопросом. Олег ЛСП, Мальбэк, новейший говнопроект, который Миша подписал, — они есть. А моих альбомов нет, я вне информационного поля, старый амбротип, как Эдуард Лимонов, которому Ad Marginem собирает гроши на книгу стихов, запустили краунфандинг, подарив на 75-летие великому человеку унижение. Только я человек невеликий, и Миша делает вид, что меня нет. Какое-то время я стою на лестнице, потом выхожу на улицу. Миша пересекает футбольное поле, я бегу окружной дорогой, чтобы опередить его с другой стороны. Я знаю, к какому дому он идет, караулю во дворе. Но Миша не появляется. Мне хочется наброситься на него, спросить, почему, почему он меня проигнорировал, мы же друзья, можем не работать вместе, но любовь и уважение от этого не должны испариться. Но его нет. Мне не выбраться в реальный мир, моих песен никто не услышит.

Потом мне снилась наша переписка вконтакте. Я должен был с Максимом Тесли зайти к Мише и забрать книги, заодно пообщаться по осеннему туру, но ничего

не получалось. Проснулся и понял, что не пойду к Мише. Вдруг придется ругаться дальше.

Еще заболела Даша. То ли отравилась, то ли что. Понос и тошнота. Сходил с утра за лекарствами для нее. Она сказала, что сегодня сможет есть только кисель и сухари. Я пошел в гости к Лехе Никонову, надо было посоветоваться насчет Миши, не просить поддержки, а просто поболтать, выпустить пар. На обратном пути купил сухари и кисель. Сам я вообще решил сегодня не есть, дать организму передышку, пить воду. Слишком волновался. Я и сам уже несколько дней дрищу, так перенервничал с альбомом. Да насрать на эту дату выхода, но когда друзья тебя предают, хочется понять, что ты делаешь не так. Факт: я не вижу своих ошибок в этой ситуации. Разобраться, где здесь причина, а где следствие. Меня же не интересует эта микроскопическая шлифовка, мне хочется, чтобы каждый был рад работать. А Игорь не рад, но почему он не отказался сразу?

Создатель паблика «Дистопия» Никита Каф прислал мне текст своей дебютной книжечки «Неправда». Это короткие рассказы о детстве, детский сад, начальная школа, вот герой обосрался в первом классе, а вот его первый поцелуй. Прочитал их с удовольствием, делая редакторские пометки. Даша дремала и постанывала за моей спиной. Никита скинул мне фотографии заготовок книги — он хочет склеить обложки вручную из разноцветной бумаги и распечатанных на принтере картинок. Весь текст тоже хочет распечатать на принтере, собрать все своими руками. Все это произвело на меня терапевтический эффект, я написал Мише и сказал, что мне наша ссора в тягость. Он ответил, что ему тоже, и предложил завтра зайти к нему.

Вова Седых прислал обложку для альбома. А еще попросил послушать альбом его нового проекта «Горечь». Я послушал, отписался ему о своих впечатлениях, сделал эту запись и собираюсь спать.

16–18 ФЕВРАЛЯ

ПРОЧИТАЛ: *Герман Гессе «Степной волк»*

Много раз этот роман просился в руки, но я его не подпускал к себе, почему-то не хотелось читать. А накануне поездки в Петрозаводск и Мурманск, собирая рюкзак, стал смотреть, что есть у меня на полке. Решил взять «Степного волка» и сборник текстов Леонида Добычина. Понятия не имею, откуда взялись у меня эти книги, но в последнее время я не очень удивляюсь таким вещам. Что-то может куда-то пропасть и откуда-то появиться, я решил на всякий случай научиться не переживать, что не помню всего. Много чудес случается, мы с друзьями живы и занимаемся творчеством, а от этого материальный мир начинает давать сбои, местами деформироваться. В общем, я подумал, что книги притащил из какого-нибудь сна или воспоминания и теперь самое время взять их с собой.

Ночью почти не спал, мы разговаривали с Дашей, и это был один из самых странных и волшебных разговоров в моей жизни. Обсуждали, когда лучше зачать ребенка, и сошлись на том, что круче всего, если «великий малыш» родится с мая по июль. Бытие встретит его теплой и мягкой погодой, и в начальной школе, когда разница в возрасте очень впечатляет, он не будет самым старшим или самым младшим.

В полшестого утра за мной на такси заехал Костя, и мы отправились на Ладожский вокзал. Я снял, как он курит на платформе, на свой новый дешевый объектив, заказанный с себя, и получился какой-то чудесный кадр. Такая кинематографическая красота была в нем, и я очень радовался, что со мной именно эта камера и эта жизнь. Мы

сели в поезд, комфортный сидячий, по типу «Сапсана» или того, что ездит из Москвы до Нижнего Новгорода, я показал Косте книги, которые взял с собой (у него был «Бес» Хьберта Селби).

— Не знаю, откуда они появились, — сказал я. — Просто взял их с полки, как будто сами ко мне пришли.

Он подумал и сказал, что, может быть, Кирилл их принес. Костя удивил, обычно он не сопоставляет такие вещи. Но я не разочаровался, Кирилл Рябов — всегда хороший знак. Хотя книги не из моих снов, не из моего прошлого или будущего, я не увидел у себя в шкафу другую вселенную, и этот сон закончится смертью.

Пока Костя, чья сладость, согласно опросу наших слушателей вконтакте, превосходит мою сладость на 7%, спал, — я чередовал чтение «Степного волка» со съемкой пейзажа, проносящегося за окном.

В Петрозаводске перед концертом я продавал книги, а Костя, как часто бывает, стоял рядом и как будто любовался одним из вымышленных миров — наполовину присутствуя здесь, наполовину листая ленту инстаграма. Это его способ стать незаметным, и он работает, многие действительно его не замечают, фотографируются только со мной. Но все же к Косте подошла девчонка, о чем-то с ним заговорила. Вдруг у меня все сошлось. Одной ее позы хватило, чтобы переформатировать идею будущего видео. Когда мы с Маргаритой Захаровой монтировали последний клип макулатуры, я спланировал с ней съемки уже следующего ролика в Москве. Мы договорились на двойном юбилейном концерте отобрать киногоеничных девчат, чтобы Костя с ними сосался, а я хватал их за лицо. Из таких кадров, снятых в разных уголках клуба, мы планировали составить клип. Но тут я понял, что гораздо интереснее будет снимать Костю в туре — в разных городах, разных клубах. Когда девчонка отошла, я у него спросил:

- Че она хотела?
- Спрашивала насчет афтепати.
- Придется поработать, бразер.

Я сказал Косте, что ему придется сосаться с девчонками не только в Москве, как мы планировали, а в разных городах. Он, к моему удивлению, сразу согласился. Видимо, надоело подвергать мои идеи хоть какой-то критике, потому что он прекрасно знает, насколько я упрям. А может быть, ему уже все равно, что делать. Сосаться перед камерой или не перед камерой. В свое оправдание хочу заметить, что я беспокоюсь за друга. И этим клипом я хочу вытянуть его из порочного круга. Как дневник мне помогает не пить, так и видеосъемка, надеюсь, поможет Косте не мучить себя нелюбимыми женщинами. Мне не нравится, что у него нет никакого плана — ни разлюбить Амалию, ни возвращать ее, ничего он не хочет. Просто хочет оставаться собой, романтической развалившейся кучей говна на четвертом десятке, и гнить. И мечтать о ней.

В общем, мы отыграли отличный концерт, хоть и немного сбивались. В ходе выступления снимал немного публику и — более других — девчонку, которую выбрал на роль. Когда после концерта она подошла сфотографироваться со мной, я спросил:

- Как тебя зовут?
- Так же, как и тебя, — ответила она.
- Ты придешь в «Культуру» на диджей сет?
- Да.

Тут я почувствовал себя очень неловко, но все же справился и сказал (вокруг были люди, кто-то хотел сфотографироваться, и мне не хотелось выглядеть, будто я цепляю фанаточку):

— Я снимаю клип. В каждом городе Костя будет сосаться с одной бабой. А я буду хватать эту же бабу за ебло. Ты согласна сняться?

Она пожала плечами и сказала:

— Ладно.

— Тогда увидимся там. То есть пососаться с Костей — это не страшно для тебя?

Она кивнула.

Организатор с никнеймом Мертвый Кот свозил нас к себе домой, покормил ужином и отвез в бар «Культура». Костя подготовил диджей сет из эмо-репа. Нам предложили выпить, я попросил чая, а Костя взял сидр. Пока ставил музыку другой парень, у нас было время. Пришла Женя, села за наш столик, и я начал снимать на камеру их с Костей. Мне было немного неловко, но надо было браться за дело.

— Погладь ее по лицу, и начинайте сосаться, — командовал я.

Я сделал несколько кадров, дублируя каждый этюд, — сперва снимал с правильным балансом белого, а потом выставлял баланс неправильно, чтобы у меня была зеленая и странная сцена-двойник. Несмотря на то, что я подрошил, пока принимал душ (в туре иначе нельзя, если хочешь ни с кем не трахаться), я слегка возбудился, глядя на их поцелуи. Не конкретно от Кости с Женей, а от сопричастности к какой-то настоящей чувственности. Вспомнил, как Дима Кубасов рассказывал про съемки фильма «Детям до шестнадцати», что режиссер, влюбленный в Димину напарницу Лянку Грыу, напоминал ему извращенца, когда снимал сцену их секса. Диме казалось, что для режиссера он стал человечком, через которого тот Лянке пытался присунуть. Но здесь было другое. Вот Костя, парень, он влюблен, и он понимает, что это лекарство не поможет ему, лишь приглушит боль, но добавит новую зависимость. И вот Женя, девчонка, которую мы с ним почти не знаем, не знаем, какая у нее игра, какой это для ней сон и что она почувствует, когда проснется.

В полтретьего ночи мы выехали на поезде в Мурманск. Спал я долго, часов тринадцать, а Костя еще дольше. За окном проносились деревья, красиво падал снег. Я продолжил читать «Степного волка». Наверное, было бы хорошо, если бы эта книга попалась мне лет пятнадцать назад, а может и раньше. Но сейчас я не проникся симпатией к манере изложения, не мог избавиться от ощущения, что у меня в руках какая-то дешевая подделка. Как будто автор недостаточно хорошо изучил жизнь или писал этот текст от ума, а не от опыта. Даже когда пишешь сказку, нужно многое пощупать, собрать необходимое мясо, проверить метафоры на собственной шкуре, и лишь потом — почти чудом — ты подберешь подходящий скелет. И все же в эти дни книга пришлась очень кстати.

Дочитал уже здесь, на квартире у Кирилла, организатора концерта. Сажу на кухне, через окно видно красивую стелу со светящимися географическими координатами. Въезд в Мурманск. Я думаю о Линче, о том, какой он великий человек. Мне интересно, много ли похожих снов видели Гессе и Линч? У наших снов не так уж много сюжетов. И если Гессе вдохновил Линча своим описанием бала на сцену со страшным телефонным звонком в фильме «Шоссе в никуда», это уже немало (по-моему, одна из самых крутых сцен в кино, очень часто возвращаюсь к ней, что-то она для меня значит).

Меня же «Степной волк» вдохновил на написание этой главы, и писать ее было приятнее, чем все предыдущие.

21–24 ФЕВРАЛЯ

ПРОЧИТАЛ: *Леонид Добычин «Забывтая книга»*

Пытался начать Добычина еще в Мурманске, но не смог сосредоточиться. Там меняхватило на предисловие Виктора Ерофеева (не понравилось). Тогда же я нашел в сети статью Дмитрия Данилова о Добычине, после которой дал себе слово его прочесть. Потом перечитал статью и еще раз дал себе это слово. Потом прилетел в Петербург, и два дня было много дел. С Игорем доделывали альбом, согласовывал с Матвеем, чтобы он забрал книги в Москве из типографии — мы их возьмем в тур. Еще Даша уехала, даже пистон не успел поставить. Наверное, была необходимость, мы же пара, и это неправильно, работу и творчество я прокачиваю, а семейную жизнь — нет. Но как-то слишком нервно себя чувствовал, голова в лихорадке из-за этих больших концертов макулатуры и выхода альбома ночных грузчиков. Похоже, пока не будут внесены финальные правки, пока у меня не окажется на руках файлов, пока не начну рассылать их друзьям, буду беспокойный. И еще какое-то время после.

Короче, сделали с Игорем предварительную версию альбома, на завтра осталось внести финальные правки. Посадил Дашу на поезд, съездил к Косте и Михаилу Енотову, послушал с ними. Хороший альбом получается. Мы думали, кому надо разослать до релиза, чтобы написали отзыв, поучаствовали в продвижении. Я составил список нужных людей — писателей, музыкантов, журналистов. Идея моя такая: пусть послушают и отпишут что-то каждый у себя в соцсетях, до релиза или в первый день. Чтобы привлечь внимание, увеличить нетерпение людей.

А если кто хочет обстоятельно написать — то уже позже. Костя даже сказал, что, будь Илья Кормильцев жив, стоило бы отправить ему такой выдающийся альбом.

— Думаешь, дотянули? — робко спросил я.

Костя кивнул. Потом мы вместе прогулялись по набережной, я еще что-то спросил, не выпрашивая комплименты, просто чтобы понять, что я сам чувствую, в чем поучаствовал. Не смущает ли его что-то тематически, нет ли провисов. Он ответил, что все очень прочно в творении, и этот альбом как будто писали не только мы с Михаилом Енотовым, но и само время, и что он чувствует, что грань между нами, друзьями, размыта и что рад был поучаствовать хотя бы с одним куплетом.

Пришел домой, закинул вещи в стиральную машину, набрал ванну и залез с книгой Добычина в воду. Вытянул ноги, устался в буквы, все, думаю, кайф. Прочитаю «Город Эн» и лягу спать. Но тут из шланга от стиралки потекла мыльная вода прямо в мой маленький прямоугольный рай.

Идиот, забыл, что нельзя принимать ванну, когда включена стиралка. Ладно, принял душ и вылез. Чтение Добычина с книги не получалось, хотя я чувствовал, что прочесть его надо.

Посмотрел тесты видеокамер на ютубе, все раздумывая, покупать мне объективы или сменить камеру? Нужно же сделать себе какой-то подарок после тура и альбома. Заслужил я или нет? Купить gh5 или gh5s? Или оставить себе g85 и купить пару объективов? Или перейти на неудобную сони, ведь gh5s очень дорогая, три тысячи долларов на ибее. Что для меня важнее, матричный стабилизатор или светосила? Очень много за и против.

Ладно, я сказал себе, — прочитать роман «Город Эн». Раз не выходит с книги, я открыл сайт спридер.ком, настроил более-менее приемлемую скорость, двести пятьдесят слов в минуту,

и начал пулять в себя этот текст заново. Пока не проглочу «Город Эн» — не встану. Но все равно отвлекался. Сначала одолел четверть и опять стал переписываться вк и смотреть ютуб. Потом еще почитал и вспомнил, что надо отрепетировать старый реп. Какие-то песни я не исполнял уже несколько лет. Ладно, отрепетировал и опять вернулся к чтению.

Но тут пришло сообщение от Олега ЛСП, что они передумали брать меня в тур.

Тут я совсем разволновался. Я уже привык к мысли, что поеду в большой тур с поп-группой в качестве видеоператора, буду снимать каждый день маленькие фильмы про их гастроль, узнаю что-то о странной жизни королей шоубизнеса изнутри и окончательно смирюсь с тем, что сам никогда уже не буду поп-звездой, приму свой выбор и отказ от такой жизни.

Все равно, что меня зачислили в институт, а потом послали на хуй. Олег сказал, что это решено голосованием, и он еще пытается топить за меня. Но я подумал, что это, конечно, хуйня, потому что он там главный, вряд ли кто-то может решить за него. Тогда непонятно, почему он так сказал. Он же не держит меня за идиота? А может, Миша так разочаровался, что посоветовал Олегу не нанимать меня? Бля, вот тут я совсем запереживал. Сначала пытался уснуть, но стало понятно, что ничего не выйдет.

Когда читаешь в таком состоянии, реальность расслаивается, ты не погружаешься в мир книги, а как будто видишь сон, театрализованное представление, в котором актерам приказали играть одно, подразумевая другое.

Прежде я этим способом, через спридер, читал только «Шум и ярость», и есть что-то общее у них с «Городом Эн», какая-то пугающая, патологическая четкость. Как будто тебе показывают персонажа, а потом с помощью одной детали делают его для тебя невероятно понятным, лишенным таинственности.

Вечные сумерки, тьма почти спустилась. Но при этом все детали в фокусе, диафрагма прикрыта. Никакого размытия, никакого красивого бокэ. Леонид Добычин пишет так, как будто обладает нечеловеческим зрением, умеет видеть в сумерках. Зрение человека устроено по-другому. «Записки инопланетянина» — очень верно назвал свою статью мой друг и почти кумир Дмитрий Данилов.

Заканчивается она так:

«Это мой любимый писатель — иначе бы я не взялся писать эту статью. Если не читали — прочитайте. Все его тексты можно прочитать за один вечер. Прочитайте, пожалуйста».

Дима, ты погорячился. Всего Добычина технически можно прочитать за один вечер, но это чтение не на один вечер. Так можно лишиться разума.

«Забятая книга» с романом «Город Эн» и избранными рассказами сейчас со мной. Она обладает странной силой. Мне тяжело носить этот томик, но я пообещал Дмитрию Данилову прочитать его. Рассказы лучше, чем «Город Эн», но они не легче. Разница в том, что в романе Добычин тебя засовывает в подростка, родившегося на земле пришельца, а в рассказах делает тебя камерой видеонаблюдения, снимающей бесконечное реалити-шоу.

Сплю, просыпаюсь и еду к Мише. Очень волнуюсь из-за выхода альбома. Жалуюсь на Игоря. Миша накуривает меня немного, расслабляет. Я рассказываю про Олега, что он сначала позвал меня снимать тур, а потом сказал, что ехать не надо. Почему так, спрашиваю? Миша объясняет, что Олег сам сейчас мечется. Он не знает, выбрать меня или Диму Ларина, либо же еще одну девчонку. Каждый по-своему хорош, но Ларин — это аудитория в миллионы людей, а я это скучный артхаус.

Нас осеняет.

Нужно поделить тур между видеографами, как в сериале, когда разные режиссеры снимают разные серии. Я пишу в телеграм Олегу, предлагаю ему такую схему. Он в ответ перезванивает, имеем деловой разговор, он просит помочь ему довинтить сценарий к какой-то короткометражке, которая будет сниматься весной. Все нормально, у меня куча интересных дел, и я буду ими заниматься.

Мы с Мишей и Костей едем на такси в клуб «Цоколь». Спрашиваю у Кости:

— Сынок, что мне выбрать? Светосилу или матричную стабилизацию?

Он понятия не имеет, о чем я спрашиваю, но отвечает:

— Конечно светосилу. Нахуй нужна матричная цивилизация.

Ответ очевидный, но как долго я к нему шел. Светосила дороже, но оно того стоит. Вдруг все для меня становится очевидным — необходимость участия в альбоме Игоря, христианина, с которым невозможно договориться о сроках (как с Костей в макулатуре). Какая нахуй матричная стабилизация, по ровным рельсам можно уехать только в ад. Куплю себе gh5s, потрачу все заработанное в туре на нее, получу кучу бесполезных настроек, зато у меня будет возможность поймать счастье — красивый кадр.

Книга Добычина была со мной оба вечера подряд на двойном концерте в СПб в кармане куртки, которая висела в гардеробе. Я ехал с этой книгой в «Сапсане» в Москву и дочитывал рассказы у моего друга Саши Тананова в гостях. Когда я выливал альбом ночных грузчиков в сеть, она также лежала рядом, излучая инопланетное электричество.

Я прочитываю рассказ, откладываю книгу — пересказать это невозможно. Остается только ощущение — что это было? Я только что побыл нечеловеком. Сегодня начался мой третий месяц без алкоголя.

27–28 ФЕВРАЛЯ

ПРОЧИТАЛ: *Ксения Иваненко «Психические расстройства и головы, которые в них обитают»*

Ксюша подарила мне свою первую книгу, принесла на концерт. Очень беспокоился, чувствуя, что эта научно-популярная (как сказано в аннотации) книжка в уродливой обложке от издательства «АСТ» может увлечь меня неразрешимыми задачами. Ксюша человек, которому я обязан чем-то помочь. Но, кажется, что идти ей навстречу нужно очень осторожно, она плетет сложную паутину, выстраивает особую реальность. Она нуждается во внимании, нереализованные таланты причиняют ей страдания, истерика постоянно готова вылиться через край. Ксюша регулярно наносит себе увечья, болезненно привязывается к людям, а без внимания увядает. Она наркоманка, насколько я могу судить. Сам я никогда не имел проблем с наркотиками, но ведь алкоголь, сигареты и отношения — почти то же самое? Значит, все-таки имел.

Мы познакомились с Ксюшей в ноябре 2015-го, когда от меня уходила Даша. Ночами я рыдал и пил коньяк, и каким-то образом рядом оказалась она — грустная и скалящаяся из своей неуверенности в себе поклонница ночных грузчиков. Я вливал рюмку — она занюхивала дорожку скорости. Помню эту холодную прокуренную ночь в квартире, которую я снимал на Серпуховской. По-моему, я напился в тот раз до животного состояния и обнаружил себя, обнимающим Ксюшу, размазывающим по ней сопли. Такое ощущение было с ее стороны, такое узнавание — ничтожное чувство единства. Было сладко и горестно. Я пытался раздеть ее, стягивал штаны, она же их натягивала и говорила:

— Пожалуйста, не надо. Не делай этого.

От этого «пожалуйста» душа таяла, как лед. Слышно было что ей и лестно, и странно, но неприятно оттого, что вожеление направлено не на нее. Потом, по-моему, я зарылся Ксюше в подмышку, представил, что она — Даша и уснул.

У Ксюши тогда был парень, и она хотела быть ему верной. О нем она много пишет в книге.

Потом Даша вернулась, мы съездили в Таиланд, я написал «пляж», устроился работать фотографом в «Мод», отдыхал головой, ленился писать и по-настоящему трудиться, отчего впал в тоску и захандрил от собственного безделья. Каждый вечер я смотрел видеообзоры разных камер, как домохозяйка смотрит сериалы, переживал, что мне не хватит денег на жизнь, и грезил о писательском кабинете, который спасет мое творчество. Короче, то ли это была игра, то ли я мечтанул о мещанском уюте. Тогда Даша снова ушла. Она не терпит, когда я прикидываюсь слабым, чтобы заставить ее меня вдохновлять. Все работает, только если я держу поводья. В общем, я не поверил в происходящее, побывал в психушке, две недели в Москве, две недели в Кемерове. Потом выписался и вернулся в Москву, все еще не отошел, ходил потерянный, мозги еще не восстановились после препаратов. Я много ел и много спал. Один раз в те дни мы с Костей пошли навестить Ксюшу, которая тоже прилегла в психушку (в другую) аккуратно после меня. Лечилась там она от пограничного расстройства личности, и потом этот опыт описала. Она даже вставила в книгу наш с Костей визит. Плохо помню тот день, тогда я был вялым туловищем, а информация почти не усваивалась.

Как мне подобраться к главному?

Сейчас, насколько мне известно, Ксюша так запутала мозги своим врачам, что ей уже ставят диагноз шизофрения. Уверен, что диагноз этот неверен.

Я вообще плохо помню полгода после дурки. Большую часть времени я проводил во снах и мечтах, анализировал и переписывал прошлое, работал со временем в обе стороны, пытаюсь пересадить корни и прорастить свое собственное будущее. Когда мне удалось преодолеть пелену слабоумия — побочный эффект после оланзапина и аминазина — и память начала возвращаться, я стал очень продуктивным и чуть ли не летал. Творческие способности активировались. Жизнь перешла в жанр магического реализма, мысли можно было передавать на расстоянии, по жесту предугадывать смысл, а из темноты на меня тарасились чудовища. Сны первые кидали рифму, на которую отвечала реальность, техника переставала работать от моих излучений и вообще происходило много непонятных совпадений, настоящих тизеров будущего и ложных провидений. Голова начала работать, когда я отошел от препаратов, и я все время был как будто накуренный творческой травой. Так я придумывал понемногу альбом «сеанс» (которым в итоге и вернул Дашу).

Ксюша же в психушке начала вести телеграм-канал, который и лег в основу ее книги. Собственно, редактор из «АСТ» была ее подписчицей и предложила выпустить издание на основе канала. Помню такую практику лет десять назад, только тогда издавали «звезд» ЖЖ. Сейчас это серия «Звезда Telegram». Ксюшиным лечением, помимо препаратов, врачей и двухмесячного опыта жизни в такого рода заведении, стала эта, как они назвали, научно-популярная, книга.

С первых страниц мне не понравилась интонация. Ксюша держала фигу в кармане, я чувствую такие вещи, даже когда вела свой канал, даже когда пыталась излечиться творчеством. Пыль в глаза. Ей все время нужна какая-то опора, понимание, что мир устроен правильно, что есть «права человека» (она дважды их упоминает,

когда наставляет читателя не бояться докторов), что есть какая-то логика и возможность «излечиться», как будто ответственность за себя и собственный выбор — существуют только понарошку. Как будто достаточно один раз нажать правильную кнопку, а дальше санки поедут, куда надо. Ксюша постоянно приводит какую-то статистику и убедительные комментарии врачей. Многие мои знакомые истероиды умеют обаять людей, наладить контакт с докторами, таксистами, продавцами, чужими друзьями, случайными людьми. Ксюша не исключение, ей удалось подружиться и со своим лечащим психиатром, и расспросить многих пациентов об их жизни, каждому уделить немного внимания, при этом так и не копнув внутрь себя. Поле обозначено, все сделано отлично, учитывая, что это ее первая книга. Работать Ксюша умеет, нужно научиться делать это не только по периметру, но и вглубь.

Все это я пишу не только для себя, но и для тебя, Ксюша. Не знаю, какую роль ты готовишь мне в реальности, которую пытаешься выстроить, могу лишь корчиться и гадать, как реагировать на твои спектакли и попытки самоубийства под наши песни. Зовешь на помощь, а потом сама же и отворачиваешься. Ты же знаешь, что нет никакого выздоровления. Выход только один — писать честно и жить честно. А если обосрался, не прикрывать кучку газетой, а исправлять прошлое через будущее, и так, пока не умрешь. Но вообще нет никакого будущего, нет никакого прошлого, есть только момент (каждый раз последний), и каждый раз надо принимать решение, об этом певец Дельфин рассказал еще в детском саду. Без этой осознанности никакие препараты не помогут.

В следующей книге попробуй, пожалуйста, не плавать по поверхности, а раскопать себя. Мне тяжело говорить на эту тему, я стреляю наугад, поскольку ты не бываешь честна со мной. Но буду рад, если откроешься. Сегодня

с утра я дочитал твою книгу в гостях и сразу хотел написать эту главу.

Но почему-то не получалось. Я пил чай, ел салат, ходил кругами вокруг ноутбука. Разговаривал с Сашей Танановым, у которого вписывался в Москве.

Я думал об этом нелепом посте в телеграм-канале, когда ты говоришь, что глупо себя увечить, а новые отношения — это круто. А еще думал, где же глава про то, как ты ушла на выходные из дурки и принимала наркотики? Почему она не написана? Вообще, где там про наркотики? Разве это не одна из ключевых проблем?

Мы сегодня читали реп в Калуге. Вообще-то у нас должен был состояться концерт во Владимире, но организаторы его слили. Внезапно решили выступить в Калуге, и впервые в жизни это был концерт в минус. Но не это, а твоя книга заставила меня паниковать, испытывать тревогу, волноваться за тебя и за твоих персонажей, за которыми стоят реальные люди. Удушье, паника, разрезанные руки, нож, который ты воткнула себе в ногу — все это проходило и через меня. Поэтому голова заработала, пришлось придумывать сценарий. Потом я пел реп, радовался мелочам. Сейчас вот приехал в Тулу и все не могу докрутить эту главу. Время 3:28, сегодня выходит новый альбом ночных грузчиков, большое событие. Попробую лечь спать, с утра перечитаю и поправлю.

6–9 МАРТА

ПРОЧИТАЛ: *Блейк Снайдер «Спассти кошку»*

Взял с собой в тур несколько книг, но ни одну из них так и не прочитал. Пока ехали в машине и разговаривали, у меня родилась идея сценария в жанре магического реализма. Тогда Костя порекомендовал мне роман «Мелкий бес». В Туле я пытался читать его с телефона перед концертом, но был плохой интернет, и я отвлекся. А может быть дело в книге, никому не сопереживаешь, люди как тупые и меркантильные букашки под безжалостной оптикой Сологуба, не знаю. Нужна другая атмосфера, такое не заходит в поездке. К тому же в тот день вышел альбом ночных грузчиков, я переживал, постоянно залезал в интернет, смотрел отзывы.

Через несколько дней приехал в Липецк, где начал роман местного писателя Романа Богословского «Зачем ты пришла?». Вадим Левенталь мне подарил эту книгу, сказал, что она хорошая. Сам он сейчас сидит в каком-то издательстве на какой-то баснословной зарплате — меня тоже приглашал у него издаться. Дело хорошее, конечно, когда у тебя есть меценат и он тебе платит, только зачем это мне? В общем, я немного почитал этот художественный кал и оставил на съемной квартире. Вроде бы, мы заочно знакомы с Богословским, года три назад я обиделся на писателя Прилепина за то, что он мимоходом обосрал веганство, и написал пост «Захар Прилепин, я хочу от вас пиздюлей». Богославский оставил комментарий, кажется, написал, что это «свежо». Тогда для меня он вынырнул в обрыве грустного фейсбук-пошляка и удалился на несколько лет с радаров, чтобы позже вынырнуть опять с книгой «Зачем ты пришла?» и тут же снова утонуть.

Моя сценарная задумка деформируется. В машине с Костей и Матвеем обсудили идею. Я одновременно хочу написать фильм о творчестве, спортивную драму про батл-реп, драму о психическом расстройстве и мелодраму на тему, как вернуть жену. Но и этого мало — мне все-таки необходимо оставить там магический реализм.

Саша Дронова, наш композитор, прислала мне в телеграм учебник Блейка Снайдера, руководство по написанию сценариев. Я несколько таких учебников прочитал, еще когда учился во ВГИКе. Но эта книга — «Спасти кошку» — проще и лучше. Перевод, правда, паршивый, но это ничего. Приходится иногда включать голову, чтобы догадываться, пробираться через шизофренические шторы, навешанные переводчиком. Но включать голову — полезно. Я пробую делать все четко по книге, впервые в жизни стараюсь брать жанр, пишу логлайн и продумываю структуру.

На выходных в Волгограде я расписал первую версию синопсиса. Пока магического реализма почти не вставлял. Но очевидно, что две идеи во мне воюют. Либо это будет фильм о моем собственном пути, о творчестве, том, как пишется важный реп-альбом, и о Даше, моей жене, либо это будет спортивная драма про батл-реп. Хочется и того, и другого, но чем-то придется жертвовать.

Вчера был концерт в Саратове, сегодня едем в Пензу. Надо написать хороший киносценарий.

Даша присоединилась к нам в Волгограде, скорее всего, до Оренбурга проедет с нами. А еще написал первый реп к новому альбому макулатуры, песня называется «утро». Музыка для альбома будет сочинять Саша, мне очень нравится, что у нее получается.

Блейк Снайдер, старик. Вот, что ты сделал моими руками. Вот первый бред, который у меня родился, но я давно утратил этот навык, учти, не суди строго.

ЛЮБОВЬ И РЕП

(это не название пока, а лишь смысл, который надо за-
рыть в это название)

ЛОГЛАЙН

Патологически честный репер завязывает с творче-
ством, чтобы стать примерным семьянином. Нужен ли
он будет жене в новом качестве зануды?

С логлайном что-то не так. Довертеть.

О чем этот фильм? Выбрать.

СТРУКТУРА

1. ПЕРВАЯ КАРТИНА. Петербург, март 2017 года.
МС Юродивый, он же Женья, дает прощальный концерт
в клубе «MOD». Последняя песня — пришло немного на-
роду, человек 200. Он спускается со сцены, в гримерке —
друзья и жена. И еще один чувак (пусть это пока будет
условный Хан Замай для простоты). Хан Замай дарит
букет цветов и что-то шутит про политическую работу.

2. ПОСТАНОВКА ТЕМЫ. Хан Замай и Женья выходят
покурить (или выпить по шоту, неважно), и случается раз-
говор. Хан Замай не верит, что Женья выходит на реп-пен-
сию, но Женья говорит, решил сделать выбор в пользу семьи.
С завтрашнего дня он бросает пить, а в сентябре хочет за-
чать ребеночка — чтобы родился летом, и в школе не был
самым старым или самым молодым. Мне уже за 30 говорит
Женья, пора. Он это преподносит как шутку, но он серьезен.
Подожди, говорит Замай, думаешь, ты нужен будешь своей
жене, когда превратишься в семьянина? Я хочу тебе пред-
ложить настоящую интересную работу. Свергнуть репера
Икса (или Окса) в баттл-репе. Зачем мне это, спрашивает
Женья? Потому что должен, говорит Замай, и потому что
можешь. Через год выборы, а у нас западное чмо во главе
реп-игры. Женья смеется, желает Замаю удачи и говорит,

что тот молодец — скоро он добьется, что получит путинскую медаль. В общем, Женя отказывается.

3. ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ. После титров показываем попытки Жени начать жизнь нормального обывателя. Он встает по будильнику, перед зеркалом делает упражнение для простаты (сжимает и разжимает анус), принимает холодный душ, пьет свежесжатый сок, первую половину дня пишет книгу, отвечает на звонки, консультирует, придумывает сценарии для клипов. Потом едет на «Сапсане» в командировку в Москву, где помогает поп-звезде (условный Олег ЛСП) с редактурой текстов для нового альбома. Женя из этой рабочей командировки звонит жене, но она занята своими делами, не очень охотно обсуждает его карьерные успехи. Женя получает пачку денег за работу и едет обратно в СПб.

4. КАТАЛИЗАТОР. Женя возвращается домой, жена говорит, что она его не любит. Они ругаются, он жжет деньги над газовой плиткой, жена пытается его немного успокоить, хочет отправить его к друзьям на такси, чтобы там он пришел в себя и все обдумал. В такси Женя звонит жене, уговаривает ее одуматься. Что не так, спрашивает он? Тебе мало, когда я с тобой? Чего ты хотела от меня? Женя просит таксиста отвезти его в другое место.

5. ДЕБАТЫ. Женя пробует способы вернуть жену. Тусит с бабами и выкладывает фотки в инстаграм, приходит на какую-то дурацкую передачу, где грозит, что заставит репера Икса покончить с собой. Ночами он совершенно не спит, и в гостях у друга его в один прекрасный момент атакуют галлюцинации. Женя обнаруживает себя в психушке, связанным.

6. ПЕРЕХОД КО ВТОРОМУ АКТУ. К Жене приходят разные друзья, но не жена. Вот в гости зашел поэт Леха Никонов и сказал, нахуя ты вызывал дурку? В следующий раз звони мне. Мы ходим в бордель, потом закинешься

нормальной таблеткой и будешь как новенький. Хан Замай приходит в психушку к Жене, говорит, что его видос, в котором он обещал довести репера Икса до самоубийства, круто разлетелся по интернету. Готов ли теперь он перевернуть реп-игру? Да мне насрать, говорит Женья. Я готов ко всему. Я верну себе бабу или сдохну на этой войне.

7. НАЧАЛО ВТОРОГО АКТА. Сперва надо пройти пару уровней — вынести в батл-репе более слабых противников, такую установку дает Хан Замай. Женья жалуется на то, что его голова не соображает из-за препаратов. Они начинают готовиться.

8. ИГРАЙ И ВЕСЕЛИСЬ. Жене приходится прятать таблетки под язык и выплевывать. Хан Замай навещает его, рассказывает о первом противнике, которого надо будет вынести. Какой-то лох с математическим подходом и метафорами айтишника. Параллельно Женья общается с психологом и психиатром. Он говорит, что с ним все в порядке, просто была бессонница из-за разрыва с женой. Психолог дает Жене какой-то тест, Женья проходит его очень быстро, не отрываясь, компьютер выдает странный результат — идеальный треугольник. Психолог говорит, что таких паталогически честных людей еще не встречала в жизни. Психотерапевт советует Жене остаться в психушке подольше, а даже если он и выйдет — ни в коем случае не переставать пить таблетки от биполярного расстройства. В это время репер Икс в каком-то интервью говорит, что никогда не слышал про МС Юродивого и что это ‘видимо’ какое-то чмо, слишком мелкое для того, чтобы с ним иметь дело. Накануне первого батла Женья выходит из психушки. Он побеждает, само собой, и понимает важную вещь (НИКАКОГО ВЫБОРА НЕТ, НАДО БЫЛО ЗАНИМАТЬСЯ ВСЕМ; И СЕМЬЯ, И ТВОРЧЕСТВО — ЭТО И ЕСТЬ ЖИЗНЬ).

9. КЛЮЧЕВОЙ МОМЕНТ. Вот тут, когда герой понял, что к чему, понял, как он проебал жену и как струсил заниматься творчеством в полную силу, должно что-то произойти в их отношениях с репером Иксом. Либо их первая встреча, либо еще что-то. Короче, наверное, надо объяснить, что все в сговоре — и Хан Замай, и Икс, и ведущий батла. Давай, Стас, мне нужен твой драматургический опыт здесь!!! Внимание, внимание!

10. ПЛОХИЕ ПАРНИ НАСТУПАЮТ. Тут, как я думаю, пора подключать жену. Костя предложил, что, возможно, она начнет тусоваться с либеральной прикентовкой репера Икса. Или это слишком схематично? Таким образом у Жени появится мотив разьебать Икса. Это все подстроил Хан Замай? Жена уходит к другому, он из прикентовки Икса, а может, Женю просто заставили так подумать. Встреча с соперником и драка. И Женя смеется: Ахахаха!

11. ВСЕ ПОТЕРЯНО. У нее просто какой-то гопник с бензоколонки. Да блять, мне просто нужно дотерпеть, пока она разочаруется в нем и вернется ко мне.

12. ТЕМНАЯ СТОРОНА ДУШИ. Вот здесь нужен выход на мистический этаж. Поэт в России? Что мы можем показать зрителю? Это очень важно. Близится годовщина свадьбы. Женя не спит ночами. Ему мерещатся черти, которые хотят столкнуть его в окно. Он идет к своему другу поэту Лехе Никонову, который читает лекцию про Ленина. Они встречаются после лекции. Леха берет Женю с собой в бордель и дает упаковку ксанакса. Женя рассказывает проститутке, что у него сегодня годовщина свадьбы. Проститутка очень тронута, она занимается с Женей сексом без презерватива. На прощание Женя целует ее в вагину. Проститутка говорит: отпусти ее. После этого Женя возвращается домой и кончает жизнь самоубийством — выпрыгивает в окно. Он встает — вокруг ад. Но вдруг все перематывается назад — Женя все еще стоит перед окном.

Его самоубийство было видением. Вокруг пляшут галлюцинации. Женя закидывает под язык таблетку ксанакса и садится за главный текст — против репера Икса.

13. ПЕРЕХОД К ТРЕТЬЕМУ АКТУ — ФИНАЛЬНЫЙ БАТЛ. Женя разбирает себя и всю реп-игру по косточкам. Не остается камня на камне.

14. ФИНАЛ. Кто побеждает? Или мы не показываем победу? Может быть, просто разговор с женой? Она комментирует батл. Женя отвечает что-то.

15. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ КАРТИНА. Репер Икс и Женя не друзья, но товарищи. Икс дает контакт своего психотерапевта. Женя ходит на сеансы, рассказывает эту историю (рифмовать с закадровым текстом в первых сценах — оказывается, он все это рассказывал психотерапевту). В финале встречается с женой (непонятно, то ли они сойдутся, то ли нет, но она готова над этим работать).

Что мне нужно. Сделать сценарий более универсальным. Выбрать, что в первую очередь я хочу сделать: перевести на язык кино именно свою историю или все-таки сделать мейнстримовый фильм про реп-батл?

Или сделать обе версии — разрубить этот синопсис на две части? Один фильм сделать в духе «Пьяни» и «Патерсона», только про репера, а второй — в духе «Рокки» и «8 мили» про батлы? Если первое — больше внимания уделить любовной линии. Если второе — сделать все более универсальным, создать героя, которого сможет сыграть другой актер (не я), написать под него особый реп, более популярный. Обе задачи очень интересны. В принципе, можно написать оба сценария. Первый для себя, а второй на продажу. Только зачем мне это надо?

15–16 МАРТА

ПЕРЕЧИТАЛ: *Антон Секисов «Кровь и почва»*

Внезапно заманила книга Секси, решил ее перечитать спустя почти три года. Немного оживить нашу историю, нашу дружбу, наши писательско-редакторско-издательские отношения.

Вот оно прошлое, моя жизнь трехлетней давности встала перед глазами. Петербург, Озерки, первый вариант книги, в котором было две любовных линии. И какое-то чувство, смутная догадка, что книга хорошая. Параллельно мы снимали Секси в клипе на песню «счастье», а потом я пытался сделать из него суперзвезду литературы и кино.

Начал читать книгу вчера, лежа в ванне, но позвонил Антон Басыров, сын Марата.

Сказал, что где-то на даче у друга Марата отыскался тираж книги «Чемпионат», и что будет хорошо, если я продам эти книги. Я из ванны зачем-то говорил с ним как какой-то делец. Конечно, сказал я, привозите книги, продам. Не обещаю, что быстро, сам понимаешь, не лучшая его книга. Короче, мне стало стыдно после этого разговора, вернулся к чтению Секси я только сегодня в машине по дороге из Ижевска в Чебоксары.

«Кровь и почва» работала сразу в нескольких плоскостях. Моя история дружбы с Секси, мое собственное прошлое, воспоминания о съемках «Русского леса» и встречи с Дашей.

Написал Миша, спросил, не планируется ли конец света. Бля, как будто я знаю. Конечно, да. Он всегда приближается, но мы пытаемся его отдалить и одновременно не забыть о нем. Или конец света происходит постоянно, и мы просто ремонтируем свет после этого конца.

Пока читал, придумал синопсис. Несколько линий.

Люди просто засыпают и, похоже, умирают. Мы едем в туре — я, Костя, водитель. Засыпает Костя, и мы не можем его разбудить. Приезжаем в клуб, организатор говорит, что все плохо, куча людей уснуло, и он не знает, что делать. Я решаю выступать один.

Другая линия — учитель в школе. Все учителя уснули, некоторые старшеклассники тоже, переполох. Он остается с пятым классом, они просят его никуда не уходить. Они в школе. Дети объясняют ему, что родители уснули. Они как будто что-то знают, только один вырубился. Учитель общается с детьми, иногда выходит позвонить маме, мама не знает ничего, сначала берет трубку, потом нет — уснула.

Последняя линия. Больница. Медсестра носится вокруг засыпающих больных. Потом приходит подросток из какой-то палаты, говорит, что она нужна в родильном отделении. Некому позаботиться о младенцах.

Персонаж, которого я играю, проводит концерт, народу немного. По ходу выступления некоторые посетили, бармен и организатор засыпают. Одна юная девочка соблазняет меня, я пытаюсь позвонить жене, но девочка говорит, что уже поздно. Жена уснула. А я еще нужен подросткам, говорит она.

Дети объясняют учителю, что взрослых должно быть немного меньше.

Медсестра в больнице объясняет подростку, как заботиться о младенцах.

Дочитал книгу Секси за несколько минут до того, как мы приехали в Чебоксары. Очень устал от духоты в машине. В торговом центре смеялся, как накуранный — переутомление. В клубе тоже было душно. Вчера, по ходу, не подролил, член вставал, в голове включались рандомные мысли, тело устало.

Разглядывал всех баб, очень много красивых, одна прямо слишком красивая, пускала флюиды. Мне захотелось ее обнять, захотелось ее трахнуть. Почему я не живу, как перекасти-поле, зачем обязательно нужно куда-то возвращаться, зачем мне жена? Нет, выдержал это испытание. Понятно, зачем. Иначе все улетит, ничто не будет манить, заряд растворится в воздухе. Садишься на цепь, начинаешь скулить, тосковать, работать. А если жить как свободный человек, обмазываться говном и срывать любые плоды, то ничего и обдумать не успеешь, себя не поймешь.

Вечером стало плоховато, стараюсь успокоиться. В ванной передернул, чуть не потерял сознание. Дрожить в духоте дело последнее. Сейчас лежу в постели, набираю этот текст, успокаиваюсь. Всего два города, потом три выходных.

Соскочил, решил переодеть толстовку, вместо черной, украденной в Н&М, надел почти такую же, купленную в Белгороде, и сразу как-то полегчало. Ту толстовку, в которой скопилось много переживаний, я подарил Никите, парню, который нас вписывает, но предупредил, что надевать ее можно, лишь, когда станет слишком скучно.

Потому что в ней много моих бесов.

18 МАРТА

ПРОЧИТАЛ: *Сергей Довлатов «Жизнь коротка»*

В Чебоксарах у Никиты на вписке заметил маленькую книжку Довлатова, решил ее взять с собой в дорогу. Взамен оставил «Кровь и почву». Конечно, обмен неравносильный (Секси лучше), но Сергей Донатович — самое то для поездки.

После бессонной ночи чтение не задалось. Еле прополз через несколько страниц и подумал, какой мелкий и пошлый писатель! Закрыв книгу и смотрел в окно на великую свою страну. Потом машина наша сломалась под Нижним Новгородом. Мы пытались заказать такси-межгород через «Убер», но водитель приехал и сказал, что в Иваново не повезет. Нашли чувака на блаблакаре, и я в его тачке отлично выспался.

Между тем организатор куда-то пропал, перестал брать трубку. Мы позвонили прямо в клуб, напрямую. В итоге приняли нас очень здорово, покормили как королей. Клуб был оборудован хорошей гримеркой, как целая квартира — оазис за баром. Концерт тоже прошел отлично, я раскидывал книги со сцены, мы прыгивали в толпу. Только эмоционально очень устал, и от этого тело требовало ласки. Хотелось, чтобы яиц моих коснулась нежная женская рука. Разглядывал девчат и слышал гул в собственном теле. Вроде бы и дrouch каждый вечер, но все равно тяжело: мои планы никого не пистонить против их желания отдаться, и все это на шахматной доске литературного дневника.

Внутренний сатаненок уже начал предлагать компромиссы:

— А давай ты сделаешь и не напишешь! Это же литература, герой должен быть лучше автора.

— А давай ты сделаешь и напишешь! Если Даша тебя любит, она все поймет. А что если бы ты не вел дневник? То есть при надзирателях ты превращаешься в другого человека, да? Маленькая гнида, ты же хочешь этого, ну давай, смотри, две тупых бабенки, у них же души нет, подроочи ими.

— Ну давай хотя бы за пизду потрогай. Пусть просто полизет залупу, это не грех.

В общем, мы закончили петь реп, и все прошло. Я справился. Ни с кем не целовался, соблюдал дистанцию, не позволял себя трогать. Только фотокарточки с моим жестким и унылым северным лицом. Потом мы с Костей поужинали в гримерке-квартире. Я обул тапки, слышно было диско-теку. Это лучшие моменты тура, вдруг ты оказываешься в волшебном месте, коридоре между мирами, в тапках чистишь зубы, а потом открываешь дверь и выходишь в зал, где играет Лил Пип, Эминем и ЛСП.

Ночное Иваново танцует, кайфует, выпивает. Я взглянул, вышел, посмотрел на людей, поразился скучным приемам диджея, не решился все-таки взять безалкогольного пива. Вернулся на свой диван (уже заправил простыню и разложил одеяло). Костя устроился в другом конце гримерки. При свете маленькой лампы я еще помусолил первый рассказ Довлатова и уснул под басы, попукивающие из стен.

В тачке Иваново-Вологда вдруг вчитался, стало интересно. Все-таки мне нравится Довлатов. Он простой, но не ленивый, просто не ныряет в глубину, предпочитая лягушатник. Я, допустим, не люблю каламбуры, не люблю такое журналистское построение текста, но иногда получается принять эту игру. Раньше уже читал один рассказ из этой книги — «Лишний». Там есть сцена, где гопники говорят герою, дай закурить, а он отвечает типа:

— Когда мы это пили на брудершафт, что вы мне тыкаете?

И так это меня впечатлило тогда, в семнадцать лет. Я увидел в этом признак подлинного аристократизма и потом сам воевал в ЖЖ с незнакомыми людьми, когда они мне тыкали. Сейчас уже плевать, привык, что некоторые чуть не в трусы тебе сразу лезут, не воюю, просто отстраняюсь. Тыканье сейчас мне понятней, чем выканье. Но тогда я неосознанно вел себя как персонаж этого рассказа.

Ночью на съемной квартире в Вологде перечитал скандально известную статью Дмитрия Быкова о Довлатове. Ну да, Дмитрий Львович во многом прав, но я не понимаю его интонацию, как мне кажется, самодовольного всезнайства.

Спросил у Кости насчет поклонников Довлатова. О чем Быков говорит? Мне всегда казалось, что многие относятся к Довлатову с симпатией и любовью, но мало кто его уважает. Что все ему знают цену: хороший беллетрист, мастер будничного анекдота. Но Костя сказал, что у меня просто очень мало друзей и знакомых журналистов. Я вообще не припомню, чтобы кто-то сказал, что Довлатов у него любимый писатель. Мне так его и преподнес папа, когда я был отроком — вместе с Веллером. Два средних писателя. Веллер чуть менее талантлив, пытается казаться умным, Довлатов не пытается. Путь Веллера это истерическое восхождение и трагический крах, путь Довлатова — деградация и завидное положение полуклассика.

Ага, вот мы и поняли, отчего негодует Быков. Его раздражает, что кто-то менее образованный, чем он, занимает самую выгодную позицию в литературе — полуклассик. Это любовь на безвозмездной основе. Отсюда вопрос. Любят ли Быкова друзья и женщины?

Вернемся к разговору с Костей:

— Но ведь нет таких людей, у кого Довлатов — любимый писатель?

— Конечно, есть, — говорит Костя. — Есть люди, для которых он очень важен, и это даже не идиоты. Да большинство моих знакомых журналистов.

* * *

Неожиданно придумал, что делать со сценарием про реп. Моя ошибка была в том, что я писал его под себя. Вдруг я начал представлять репера Хаски в главной роли, и все стало понятнее. Нужен тот, кто помоложе, любой.

Себя я теперь представляю на месте репера Икса. Или вообще не.

Увидел себя в зеркале заднего вида, и понял: я — и есть Икс, пенсионер от репа, пенсионер духа, — тот, кого надо свергнуть. Но я не боюсь. Для меня это интересно, падать с трона. Я наблюдаю за своим двойником (даже внешне Хаски похож на меня, такое же красивое лицо, чуть ящерицы, немного обезьяны и капля человека), более обаятельным, еще молодым, к тому же более яркой звездой, чуваком, выходящим за пределы андеграунда, и оттого более нелепым. И мне интересно ему проиграть.

Вот тут и начинается ключевой момент в этой спортивной драме. Встреча героя и антигероя. Антигерой говорит, бля, давай я лягу в третьем раунде. Перед шоу въезду какой-нибудь наркоты, она подействует, и я начну нести пургу.

Однако герой хоть и соглашается, но не хочет в таком участвовать. Оба идут проигрывать, обоим интересно поражение, которое есть духовная победа. В итоге все превращается в фарс — ничья, как в фильме «Бей в кость».

Так, процесс запущен. Через пять дней встретимся с Михаилом Енотовым и домучаем этот синопсис. Если я о нем вообще вспомню, хаха. Какой-то бред сочинил.

* * *

Недовинченный рассказ «Куртка Фернана Леже» вернул меня к сожалениям об утрате толстовки Ромы Англичанина. В ней я проехал через осенний тур — как через царство мертвых — и чувствовал защиту. Покойный друг уберегал мои тело и разум от разрушения, пока я пил в три горла, пока пел реп, который программирует реальность на возврат Даши, а при этом сам хотел сбежать от нее в новую любовь к Богдане, но и одновременно пытался разрушить оба этих замка, превращаясь в сексуально озабоченную обезьяну. Жаль, что позже я потерял ту толстовку, которая служила мне презервативом, амортизировала удар реальности об мое лицо.

Я был в ней в последнем городе прошлого тура — Киеве, когда выбрал пьяную пухлую даму, противоположную моим предпочтениям, и обдрочил в туалете клуба. Дверца не закрывалась, я ее придерживал, но отпустил руку, когда собирался уже кончить на лицо, и тут то зашел какой-то парень, и такое отвращение перекосило его лицо, когда он увидел этот мини-свинарник, что разрешившись, я испытал больше боли, чем удовлетворения.

Потом толстовка ушла. Прости, Рома. Постараюсь написать хороший рассказ ко дню твоего рождения. Этим загладить вину.

19–21 МАРТА

ПРОЧИТАЛ: *Юрий Мамлеев «Воспоминания»*

В понедельник проснулся и сделал зарядку по Бадюку, как приказал Валера Айрапетян. С этого начался день, с приятного чувства выходного. До четверга никакого репа. Надо было написать главу про Довлатова и доделывать сценарий для Олега ЛСП (в этом сценарии, к счастью, я не главный автор, но мое участие требовалось).

В общем, я хорошо провел время на квартире с кошками, доделал дела, немного погулял, посетил столовую «Огород», где было постное меню, а вечером сели с Костей в поезд на Архангельск.

Там Костя мне и вручил Мамлеева, которого я читал на боковом месте, пока свет не погасили.

Давно собирался к нему подобраться, читал пока только один сборник рассказов, лет двенадцать назад, плюс начинал «Шатуны», но отчего-то книга убежала из моих рук, видимо, была не ко времени. А сейчас — самое то. Самое время.

С первых страниц — огромное удовольствие. Творческая автобиография, написанная в спешке, и одновременно легкий учебник истории. Нет смысла пересказывать содержание. Для меня это просто несколько дверей, какие-то из них я открою — точно прочитаю в ближайшее время «Шатунов» и стихи Джемалы.

В Архангельск приехали рано утром. Вернее даже не в Архангельск, вышли в пригороде, где нас встретили организаторы и привезли в дом за городом. Было очень холодно, мы шли мимо деревенских домишек, близко был русский лес. Я прикинул, что, наверное, так мерзну, потому

что пригрелся в жарком вагоне. Но нет, оказалось, минус двадцать два. Вот тебе и конец марта. Нас привели в какое-то странное здание, с виду нежилое, административное, поселили в маленькую квартиру на втором этаже — кухня и комната. Здесь мы проведем выходные перед концертом. Сразу на меня обрушился русский расслабон, и я понял, что не выйду отсюда без необходимости. Буду здесь, пока есть возможность, законсервированный в своих мыслях, отдыхая от людей. Только Костя. Но и он наверняка уйдет погулять, предоставив мне возможность заглянуть в старого доброго себя.

Мы расположились по разным углам и сразу уснули. Я полдня проспал, а проснулся простывшим. Самочувствие было неважное, чтение шло очень медленно. Половину книги осилил за день, в основном кряхтел и смотрел в потолок. Так наступила ночь, выходной оказался совсем крошечным. Не днем — часом.

Мамлеев с женой эмигрировали в США, на этом я вырубился. Пока спал на раскладушке, на меня упал надутый матрас, приставленный к стене. Я не просыпался. Просто лежал под матрасом, снилось, что ставлю фильм про реп и одновременно понимаю, что ошибся, позвав Хаски на главную роль. Надо мной посмеивалась съемочная группа и общественность: вылез из подвала, а мир-то уже другой. А я продолжал думать, как объяснить реперу актерские задачи. Он, конечно, — рассуждал я, — парень интеллигентный, но все-таки рекламирует адидас. А это, всем известно, фашистская организация, чудовищная, с ними дел иметь нельзя, это вам каждый скажет, кто хотя бы день там проработал. Ладно, снять рекламу яндекс-такси куда ни шло, но превратиться в русское лицо адидаса, это же какой-то сатанизм, что за непонятный современный мир! Но съемочная группа лишь хохотала над моими мыслями.

Потом еще были какие-то сны про кухонную мистику, только без всей этой теплой интонации из воспоминаний Мамлеева. Лишь мрак и холод современности, только знаки без глубины. И оттого мистическое казалось нездоровым шарлатанством.

Проснулся в полдень под надувным матрасом, потный, спина болела из-за раскладушки, ноги, упертые в пружины, затекли. Костя еще спал. Я умылся, потом ел печенья, сидел в телефоне.

Завтра последний концерт тура, послезавтра — домой в Петербург.

* * *

Моя родная сестра Ольга теперь присылает мне свои дневниковые записи. Она жаловалась на здоровье, и я посоветовал ей делать отчет по каждому дню, присылать мне. В ответ я буду давать ей деньги на йогу. Такой родственный пакт. Она мне отчеты, я ей — деньги, и заодно немного разберусь в ее проблемах, может быть, окажу какую-то помощь.

* * *

Маргарита Захарова смонтировала клип на песню ночных грузчиков «вдребезги» из тех кадров, что я снимал в туре — Костя сосет с девчонками. Однако Михаил Енотов его забраковал, сказал, что это скучно и пошло. Меня прямо раздосадовало, что он не умеет использовать слово «пошлость». Такой вроде бы неглупый парень. Скучно, это да, в том и изюминка. Но вовсе не пошло.

Ладно, перемонтирую этот видос под макулатуру или выкину вообще. Решил не спорить с Михаилом Енотовым, я уже привык, что хоть во многих вещах он ушел вперед, где-то не видит дальше своего носа.

Альбом Дельфина послушал, пока не понял. По-моему, это испуганный шепот буржуя. Конечно, он такой чистый образ выстроил, что даже не хочется критиковать его тексты, а хочется сказать: видимо, я чего-то не понимаю. Как с последним опубликованным рассказом Сэлинджера.

23–24 МАРТА

ПРОЧИТАЛ: *Никита Каф «Неправда», 3 дополнительных рассказа*

В самолете Архангельск-Петербург понял, что теперь я боюсь летать. Вспоминал свой полет с Богданой в Гоа, когда мне казалось, что мы точно разобьемся, что моя жизнь это просто воспоминание, и я четко вспомнил свою смерть — в этом самолете на Гоа. Очередь на регистрацию тянулась бесконечно, мы были в чистилище. Я боялся Дашиной ревности, чувствовал, что она сейчас убьет меня. Заставит самолет разбиться. Я потел, галлюцинировал и проматывал всю жизнь в голове. Не бойся, не бойся.

Но в самолете успокоился. И тогда, и сейчас. Осенью и весной. Я сел, после бессонной ночи хотелось дристать. Пришел сюжет, что я лечу в отпуск по путевке «все включено». Вот он, мой новый реп-текст, его фабула. Я лечу с Ромой Англичанином, он вроде бы уже мертв, а вроде бы и нет. Мы оба знаем, какой будет (какой была) его смерть, но не придаем этому значения, это другая реальность, другой сон. Я смотрю в окно, пытаюсь настроить камеру, чтобы покрасивее снять рассвет и облака, а Рома говорит, что красоту нельзя снимать на камеру, ее надо заливать бухлом. Он достает бутылочку вискаря, прихваченную в дюти-фри, протягивает мне. Но я не пью.

— Напрасно, — говорит Рома.

Самолет начинает падать. Я слышу голос Ромы в голове. Приготовься, говорит он. Сейчас очень важный момент, мы с тобой вдвоем, я — сын, ты — глупый необразованный отец, — создаем следующий мир.

Он будет немного лучше этого мира, там не будет:

Дудя

Рифмов и панчей

Пошлой молли

Гарри Топора

репа и рэпа

фестиваля «Маятник Фуко»

Зе Флоу

твоего постыдного

желания быть услышанным

постиронии

Наша работа будет сложнее, честнее и интересней, брат.

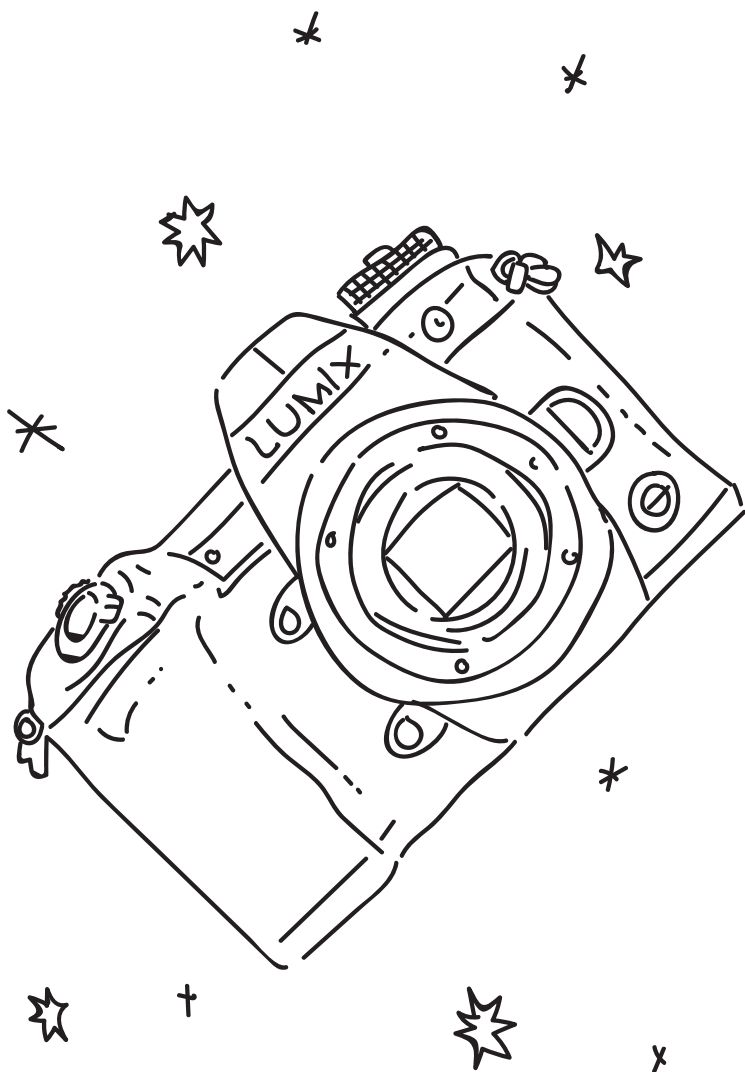
Я не умею отправлять телепатические сигналы, только принимаю, поэтому я поворачиваюсь к нему, киваю. Не словами, но жестом, спасибо, Рома, любимый мой светлый и божий человек. Приятно создать целый мир вместе с тобой. Это хорошее дело, и я рад, что у нас еще есть на это дух.

Доехали на такси из Пулково до Кировной. Убер ебал мозги, нельзя было продолжить маршрут, чтобы Костя доехал остаток пути до своего дома. Поэтому я пошел домой, а Костя поехал на метро.

Я скинул вещи, почистил зубы, умылся и пошел на почту за объективами. Даже не позавтракал, воды не выпил.

Вернулся, разложил их на столе. Новенькие. У меня есть все для съемки хорошего видео. Уже сейчас. Но мне и этого мало — через несколько дней придет великая камера Panasonic G9. Я пообещал себе: никаких фотопокупок больше в этом году. У меня есть больше, чем надо.

Мое жилье не похоже на жилье. Сломанные шкафы, пачки книг «Ил-music», разложенные на столе объективы, три пустые пластиковые канистры из-под воды фирмы «Дипломат». Мои шмотки, пахнет пылью. Надо заказать новые шкафы и убраться, как только Даша приедет, здесь появится уют.

Никита Каф прислал рассказы, он дописал еще три для своей «Неправды». Сперва хотел попросить напомнить мне через пару дней. Слишком много дел, я пишу два сценария, новый альбом макулатуры и эту книгу. Но потом решил, вечером почитаю.

Это все не один день, это были два дня, но они превратились в один. Я побывал у Михаила Енотова, мы обсудили свои дела, потом монтировал клип — из кадров, отснятых в туре, я делал клип на ремикс песни «память» — своеобразный фит макулатуры и группы «Пасош». Короче, Михаил Енотов был прав, на трек «вздребезги» Костя и его бабы легли плохо.

А вот на «Пасош» клип получился отличный.

Миша позвал меня на фестиваль «Маятник Фуко». Я очень хотел увидеть репера Хаски, потому что, пока придумывал под него сценарий, понял, чем он хорош. Он одухотворенный постмодернист, в отличие от Славы КПСС, постмодерниста обыкновенного. Короче, мне захотелось поговорить с ним, рассказать про сценарий, попробовать заинтересовать. И еще хотелось извиниться за фестиваль «Боль», там я его видел последний раз, и, по-моему, как-то нахамил ему. А может быть, хотел нахамить, но он оказался таким обаятельным и приятным, что я не стал?

Я не могу вспомнить. Да и похуй.

Сперва я зашел к Мише в гости, мы общались, шутили и все было здорово. А потом вспомнили нашу ссору, и неожиданно Миша взбесился. Он долго ругал меня, говорил, что уже спродюсировал кучу альбомов, но я единственный, кто обвинил его, святого человека, в проебанном альбоме. Или в проебанных сроках. Короче, мы очень долго спорили, я уже начал терять чувство реальности. Мне показалось, что он хочет разрушить наши отношения, но, как выяснилось, он просто хотел моих извинений. Притом формулировка была совершенно непонятная, хуй знает

за что надо было извиняться. Так мы толком ни до чего и не договорились, но успокоились и поехали на фестиваль.

Повсюду мелькали рэпчики, звезды. Как только я зашел в «Юбилейный», показал паспорт и получил бейджик, первым делом, естественно, увидел Гарри Топора. Улыбчивый и подкаченный, настоящий кандидат от народа. Мне захотелось проголосовать за него. Где тут урна, подумал я? Впервые в жизни хочу исполнить свой гражданский долг.

Даже придумал панчик для Гарри Топора, вместо его «когда Гарри держит свою бабу за сиськи, говорят, что Топор летит на дирижабле» я бы предложил ему: «я Гарри Топор — Геннадий Зюганов в репе. Хороший. Бесплезный. Вечный».

Все ушли, я тусовался со Славой Осинским, своим другом. Пил воду в гримерке, ел бананы и виноград. Придумали утопию. В мире будущего голосование стало обязательным. Достаточно приложить палец к телефону, и ты проголосовал. В качестве протеста я разбиваю телефон и кричу: нет, я хочу, чтобы мою судьбу решал кто-то другой! Отказываюсь от ответственности, мечтаю быть рабом! Не буду свободным человеком!

Потом сходили в зал, послушали Хана Замая и Славу КПСС. Господи боже мой, какой жуткий фестиваль! Какая отрешенность. Ничего страшного, подумал я, что Рифмы и панчи и Зе Флоу проигнорировали альбом ночных грузчиков. Действительно, это — совершенно другой мир. Я вне их информационного поля, нормально, что они пишут обо мне, когда Олег ЛСП спел мне припев или Ларин сыграл продавца говна в моем клипе. Все остальное для них — бормотания безумца. Прагматичный юридивый — персонаж Евгения Алехина в реп-игре, ему нет места на официальной карте.

Если на фестивале «Боль» люди получают удовольствие, превращаются в животных, танцую и слушают

музыку, то здесь атмосфера хуже, чем на школьной дискотеке. Люди пришли не слушать музыку, а отметить, возможно, с кем-то познакомиться или еще чего-то модного вырубить. Не знаю, за еблей кто-то ходит на такие фестивали? Вряд ли, скорее всего, они даже не знают, что здесь делают. Какой-то ебучий корпоратив. Я поприветствовал Хана Замая, когда он шел со сцены, с ним был Слава КПСС, но он то ли меня не заметил, то ли не захотел знакомиться. Вот я и подумал, в инстаграме шлет сердечки, а в жизни игнорирует. Ладно, видимо уже нашим реальностям тяжело пересекаться. Нужна какая-то магия. Я же неопытный путешественник между мирами, самому бы вернуться отсюда. Я же вместе с кирпичной стеной хожу по этому фестивалю, я же прячусь за ней, она отделяет меня от мейнстрима. Потерял Славу Осинского, ждал его какое-то время в гримерке, а потом ушел. Вышел из этого «Юбилейного», как же хорошо было на улице!

На метро доехал до дома.

Лежа в постели с ноутбуком, прочитал рассказы Никиты Кафа. Первый был хороший, ложился в книгу идеально. Детская история про дачу, про цыган. Цыгане ходили по домам и просили помощи. Бабушка главного героя не имела денег, она отдала им какую-то одежду, а цыгане выкинули ее в лесу. Герой Никиты наткнулся на эти вещи — и подумал, почему они их спрятали? Почему не сказали, что им это не нужно?

Второй — незначительный, можно было оставить или убрать, неважно. Книгу он не делал ни лучше, ни хуже. А вот третий — финальный — явно был лишним. Я нашел несколько ошибок, отправил свой комментарий. Потом написал Славе Осинскому, что потерял его и поэтому убежал. Потом еще обсуждали мою ссору с Мишей. Слава мне немного помог успокоиться.

Я вернулся к главе номер 10, перечитал. Потом перечитал переписку. Понял, что мы с Мишей не о том спорим. Углубились в какие-то бессмысленные комментарии. Я очень разволновался, думал, что не смогу уснуть. Блять, как так. Какое странное совпадение. Почему книга Никиты Кафа появилась снова в моей жизни и снова всплыла эта ссора с Мишей? Таким местам не веришь в книгах. То же самое было в моих «Границах первого уровня». Когда главный герой приезжает в Москву и сразу же встречает свою бывшую девушку — героиню Надю — о которой думал весь полет. Никто не поверил в это место, хотя (или потому что) оно взято из жизни. То же самое происходит сейчас.

Все-таки уснул. Спал хорошо и много. Проснулся, созвонился с Мишей, и мы разрешили весь наш спор. Все уладили.

* * *

Вызревает новый реп из глубины меня, гипотеза бога-деда. Отец — как быт, отец это рутина, он не может быть богом, а вот бог-дед понятнее.

Во-первых, дед любит внука и лучше его понимает. Он уже готовится познакомиться с вечностью, и он мудр. Внук же только вылез из вечности. Они оба ближе к духовному, чем к телесному. Дед и внук видятся редко, и эти вспышки очень важны.

Древние Египтяне шлют мне стих-гипотезу. Мой дед играет в нарды. Бабушка готовит еду на кухне или же стонет в постели, ругая свое тело, возвращающее ее к бесполезной жизни предметов. Дед готовится к партии. Он играет с воображаемым противником. Дед разозлится, если воображаемый противник победит — хотя сам ходит за обоих. Воображаемый противник чувствует, что деда

нельзя побеждать и рад бы поддаться. Он хочет проиграть и в то же время хочет выиграть. У него есть воля и в то же время — нет. И как только он раздумывает над своим ходом, безумный, безумный мир наваливается на него: невозможность постичь деда, невозможность понять даже, есть ли этот дед, который его изобрел. Невозможность выйти за пределы своего мира, маленькой выдумки моего деда Алехина Анатолия Сергеевича, любимого деда, жизнь которого я как будто знаю, как будто проживаю, пока пишу нелепые эти строки, сидя в баре «Буковски» на Моховой. Мои друзья веселятся, пьют и пляшут. Мне тоже хорошо, потому что они рядом. Костя, Секси, Михаил Енотов и Маша. Это хорошо и странно.

Скоро приедет Даша и наведет порядок. Очень соскучился. В моем родном Кемерове горит торговый центр «Зимняя вишня» — это настоящая трагедия. Около шестидесяти человек погибло, преимущественно дети.

26 МАРТА — 4 АПРЕЛЯ

ПРОЧИТАЛ: *Чарльз Буковски «Письма о письме»*

Последние дни марта я запомнил не в хронологии, состояние было как в ноябре 2016 перед отлетом в психушку. Такое на меня впечатление произвел, видимо, пожар в Кемерове. Первые два дня получалось блокировать новости, не думать об этом, а потом упаковка сломалось — и полетело. Я впервые в жизни отреагировал на событие — написал колонку в паблике макулатуры. Нет, было не так. Сперва я позвонил папе и спросил, что мне делать? Я думал, что обязан лететь в Кемерово и срочно включаться в общественную жизнь моего раненого города.

Папа сказал, чтобы я лучше занимался своими делами и берег психику. Я ему сказал, как я вижу ситуацию — у России случился очередной инфаркт. Мы лежим на члене Китая, США нам хер в глотку запихивает через Океан, ноги судорожно конвульсируют в Украине, а в Сибири — в сердце страны — инфаркт. И все, говорю я, после выборов, сразу же после выборов.

Папа просил успокоиться, сказал, если я хочу отреагировать, лучше написать небольшой текст, но постараться взвешивать слова. Раз ты писатель — пиши, сказал он. Сам он скинул мне две колонки на тему трагедии: от его бывшего начальника Дмитрия Шигиахметова и от Дмитрия Быкова. Я хотел прочитать, чтобы понять форму, но не смог открыть файлы — слишком судорожно прыгали мысли — понял, что мне проще сразу написать самому.

Вот что получилось:

«Дорогие друзья. Вы все знаете, какой пиздец произошел в Кемерове, нашем родном городе. По меркам страны

очень серьезная трагедия, а в региональном масштабе лет сто уже не было ничего подобного.

Наконец получилось поговорить с друзьями, родственниками, посоветоваться с моим папой (он журналист в Кемерове) и сестрой, чтобы получить от них ТЗ — как я могу помочь? — к сожалению, когда происходят такие большие и жуткие события, когда ад настолько близко приближается к нашим лицам, много часов занимает оцепенение и шок, и ты даже не можешь разобраться в противоречивой информации.

Конечно, сейчас весь мир смотрит на нас, шторы отодвигаются, и всем видны наши внутренности — ужасен, по-настоящему жуток и комичен внутренний наш мир. Ничего со времен Гоголя не изменилось. А все потому, что у вас выборов нет, кричит мир. Мы, измученные собственной бедой, лишь можем оскалиться: а у вас есть выборы, и все равно, у вас там, на троне какой-то бесформенный мешок картошки! Этот спор будет продолжаться вечно, и сейчас о нем стоит забыть. А надо вспомнить о том, что нужно уметь правильно ебать тупое начальство и уметь отвечать за свои поступки.

Опошлил свое школьное сочинение ради оценки — ничтожество.

Дал взятку — предал Родину.

Купил диплом — соломенное пугало.

Выбрал комфорт вместо правды — теперь любуйся последствиями.

Нужно успокоиться, говорит мне папа. Не бери на себе больше, чем можешь унести. Сперва потянись за кислородной маской — вдохни. Помни о своей психике. Теперь оглянись. Кому из твоих близких нужна помощь? Обзвони всех, скажи хорошие слова кому можешь и помогай чем можешь, попутно делай выводы.

Меня самого сейчас ждет очень много похорон, говорит он, и я не знаю, на какие из них хватит сил сходить».

* * *

Я выключил телефон и пошел гулять. Думал предложить флешмоб кому-нибудь. Повиноватиться как детишки в своих косяках. Я, например, купил Даше диплом, чтобы порадовать ее бабушку. Первое, что пришло в голову. Еще я не пошел на круглый стол журнала «Афиша» в 2012 году, побрезговал и постеснялся говорить о политике, потому что там были Нойз МС и Вася Обломов. Гордый, я решил, что нельзя с такими людьми садиться за один стол, по их творчеству судил. И вот теперь Александр Горбачев не понимает моего творчества, непонятно, что пишет на «Медузе». Я тоже выпиливаюсь, не хожу на выборы, стесняюсь собственного невежества и не делаю мир лучше. Пошел я на хуй тогда.

* * *

Мне Леха Никонов дал книгу с письмами Буковски. Вернее, не так — Лехе дал эту книгу Фео, вокалист группы «Психея», Леха прочитал ее и дал почитать Секси. Но Секси пока читает «Идиота» — вроде бы впервые, — и позволил взять мне книгу, чтобы немного успокоиться. В эти странные и страшные дни Буковски был со мной, и это спасало.

Так. Я же еще начал снимать документальный фильм про Валеру Айрапетяна. Когда же это было? Мы с ним и его сыном Захаром ходили снимать, как тому через голову пропускают волшебное электричество. Какие же красивые кадры я снял!

Было это или не было?

А потом еще снимали занятия Захара с двумя красивыми девушками — психологом и логопедом. Событий было много, они летели с разных сторон.

Я опять чувствовал эти вибрации, которые толкают к краю. Ночами почти не мог спать. Еще надо было срочно готовить книгу о ночных грузчиках. Еще фейковая новость о смерти Бабангиды потрясла интернет. Я приближался к маниакальной стадии. Как-то ночью меня потянуло в окно. Я включил верхний свет и торшер и стал читать Буковски. Уже в двадцать семь лет Буковски знал, что напишет «Фактотум», почти за тридцать лет до выхода романа.

Вот его письмо от 1947 года:

«Не думаю, что мог бы сделать роман — у меня нет позыва, хоть я и думал об этом и когда-нибудь, наверное, попробую. Называться будет «Благословенный мастак», и он будет о рабочем из простонародья, про фабрики и города, про мужество, уродство и пьянство. Только не думаю, что, если стану писать его сейчас, выйдет что-нибудь хорошее. Мне придется надлежащим образом разогреться».

А ведь такой роман с поправкой на время хотели написать и я, и Марат Басыров. Поскольку Марат умер, его должен написать я. И я уже накидывал план, составлял список работ. Думал, получится что-то вроде «Фактотума» и «Собачьей жизни в Париже и Лондоне» Оруэлла, но будет там и что-то мое. Ведь у меня шире опыт, музыкальный и издательский, и уже четыре года я пытаюсь честно работать на себя, оставаясь панком.

Короче, я сел за рассказ про ночных грузчиков. Сначала хотел написать коротенький текст — про то, как мы делали каждый из альбомов. Но история все разворачивалась, и вот я настроил за ночь две тысячи слов и даже не приблизился к созданию первого альбома. Оказывается, воспоминания жили во мне, многие вещи я помнил очень подробно. И я понял, что надо писать этот роман сейчас, что в нем будет не только мое творчество, но и молодость

вообще. Я засуну в него 11 лет своей жизни, а выльется он из меня легко, за ближайшие два или три месяца. Безумие устремилось в концентрацию — мой настоящий первый (или второй?) роман.

Наступило утро, а мозг все не останавливался. Меня шатало по комнате, голова шла кругом. Надо было заземлиться, чтобы не спятить. Сегодня встреча с великим математиком Ромой Михайловым, а завтра нужно ехать в Москву на фестиваль с репом. А еще я пообещал маленькую лекцию про веганство прочитать в баре, который находится в одном здании с местом, где мы выступаем.

Короче, у меня все сошлось. Чтобы разрушить в себе этого ебучего моралиста, я пошел в КФС и съел какую-то дерьмовину с ветчиной и сыром. Перед лекцией я должен был зашквариться, поскольку насильно не переубедить есть человека это наркотическое говно (мясо), надо самому им закинуться. Вернулся с небес на землю. Сразу лишился возможности соображать и читать мысли людей по их лицам. Отупляющий эффект потрясающий.

Вернулся домой и продолжил чтение. Потом мы с Валерой и Ромой Михайловым встретились. Сначала поели вместе, потом я гулял с Ромой. Он оказался приятным человеком, скромным, расспрашивал меня про издательство, про жизнь писателя и репера. Он и сам пишет романы. Предложил мне сходить в церковь, решил меня немного уберечь, перепрограммировать. Конечно, у меня в мыслях было две вещи — Я ГЛАВНЫЙ ПИСАТЕЛЬ В КЕМЕРОВЕ, Я ДОЛЖЕН СПАСТИ МОЙ ГОРОД — и — ЕСЛИ БАБАНГИДА ПРАВДА УМЕР, ТО Я ТЕПЕРЬ ЛУЧШЕ ВСЕХ В РЕПЕ ДЕЛАЮ СТОРИТЕЛИНГ, И ЧТО ЖЕ МНЕ ДЕЛАТЬ, ПЕРЕВОРАЧИВАТЬ РЕП-ИГРУ ИЛИ ЖЕ СБЕЖАТЬ В ДРУГУЮ СТРАНУ?

Мы дошли до Спаса на Крови, но там надо было платить за вход.

— Нет, эта церковь не годится, — сказал Рома Михайлов.

Он предложил дойти пешком до Василеостровской, там он жил и знал места. Но я испугался, что потом придется одному спускаться в метро, и я могу заблудиться. Уходить далеко от дома не хотел.

— Нельзя же поставить себе цель сходить в церковь, но не сходить в нее? — спросил или спросил Рома Михайлов. — Я знаю еще одну на Моховой.

— Отлично, там как раз бар «Буковски», — сказал я. — Зайду туда после церкви, а потом домой. Два святых места.

В церкви мне стало хорошо. Начало отпускать. Мы попрощались с Ромой Михайловым. А бар был закрыт.

Потом была поездка в Москву, концерт, моя полупрошарпанная лекция-полустендап на 20 минут про веганство. Затем втроем с моими реп-братьями сходили к режиссеру Роме Каримову. Рассказали ему о нашем с Михаилом Енотовым сценарии «Великий малыш». Вроде заинтересовали его, но у него есть свой взгляд, не знаю, будем в итоге писать или нет. Костя рассказал про свою идею — спортивную драму о поэте и подпольном бойце. Тут тоже пока непонятно, но Каримов встрепенулся. Потом сказал, что есть идеи и сценарии, которые он может мне дать расписывать. И вообще, что может как-нибудь купить мое время, чтобы я поработал сценаристом. Мне это интересно, но не знаю, хватит ли жизни, чтобы зайти на этот уровень.

Михаил Енотов потрепал Рому по щечке перед уходом. Это было лишнее, конечно. Мы все-таки к нему как к потенциальному работодателю пришли.

Из Буковски:

«Читаю письма Хемингуэя. Жуткая дрянь. Он такой политик. Играет, встречается с властью предержащими. Ну, может это нормально было? Тогда не было столько писателей. Или журналов. Или книг. Или вещей. Теперь писателей сотни

тысяч и тысячи литературных журналов, и много издателей, и много критиков, но главное — сотни тысяч писателей. Скажем, вызываешь нынче слесаря. Он приходит со своим разводным ключом в одной руке, вантузом в другой и с маленькой брошюрой своих избранных мадригалов в каком-нибудь кармане на жопе. Даже кенгуру в зоопарке — он тебя всего оглядит, а потом из сумки пачку стишков достанет...»

Наш фильм:

*Евгений Алехин
Михаил Енотов*

ВЕЛИКИЙ МАЛЫШ

Логлайн: Усталый и потрепанный жизнью супергерой с мистической способностью исцелять женщин через секс впервые влюбляется. Что он выберет: счастье одной-единственной или спасение многих?

Жанр: романтическая трагикомедия.

Референсы: «Святой Винсент», «Тони Эрдманн», «Головой о стену».

Синописис

М жил обычной жизнью, пока в молодости не обнаружил у себя настоящую суперспособность: секс с ним целителен для женщин — что-то вроде панацеи против всех болезней, включая смертельные. Сначала М это позабавило, а потом он осознал свою миссию. Сейчас ему под 40, и он уже давно не спит ни с кем ради удовольствия — секс ему слишком наскучил. М мог бы зарабатывать на своей порочной добродетели, но он не такой человек, поэтому днем он ходит на обычную работу (какую?), а вечера проводит в баре, где, услышав от очередной женщины трагическую историю болезни, уводит ее в койку.

Откуда взялась у М эта суперспособность? Ответ — в истории его родителей (ее мы будем показывать фрагментами через рассказы М бармену). Отец М был молодым и амбициозным писателем, который еще в 17 лет после жуткой попойки имел мистическое озарение и увидел все свое вероятное будущее: он действительно станет крупным писателем, но к моменту его творческого созревания постмодерн уже окончательно утвердился в культуре и никому его книги не будут нужны, поэтому самое великое, что он может сделать, это родить на свет великого ребенка.

Великий малыш становится для юного творца главным проектом жизни — он ищет подходящую женщину, которая смогла бы родить ему гения. Поиски не увенчиваются успехом — в каждой женщине герой находит какой-то фатальный изъян. И вот однажды он приходит к проститутке (разумеется, не рассматривая ее как кандидату на роль матери), которая неожиданно от него беременеет. Сначала героя не трогает эта новость, но потом он узнает, что проститутка была бесплодной. Впрочем, это не главная странность. Оказывается, у нее есть фантастическая способность лечить мужчин через секс. Тогда герой понимает, что эта та самая женщина, и их ребенок будет тем самым Великим малышом. Так и появился на свет М, получивший от отца ум, а от матери — целительный дар.

Годы разврата, даже такого «благородного», не проходят бесследно — М стал прожженным циником, уставшим от женщин, от своего дара, да и вообще от самого себя. Он заливает свою тоску алкоголем, и однажды решает покончить с собой. Но он слишком горд, чтобы банально убить себя, поэтому хочет обставить это как несчастный случай, причем с героическим оттенком — например, броситься под машину, спасая кого-то из-под колес.

Однако самоубийство не удастся — его самого спасает вовремя оказавшаяся рядом Ж (возможно, она была

за рулем). Ж восхищена поступком М и после короткого общения с ним по пути в больницу окончательно влюбляется в него. Когда потом она продолжает навещать его, М тоже начинает испытывать к ней ответное чувство — чувство, которое он не испытывал никогда до этого.

М и Ж все больше сближаются. Она молода (около 25) и, как оказывается, невинна — Ж берегла себя для по-настоящему выдающегося мужчины и теперь уверена, что встретила его в лице М. Конечно, М ничего не рассказывает ей о своей суперспособности, он просто наслаждается счастьем обычного человека. Однажды, зайдя в бар, М слышит излияния женщины о ее болезни раком, но уходит, не решившись ее «лечить».

У М и Ж длится период полной гармонии. Ж отдается ему, после чего у нее пропадает хронический насморк, мучивший ее с детства. Правда, она никак не может забеременеть. Со временем становится очевидно, что проблема в М. Это омрачает их отношения, ведь Ж мечтала о ребенке. Готова ли она любить мужчину, отказавшись от счастья материнства? А может быть, она ошиблась с выбором?

Что касается М, то ему постепенно становится скучно от перспективы обывательской жизни. Он привык к своему образу тоскующего супергероя, и, кажется, вне его вообще себя не видит. Переломным моментом становится визит в бар, где М узнает, что та женщина, больная рака, умерла. М понимает, что мог спасти ее, но был увлечен строительством личного счастья. Однако и отказаться от Ж он не может, поэтому с тех пор начинает вести двойную жизнь: готовится к свадьбе с Ж, но при этом тайком ходит «налево» (с благородным умыслом, как он себя убеждает).

Но тайное всегда становится явным, и однажды правда о похождениях М вскрывается. Естественно, для Ж это сильнейший удар — она разочарована, больше они не могут быть вместе. М страдает, снова пытается найти

утешение в чужих постелях и на дне бутылки, но только усугубляет депрессию.

Тем временем активизируется давний ухажер Ж. Это положительный во всех отношениях мужчина. Ж убеждает себя, что зря выстроила этот миф вокруг М. Может, ей просто хотелось быть для него спасительницей (не только в смысле буквального спасения жизни в момент их знакомства), на которую он всю жизнь будет смотреть как на ангела, как на подарок небес? Может, ей и не нужен никакой выдающийся мужчина, а, как и всем, нужен просто хороший человек, с которым она создаст просто нормальную семью? Она соглашается выйти замуж за терпеливого ухажера. Ж уже готова отдаться ему, но, лежа в постели, понимает, что не может делать это без любви, а любви она не испытывает.

После этого Ж в смятении чувств направляется в бар, куда постоянно ходит и М (правда, она этого не знает). Там он слышит от бармена историю о трахаре-супергерое, который «лечит хером». Ж понимает, что речь идет об М, и понимает, что все-таки любит его, несмотря ни на что, любит даже после отказа от мифа.

М тем временем понимает, что уже не может так жить. Он должен каким-то образом избавиться от своей суперспособности. В поисках ответа он приходит к старой проститутке, которая знала его мать. Она рассказывает ему продолжение истории его родителей. После того, как его мать родила, отец ее бросил. Она нужна была ему только для рождения великого малыша. Сам же отец вскоре после этого умер или покончил с собой. В своем отце М видит себя — он такой же гордец, возомнивший себя мессией и желающий спасти многих, но никого, ни одного человека не любящий по-настоящему. М идет на могилу к матери, плачет и спрашивает, что делать с этим даром.

В итоге М приходит к Ж, просит прощения, и она принимает его. Оба отказались от своих иллюзий, от своих

ложных образов, от восприятия себя и жизни как проекта, и приняли друг друга голым сердцем. М и Ж проводят вместе счастливую ночь. Наутро, лежа в постели, Ж начинает высмаркиваться — к ней вернулся хронический насморк. М понимает, что его суперспособность исчезла. Это одновременно и радостное и страшное открытие. Вскоре Ж беременеет.

4 АПРЕЛЯ

ПРОЧИТАЛ: *Христина Балухина, Любава Мальшева*
«Ефросиния Керсновская»

Тоненькая книга из серии что-то вроде «феминизм для самых маленьких». Мне ее подарила Полина, веганка и юная феминистка. Валяюсь с этой книжкой и грущу. И печаль, и подъем. И надежды, и разочарования.

Даша должна приехать завтра. Но она не берет трубку. Я не знаю, в поезде она или нет. Очень соскучился, но мне кажется, она неожиданно решила не приезжать, а опять расстаться со мной. Наверное, лучше момента для этого не будет. Если она сделает это сейчас, я прощу ее и пойму. Вряд ли я смогу уснуть этой ночью. Продолжу писать «Прекрасное уходящее».

Но как же, блядь, она ничего не сказала? Я же все чувствовал. Знал, что она что-то затевает. Что может не сесть в поезд или выкинуть какой-нибудь другой трюк, когда заскучает. Знал, еще когда уезжал от Богданы в Петербург. На этот раз я уже ученый малый. Буду просто жить и смотреть, что дальше. Как трехлапый пес у соседа-доктора в сериале «Луи».

Он сыт, счастлив, ждет. Он сыт, счастлив, ждет. Я стою раком на кухне, счастлив, немного голоден. Сейчас отправлю последние две главы Кириллу Рябову, моему первому читателю.

* * *

Даша так и не вышла на связь. Я переписывался с утра с ее мамой. Та сказала, что извиняется за дочь — ее вина, что она такая, сказала мама. А может быть и моя, сказал я.

Но у меня случилось какое-то облегчение. Сейчас самое время. Несколько дней надо привыкнуть, что я один. А потом заниматься делами. Все равно самое важное — писать, остальное так.

Я — просто эти буквы.

7–10 АПРЕЛЯ

НЕ СМОГ ОСИЛИТЬ: *Курицио Малапарте «Техника государственного переворота»*

Приехал в Минск. Хотел прочитать тоненькую книгу Малапарте, но открывал ее, видел, что это скучная арифметика и закрывал. Тяжело мне, человеку необразованному и не понимающему истории, увлечься этим механизмом. Зато я почувствовал магию этой книги. Подумал, что надо переспать с девчонкой и положить книгу на ее нагое тело. Снять на свой фотик так, чтобы получилось художественно, эротично, но без порнографии. Выложить фотографию в инстаграме, указать локацию — Минск — и подпись: приехал в командировку. Таким образом, я бы вложил и политический подтекст, и личный. Что я работаю с поп-музыкой в Беларуси, что я один из теневых архитекторов будущего — и сейчас моя работа проходит в уязвимой мировой провинции, стране вечных прекрасных детей.

Случился важнейший поворот, Даша показала мне, что она не изменилась, что все ее обещания были ложью, и мне следует принять это или спятить. Решил принять, спятил я в прошлый раз. Поэтому просто прогулялся и сделал фото книги на фоне пруда. Умиротворение, жизнь, командировка в Минск.

В первый день я пошел на концерт ЛСП. Хотел поснимать бэкстейдж, но настроения не было. Сидел в гримерке, почитывал «Технику», но никак не мог вчитаться. Только схема и тысяча имен, которые мне ни о чем не говорят.

Разговорился с двумя девчонками, одна из них была взрослой, моей ровесницей. Вспомнил, что уже очень давно не спал с ровесницами и попробовал с ней флиртовать.

Использовал для этого все, что было под рукой: книгу Малапарте, потом какую-то цитату из собственного творчества, которую выдал за мысль Сэлинджера.

Она распалилась. Ничего себе, я знаю язык тридцатилетних и умею на нем общаться, — осенило меня. То есть если на расположение незнакомой двадцатилетней девочки или парня — не важно — уходит от пяти до пятнадцати минут, эту женщину можно было брать сразу.

Но тут случилась загвоздка. Сперва она явно дала понять, что хочет меня. А потом началась ебля мозгов. Я пару раз поцеловал ее за концерт, но когда дошел до вопроса, где мы проведем ночь, — как будто мой хуй уперся в стену. Она стала набивать себе цену.

Ладно, после концерта я повисел с парнями и потом поехал к другой девчонке. Мы хорошо поговорили, у нее год назад закончились отношения, и она пока не хочет новых. Сейчас ей двадцать один, она любит балет и классическую музыку. Секса не было давно. Спросил, хочет ли она, чтобы я лег с ней или отдельно. Сказала, что ей все равно. Мы залезли в постель, она поинтересовалась, есть ли у меня гондоны. Сказал, что нет и что если нужен гондон, я пас. Она спросила, как у меня с микрофлорой. Ответил честно, что была уреоплазма, от которой я только что пролечился, в остальном все совершенно чисто, так как я готовился в этом году сделать ребенка. Окей, сказала она, давай, главное вытащи, бротиш.

Физически было хорошо, хотя без страсти, сами понимаете. Но как же приятно было уснуть после этого в обнимку. Мы расстались друзьями.

С утра поехал на студию к Олегу делать свою работу. Мы обсудили разные идеи и поняли, что нам друг от друга надо. Предложил ему издать книгу избранных текстов ЛСП с фотками и комментарием. Плюс у меня есть некоторые сценарные идеи, и если мы сработаемся, со временем займемся и кино.

Я прослушал все демки его песен, указал неудачные места. К моему удовольствию Олег слушал внимательно, принял большинство правок. Выбрали песню для клипа, это будет отличный клип, сценарий у меня уже есть.

К сожалению, чтение «Техники государственного переворота» пока откладывается. Но мне нравится сила этой книги, нравится носить ее с собой.

* * *

Чуть не забыл о главном. Вчера, 9 апреля, я был на студии. Олег записывал вокал для песни, Антон Докучаев играл на гитаре. Осталось немного проплаченного студийного времени, и я сказал, что, если они не против, я бы записал один шедевр. Так я спел свою первую песню в стиле кантри (с примесью говнорока).

Я как будто изгонял Дашу из себя. Физически я не могу ее убить, хоть и обещал. Но я должен разрушить ее внутри себя, иначе не смогу писать и не смогу жить. Ничего не вышло, да. Она не родит мне, хотя я был уверен, что она — мать моего ребенка.

Песня заканчивается словами:

*но ты мне сказала
я не хочу быть святой
я не хочу быть святой
я просто хочу быть шлюхой
и если во мне
будет ребенок твой
я распорю себе брюхо
я распорю себе брюхо*

Спасибо, Антон, спасибо, Олег. Вы очень помогли мне. Живем дальше.

11 АПРЕЛЯ

ПРОЧИТАЛ: *Сергей Шаматульский «Они»*

Тоненькая книга молодого белорусского писателя. Пока я здесь, решил ее прочитать. Вот как начинается:

«Жили они и жили. И вроде даже как хорошо — грех жаловаться, а что детей нету, так это, прости господи, не такая уж и беда, это еще пожалеете, это еще понянчитесь, это еще вон совсем и не старые оба — еще молодые. Будет вам, право, милые, хватит».

Первая реакция от прочтения: — Зачем мне это?

Очевидно, что сам я как издатель такую книгу публиковать бы не стал. Нормально, молодой парень решил зайти с другого конца — освоить язык, на котором писали книги сто лет назад. Здесь расставлены точки над «йю». А я даже не знаю, как их ставить на моем макбуке, у меня правило: использовать их только если это необходимо — например когда у меня персонаж Лёджик в тексте «Птичья гавань» возникает впервые.

Сергей, очевидно, талантливый человек, писать умеет, оставим это ему. Я прочитал сегодня утром эту совсем тоненькую книжку за полтора часа. Какое-то настроение света во тьме у меня осталось, на том и спасибо.

Мне нравится в Минске, погода хорошая, я много гуляю. Пишу роман «Прекрасное уходящее», хотя вчера и отдохнул от текста. Сегодня наверстаю. У меня случилось что-то вроде легких отношений с девчонкой по имени Настя. Она приятная, умная, работает менеджером в ресторане, пишет стихи. Стихи меня пока не впечатляют, я не нашел

ее там. С ней здорово проводить время, слушать, как как она говорит, отвечает на вопросы. Обсудили мой роман. Она сказала, что читала давно «Камерную музыку», ощущение от книги осталось хорошее, в ней много энергии, а что написана слишком бегло — не так уж важно. Мне такое и надо было услышать, это помогает писать дальше. Сходили в кино на «Леди Берд», хороший фильм.

Настя передает привет с этих страниц своей маме — Светлане Васильевне, прямо в Могилев. И от меня вам привет, дорогая мама Насти. Спасибо, что читали ей стихи Агнии Барто и Заходера, сейчас это очень помогает в работе по имени Жизнь.

Настя хорошо знала Рому Англичанина, они были соседями.

Я советую ей перечитывать книги и даже перепечатывать, чтобы научиться писать, найти свой стиль. Сам я больше всего перечитывал Сэлинджера, Буковски, Пелевина, в детстве — Григория Остера, в отрочестве — Макса Фрая. Ближе к тридцати уже старался учиться писать у Газданова. Скелет собирать — у Стивена Кинга. Самокритике меня научил Олег Зоберн.

Но больше всего меня учит работа с друзьями — Кириллом Рябовым, Антоном Секисовым, Костей, Михаилом Енотовым. Когда мы редактируем тексты друг друга, разговариваем, обмениваемся идеями, сразу понятно становится, в чем сила каждого, а в чем слабые места.

Ну и, конечно, Валера Айрапетян. Он самый мудрый, он умеет передружить всех между собой, наполнить жизнь смыслом. Это мир его имени, возможно.

Вечером с Олегом, Сашей и Настей провели скайп-конференцию по поводу фильма, который Олег продюсирует по своим песням. Он, конечно, молодец. Разъебал съемочную группу. Стало понятно, что они снимать фильм не будут, чему я и рад. Хочется начать этот проект без непоняток.

12 АПРЕЛЯ

ПЕРЕЧИТАЛ: Довлатов *«Ремесло»*

Вчера мы с Настей встретились с местным режиссером. Какое доверие — можно сказать, я провел собеседование для Олега ЛСП. Режиссер Петя мне понравился, он разбирается в камерах, в процессе и совсем не выпендривается. Правда, я зачем-то много говорил, но он отвечал очень адекватно. Нашлись даже общие знакомые, в частности, он знает, кто такой Саша Тананов.

Я доложил Олегу, что Петя пока лучший претендент. Клипы остальных мне не понравились, а этот и снимает хорошо, и в беседе приятный, и выглядит как спокойный профессионал. К тому же он сказал, что долгое время пользовался панасоником gx3 и остался доволен. А с пользователями панасоник мне проще находить общий язык, хоть мне панасоник за это и не платит.

Ночевал у Насти. Попалась в руки книга Довлатова. Опять начал читать с унылым чувством, но втянулся. Настя не могла уснуть, ей надо было рано на работу, попросила почитать вслух, чтобы я этим делом ее убаюкал. По-моему, лет в семнадцать прошлый раз брал в руки эту книгу, но кое-что помню.

Потом валялся на матрасе, думал о своих делах. Вроде все хорошо. Мой проект «Великий малыш» провалился. Даша меня обманула. Иногда чувствую ярость, но в целом счастлив. Знал ведь, что все так получится. И все равно доверял. Как в детстве, когда нам с сестрой покупали мороженное или еще какую-нибудь редкую сладость. Сестра спешила съесть вперед меня, а потом просила поделиться.

— Дай откусить. В следующий раз я с тобой поделюсь.

Я всегда сперва отказывался, знал, что обманет. Но она продолжала:

— В этот раз не обману. Клянусь.

Ладно, я верил. Потом нам давали по мороженому, я просил первым делом откусить от ее порции.

— У тебя же есть свое, — удивлялась сестра.

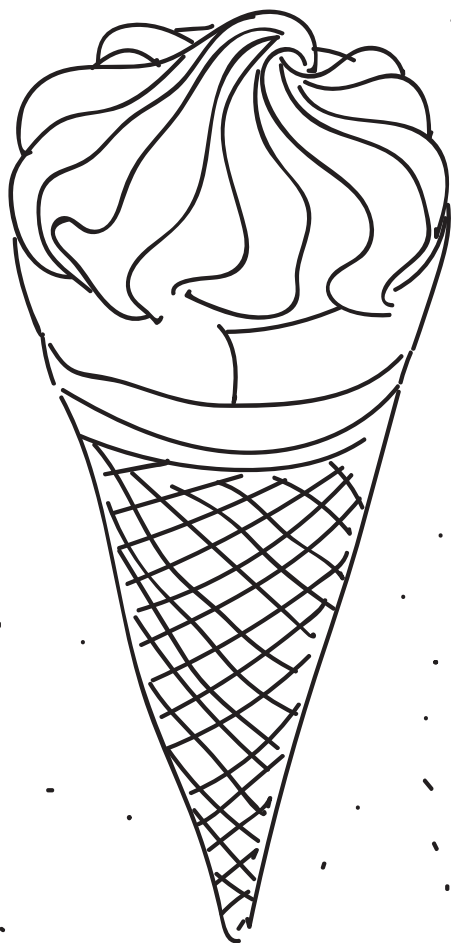
Так же вышло и с Дашей. Она сказала, что изменилась, что хочет родить, что будет со мной. Интересно, зачем ей это все? Что она чувствовала тогда? Неужели совсем не знает себя?

Потом я думал про Олега ЛСП. Что-то не дает мне покоя. Удивительно, что он уважает меня как профессионала (в чем?) — советуется по текстам, готов отдать хороший трек, чтобы я снимал клип, и даже зовет ехать в тур. Но в то же время когда надо проявить какое-то материальное подтверждение дружбы (речь не про деньги) — типа запостить у себя в инстаграме альбом ночных грузчиков — как будто чувствует подвох и отказывает. Короче, написал ему в телеграме такой текст:

«Братиш, я тут подумал. Мне немного обидно, что ты не даешь мне поиспользовать тебя / типа вот как с грузчиками для рекламы. Анализировал это в ночи / решил сказать. Думаю, лучше такое не держать».

Вроде бы из этого все должно быть ясно. Мне не нравится, что меня эксплуатируют. Привык работать с друзьями, людьми, которых я люблю и которые любят меня. Думал, что такой трюк пройдет и с Олегом, что он мне достался в наследство от Ромы Англичанина, и теперь мы с ним будем дружить. Но я, наверное, для Олега просто ресурс. Конечно, вокруг много людей, деньги и успех — тяжелое бремя.

Настя обмолвилась, что есть такая проблема. Видимо, дело в воспитании, но, возможно, Олег думает, что ему надо добиться каких-то высот, заработать какое-то количество денег — и тогда он будет счастлив.

— А ты просто есть в любой момент, и все, — так сказала мне она и этим очень польстила.

Не думаю, что это желание подлизаться. Просто я ей чем-то понравился, попался в момент, когда открыт и бескорыстен.

Когда проснулся, Настя уже ушла на работу. Решил не гулять сегодня, побыть в одиночестве, читал Довлатова. Думал, чем он хорош, а чем плох. Наверное, я бы вообще ничего не понимал о шестидесятых и семидесятых, если бы не подобные тексты. К тому же здесь внятно и очень просто рассказана история одного писателя. Довлатова.

Олег ответил, что не понимает, о чем я говорю. Тогда я подумал — нахуй. Не буду снимать клип, не поеду с ним в тур. У меня много друзей, с которыми меня ждет интересная работа. Зачем мне быть придворным биографом?

Но потом узнал, что случился скандал. Какая-то журналистка, которая только что вышла из дурки, пытается собрать деньги на документальный фильм про Рому, хотя его родители против этого. Николай, Ромин отец, даже попросил в соцсетях не поддерживать этот проект. Фильм могут снимать только близкие люди.

Олег мне рассказал про идею журналистки — приехать в Могилев и жить с родителями. Все против, но она не понимает этого, выкладывает в сеть переписку с Олегом, говорит, что Олег отжимает Ромины деньги. В общем очень нелепая и тяжелая ситуация.

Короче, я устыдился, что написал Олегу со своими претензиями по поводу недостаточного дружелюбия и любви к моей персоне. Я ведь купаюсь в любви и так, столько людей любят меня, искренне считают умнее и лучше, интеллигентнее, чем я себя ощущаю, мое это зловонное нутро. Решил продолжить чтение Довлатова и ни о чем пока не думать.

Вот он — мастер, который знает себе цену. Мне стало легче от его книги. Он пытается быть честным, объективным

и простым. Просто писал, как пишется, хороший импровизатор, ленивый прозаик. Простые и понятные выводы.

Оказывается, вы пишете для себя. Для хорошо знакомого и очень близкого человека. Для этого монстра, с отвращением наблюдающего, как вы причесываетесь у зеркала...

Завтра едем в Могилев. Надеюсь, на этот раз удастся пообщаться с Ромиными родителями. Хотя у них сейчас куча нервов уходит и так. Не знаю, как быть. Все как-нибудь разрешится.

13–15 АПРЕЛЯ

ПРОЧИТАЛ: Виктор Мазин «Машина влияния»

Начал эту книгу ночью с 12 на 13 апреля. Настя попросила почитать ей вслух что-нибудь перед сном. Тяжело было въехать в текст, написанный «на стыке психоанализа, медиатеории и антропологии».

Настя издавала иронические звуки, а я даже решил запустить трансляцию. Тут любой кусок поначалу повергает в недоумение таких как мы, необразованных поэтов, усыпляет или заставляет слушать не смысл, а только музыкальный флоу текста. Например, открываю на странице 33:

Либидинальная экономика, основанная на маркетинге, производит то, что Бернар Стиглер называет по аналогии с биовластью Фуко психовластью. Если государственная биовласть связана с капитализмом производства, то психовласть — с рынком потребления. Радикальное смещение от биовласти к психовласти происходит после Второй мировой войны, а еще точнее — после революции 1968 года. В обществе контроля «психовласть гарантирует контроль над поведением, ибо наука полиции и государства уступила на свое место и свою власть менеджменту и маркетингу.

Приехали в Могилев и пошли гулять. Теперь, когда погода была отличная, город мне понравился гораздо больше, чем в прошлый раз. Наверное, это время — лучшее в году.

Вечером — концерт ЛСП. Ромины родители были рядом, но нас никто пока не знакомил. И я испугался, что сам не смогу преодолеть барьер. Олег пел со сцены, я вспоминал Рому, обдумывал текст, который напишу о нем.

Казалось, что все неправильно. Вход 12+, Олег не матерится, просто молчит в тех местах, где надо выругаться, но подростки сами подхватывают за него.

Короче, я остался на какое-то время один на этом концерте. Настя — с младшей сестрой. Саша — еще где-то и с кем-то. Родители Ромы на балконе, плачут за столом.

Потом все разошлись, меня кто-то из публики узнал. Сделали несколько фото. Саша сказала, что родителей уже проводила, но они ждут нас назавтра.

Мы переночевали на вписке — я, Саша и ее парень Артур, он из Могилева. Настя пошла к родителям, они живут в десяти минутах оттуда. Перед сном я продолжил читать, понемногу смысл книги начал мне поддаваться — как шизофреники интерпретируют мир на своем языке, как возникает бред. Попутно узнал историю доктора Виктора Тауска, верного последователя Фрейда, который засунул голову в петлю и застрелился. После чего Фрейд вздохнул с облегчением, а то он опасался, что ученик его сожрет в своей фанатичности. Тема двойников.

Утром съездили на кладбище. Трезвому тут было спокойно. Три девчонки сидели на Роминой могиле. Как минимум одну из них я уже видел вчера на концерте. А потом случилось странное совпадение. Мы — Саша, Настя и я — искали нужный дом, нужный подъезд. Мужчина открыл перед нами. Какой этаж, спросил он, пока мы ехали в лифте. Оказалось, у него тоже восьмой. А квартира какая? Мы назвали номер квартиры. Он удивился, открыл эту квартиру. Выбежала собака.

— Странно, что вы ко мне, — сказал мужчина.

Добрый пьющий человек, но не мягкий. Нормальный мужик.

— Видимо, все-таки не к вам.

Оказалось, ошиблись домом. Тогда я заволновался, что та реальность, в которой я еще лежу в психбольнице,

наложилась на реальность, которую я проживаю сейчас. Вспомнил монолог Ричарда Линклейтера из фильма *Slacker*. Какой все-таки он великий человек, как я люблю его фильмы. Мне захотелось снять ремейк «Пробуждения жизни». Мы вышли из этого дома и зашли в правильный.

Вскоре я уже сидел в Роминой комнате и говорил с его отцом. Вот здесь мой метафизический сын рос. С интеллигентными родителями-медиками. Отец писал картины, они висят в квартире. В Роминой комнате убрано, его фотографии на стене, пара рисунков. Стоит его компьютер, который привезли из СПб.

Потом приехал Олег и еще ромины друзья. Я выпил полторы рюмки.

Настя попросила проводить ее на остановку. Ей пора было ехать в Минск. Мы прогулялись, она сказала:

— Ты такая звезда. Состоишь весь из штампов. Говоришь разным людям одно и то же.

Меня это, конечно, расстроило. Она пыталась объяснить, что я ее не так понял. Но я ее понял правильно, действительно, думаю о сейчас о книге, об альбоме, какие-то теории обкатываю. Одни и те же панчики слетают с языка.

Мы обнялись с Настей, и она села в маршрутку. Сосаться на прощание не стали.

Потом еще раз — уже с Олегом, Роминым другом Катешем, женой Олега и девчонкой Таней, снявшейся в клипе ЛСП — съездили на кладбище. Я немного поснимал. Хочу посвятить Роме клип на песню ночных грузчиков «старик».

* * *

Ночью в поезде вспомнил: завтра же годовщина свадьбы. Ровно год назад я был в тяжелом состоянии. Тело

было в порядке, но я никак не мог перевернуться на лапки. В тот день я пошел в бордель, и произошла эта история. Проститутка пожалела меня, сказала:

— Отпусти ее. Как ее зовут?

Она была ласкова, но не давала целовать себя — потому что я выпил сидра перед борделем, а проститутка совсем не пила. Силиконовая грудь (по этому критерию я выбрал, когда еще увижу вживую силиконовую грудь) не манила. Я кончил, потом мы лежали и обсуждали мой брак. Второй раз проститутка направила меня без гондона. Это я описал в синопсисе, сейчас описываю еще раз. Хотя мы и говорили на разных языках, она помогла мне. Но кончить второй раз я не смог. Просто полежал в ней, потом на прощание, уже в дверях, присел на колени и поцеловал в вагину.

— Сумасшедший, — нежно сказала проститутка, запахивая халат.

— Спасибо тебе, — ответил я.

— Малышку он поцеловал, — и покачала головой.

Мне захотелось взять еще час, и деньги тогда были. Но надо было идти, как раз к Роме. Мы обсуждали клип, который я собирался снять для ЛСП, но в итоге так и не снял. Еще рассказал Роме, что сходил в бордель. Он ругался, что я наживую занялся сексом с проституткой. Пфф, сказал я, так гораздо меньше шансов что-то подхватить.

— Я чувствую, что она так никогда не делала, — сказал я. — Просто хотела помочь мне пережить расставание с женой.

Он подумал и сказал, что я, вероятно, прав.

В поезде я все это вспомнил и решил, что опять схожу завтра к той проститутке. Лежа на верхней полке купе, посмотрел расписание борделя. Она, та же самая девчонка, работала.

Но я отложил телефон и пережил эту сцену прямо там. Тихонько дергал себя за член в темноте, к счастью, на соседней полке никого не было, только снизу Саша

посапывала и какая-то женщина давно спала. А я воссоздал проститутку в мельчайших деталях, только добавил страсти, в прошлый раз с этим было плохо. Сказал, что очень ей благодарен. Спросил, может ли она снова позволить мне переспать с ней без презика? Она сказала твердое нет. Тогда я начал с резинкой, а потом стянул и подрочил на проститутку. Все, я заглянул в параллельную вселенную, где этот эпизод повторился год спустя. Сэкономил пять или шесть тысяч рублей.

16 АПРЕЛЯ

НАЧАЛ ПЕРЕЧИТЫВАТЬ: *Дж.Д. Сэлинджер «Грустный мотив»*

Я потерял счет дням.

Я начал пить и обрел личное местоимение.

Писал роман в баре «Буковски» и попросил Машу подлить мне алкогольного в безалкогольное.

В первый вечер хотел увести домой девчонку, но утомился от этой игры.

Во второй вечер я пил безалкогольное, но по чуть-чуть глотал алкогольного у Феликса Бондарева и Поэта без Усов. С ними была Люба, модный клипмейкер. Мне было невыносимо, хотелось приставать и признаваться в любви, я сказал, что она хорошо пахнет. Она рассказала, что на клип группы «Пошлая Молли» было потрачено тридцать тысяч долларов. Я сказал, что готов написать для нее сценарий. Она отказалась со мной идти на свидание.

Потом приехал Оскар, и мы стали ходить в бар вечерами.

Я уже пил алкогольное пиво.

Влюбился в Дашу, барменшу «Буковски».

Она миниатюрная, похожа на мою Дашу. Как удобно. Можно обнимать одновременно и новую Дашу, и старую. Люди с тонкой костью не стареют, как мы с вами, писал Сэлинджер.

Мне с ней, новой Дашей, тоже ничего не светит.

Хочется ее обнимать и называть по имени.

Два вечера мы целовались, и даже планировали вместе поехать на Дальний Восток.

Но она этого не хочет. Она слилась. Она не пришла на концерт ночных грузчиков.

Было около пятисот человек, я выступил со стендапом про бордель, а потом напился.

После концерта я ложился под каток.

Потом мы оказались в «Буковски», и Даша говорила что-то невнятное.

Мое сердце полыхало.

Это было здорово. Сейчас пару дней попойю, потом опять в завязку на три или четыре месяца.

Роман понемногу продвигается.

Выпил, и он мне начал нравиться.

Кириллу Рябову тоже.

Короче, я подарил ей букет. Точно, но это было еще за день до концерта. Пьяному мне еще сложнее управлять нарративом. Я бежал с цветами, чтобы встретить ее в баре, но она ушла.

Я выкинул букет в мусорку. Она вернулась, я достал его из мусорки.

Классная баба.

Лучшая.

Эту историю с Букетом я посвятил Марату Басырову. Я чувствовал его одобрение. Отец Марат. Привет тебе.

Рассказы Сэлинджера превосходные. Хотя и не совсем, я вижу их изъяны.

Мы сосались с Дашей. Она держала букет, я заметил, что к упаковке, приклеившись на выжженный пластик, прирос бычок. В остальном букет был идеален даже из мусорки. Пока Даша не видела, я оторвал бычок и бросил его под стол. Она сидела в баре с подругой, подруга была пьяна. Мы стали прощаться, с утра нам с Оскаром надо будет поднимать тиражи книг на шестой этаж. Мои книги, я же издатель, не забывай-те. А на следующий день был концерт ночных грузчиков.

Она не пришла.

После концерта мы шли в сторону дома, я лег под каток. Паша Набок был с нами, он попросил водителя меня

переехать. Оскар сделал фото и отправил Маевскому. Красивое фото, я лежу под катком, сложив на груди руки. Маевский ответил:

— Умеет жить.

Водитель катка переезжать меня отказался.

Мы опять зашли в «Буковски», Даша была там. Помню, что Оскар оттаскивал меня из бара, чтобы я не доставал ее.

На следующее утро я немного переделал город, изменил его силой мысли.

— Пойдем по Моховой? — спросил Оскар, когда мы шли из книжного магазина.

— Нет такой улицы в Петербурге, — ответил я.

В тот день у меня появилась девушка Таня. Не буду рассказывать никаких подробностей. Мы с Оксаром решили, что нам опять надо делать вместе группу. Он будет заниматься музыкой и звуком, а я буду петь русский слог, как вокалист Arab Strap. Никита Моисеенко, я сделаю это ради тебя. Будет такая группа.

* * *

Минск. Сегодня концерт. Первый день без алкоголя. Обнулился, долго приходил в себя. Выложил фото в инстаграм, подписал «Первый день без алкоголя». Кто-то откомментировал: «Как ты мог так обосраться, ты же ведешь дневник». Тяжело тащить Дом Трезвости на плечах. Моя сестра Ольга сказала, что не верит, что я так легко перева-рил очередной уход жены. Она знает, что я созрел для ребенка, что мне хочется иметь семью. Правильно я сделал, что побухал несколько дней. Теперь опять можно уходить в завязку. Надо писать альбом и роман. Еще сестра сказала, чем больна, ей всю оставшуюся жизнь придется пить таблетки. Продолжает вести дневник, посылать мне записи.

Они с Ромой учатся пользоваться фотоаппаратом, который я прислал. Очень благодарны мне, все такое. Племянник мой, Рома, похоже, унаследует весь мой бизнес и хасол, если ему будет интересно. Думаю, он станет выдающимся кинематографистом, если захочет. Трудолюбивый, умный, только немного жополиз. Летом прилечу в Кемерово, познакомлюсь поближе, научу его монтировать.

* * *

Удалось поплакать крокодильими целебными слезами, перечитывая рассказ Сэлинджера «День перед прощанием», а именно — небольшой его фрагмент. Сам текст важен для тех, кто хочет разобраться в кухне автора, ведь здесь впервые появляется Винсент Колфилд, писатель, старший брат Холдена, а еще здесь много особых сэлинджеровских панчлайнов, которые он потом научится более ловко маскировать, превратит эти штампы в свой фирменный стиль. Но меня сейчас тронуло другое. Фрагмент, приведенный ниже, несмотря на свою простоту, очень метко и просто описывает три года моих отношений, три последних альбома макулатуры и ночных грузчиков.

«Пляж», «сеанс» и одноименный «ночные грузчики» — все мои куплеты писались для одной бабы, одного собеседника. Сегодня в Витебске предстоит исполнять песни со всех этих релизов, и иногда кажется, что легче все-таки разгружать вагоны. Нужно будет придумать какой-то способ вложить в них спасительный подтекст, чтобы не призывать Дашу обратно, не воскрешать ее в себе. Проект «великий малыш» получится воплотить позже, с другой девчонкой, физическую жизнь продолжать еще лет тридцать или сорок, а этот триптих надо закрывать.

Вот отрывок рассказа, разбредивший сердце в ночи, флоу почти как у Кости Сперанского (в книге «Кто знает о чем думает Амалия?», которую вы никогда не прочитаете, хаха):

Он не мог уснуть до поздней ночи, вертелся с боку на бок в полной темноте, потом улегся на спину и затих. Он знал, как Винсент отнесется к Фрэнсис, но почему-то надеялся, что он об этом не станет говорить. Что толку твердить человеку о том, что он сам знает? Но Винсент это сказал. Каких-нибудь полчаса назад он все это сказал, тут, в этой самой комнате.

— Ну пошевели ты мозгами, — сказал он. — Джеки стоит двух таких, как Фрэнсис.

Та ей в подметки не годится. Она красивее, она добрее, она остроумнее, она тебя поймет в десять раз лучше, чем Фрэнсис. Фрэнсис тебе ничего не даст. А уж если кто-нибудь и нуждается в понимании и сочувствии, так это ты, брат.

Брат. Этот «брат» разозлил Бэйба больше всего.

Он не знает, — думал Бэйб, лежа в темноте. — Он не знает, что Фрэнсис делает со мной, что она всегда со мной делала. Я чужим людям про нее рассказывал, в поезде по дороге домой. Я рассказал о ней незнакомому солдату, и я это делал всегда, и чем безнадежнее становится моя любовь, тем чаще я вытаскиваю на свет свое бессловесное сердце, как дурацкий рентгеновский снимок, и всему свету показываю свои шрамы: «вот смотри, вот это — когда мне было семнадцать, и я одолжил «форд» у Джо Маккея и увез ее на озеро Вома на целый день. А вот здесь, вот тут, когда сказала то, что она сказала про больших слонов и маленьких слоников. А здесь, повыше, это когда я дал ей обыграть Банни Хаггерти в карты, в Рай-Бич, у нее в бубновой взятке была червонная карта, и она это знала. А здесь, о, здесь — это когда она закричала: «Бэйб!», увидев, как я выбросил туза в игре с Бобби

Тимерсом, мне пришлось выбросить туза, чтобы услышать это, но, когда я это услышал, мое сердце — вот оно, у вас перед глазами, — мое сердце перевернулось, и уже никогда оно не станет прежним. А вот тут рубец, страшный рубец. Мне был двадцать один год, когда я увидел ее в закуской вдвоем с Уэдделом — они сидели сплетя руки, и она поглаживала его костяшки своими пальчиками.

Он не знает, что Фрэнсис делает со мной, — думал Бэйб, — она делает меня несчастным, мучает меня, не понимает меня, почти всегда, но иногда — иногда! — она — самая чудесная девушка на свете, а с другими так не бывает. Джеки никогда не делает меня несчастным, но Джеки вообще никак на меня не действует. Джеки отвечает на мои письма в тот же день. У Фрэнсис на это уходит от двух недель до двух месяцев, иногда она вообще не отвечает, а уж коли ответит, то никогда не напишет то, что мне хотелось бы прочитать. Но ее письма я перечитываю по сто раз, а письма Джеки — только раз. Стоит мне только увидеть почерк Фрэнсис на конверте — глупый, вычурный почерк — и я делаюсь счастливее всех на свете.

Вот уже семь лет, как это со мной творится, Винсент, есть вещи, о которых ты понятия не имеешь. Есть вещи, о которых понятия не имеешь, брат...

* * *

Продолжаю читать рассказы Сэлинджера. Организатор Ксюша сняла нам номера в доме отдыха на море, это в поселке Пионерский недалеко от Калининграда. Сегодня Костя, Михаил Енотов и Маша поехали в Светлогорск гулять, а я остался один. Мне нужно читать, писать эту книгу и подготовиться к завтрашнему дню. Потому что завтра день рождения Ромы Англичанина, я хочу написать рассказ о нем.

Ночью прочитал несколько текстов, в том числе «Опрокинутый лес». С каждым разом эта повесть нравится все больше. Утром встал, позавтракал, сходил на берег. Вот я и остался один, в таком странном и пустом раю. Ветрено, я прошелся по пристани, поснимал видео в сторис, сделал пару фотографий. Пора было садиться за письменный стол. Я сделал несколько набросков, но понял, что не доволен результатом. Завтра утром встану, сяду за ноутбук и напишу рассказ про Рому, не отрываясь.

Лег с книгой и продолжил чтение. «Грустный мотив», наверное, мой любимый рассказ Сэлинджера. Я опять плакал, было и светло, и печально, и невыносимо. Это про меня, про Марата и Рому, про всех. Думаю, что завтра я подберу нужные слова.

Все рассказы, не вошедшие в сборник, отвергнутые самим Сэлинджером прочитаны. Осталось перечитать главные, на его взгляд, девять штук. Сейчас я приготовлю гречку, поем, опять схожу на берег и продолжу читать.

27 АПРЕЛЯ

ПРОДОЛЖАЮ ЧТЕНИЕ, рассказ пока не получился, но вот два текста.

ТЕКСТ 1

для паблика макулатуры

Сегодня Роме исполнилось бы 30 лет. Предлагаю вам вместе со мной пересмотреть маленький видос с его последнего выступления на фестивале «Боль», куда я поехал с ЛСП в качестве турового видеографа и побухать.

Рома должен был спеть реп с макулатурой на песне «променад», и я написал для него текст по мотивам стихотворения Уэльбека, добавив немного наших петербургских опознавательных знаков и Роминой личной истории. (Летом у него тоже были проблемы с бухлом, и ему прочищали кровь). Вот это стихотворение:

*На углу, у «Фнака», бурлила толпа. То и дело
Кого-то пихали, ругались и сатанели.
Нерасторопного голубя пес терзал без затей.
За углом, на панели
Старая нищенка у стены молчаливо сидела,
Съезжившись под плевками орущих детей.
Я шел по улице Ренн. Вывески и рекламы
Манили туда, где таких, как я, ждут дамы:
— Привет, меня зовут Амандина, —
Однако мой член совершенно не трогала эта картина.
Толпились какие-то отморозки, листая страницы
Порножурналов, и с угрозой следили, как мимо идут
порядочные девицы.
Функционеры обедали. И с каким аппетитом, взгляни-ка!
Но тебя там не было. Я люблю тебя, Вероника!*

Вообще мне хотелось, чтобы Рома не только спел этот куплет на «сеансе», но и свел альбом. Это будет охуенно, кричал я и прыгал. Альбом, написанный мной после дурки, сведешь ты в больничке, лечась от алкоголя! Но лежать долго не пришлось, он вышел, и были свои дела.

В итоге все записывал и сводил Феликс. В те дни Рома заболел отитом (или впал в депрессию, а мне говорил, что заболел) и все не мог записать свой куплет. Я ему напоминал раз в два дня, и он отвечал, что, да, вот-вот. А потом, в день нашего концерта в СПб, Рома неожиданно умер.

На песне «променад» мы просто оставили длинный проигрыш. Я не знал, что делать с Роминым куплетом, и Феликс предложил мне прочитать его на другую музыку, которую для нас сделал сам Рома. Мы отрыли ее в старой переписке, сентиментальную минусовку, которую поначалу забраковали — слишком нежная. Но после его смерти, конечно, она слушалась по-другому. Он и был такой нежный, что не верилось. Когда слетала броня, тупая подростковая бравада, это мягкое и светлое нутро сперва смущало.

ТЕКСТ 2

для паблика ночных грузчиков

Сегодня день рождения Романа «Англичанина» Сашеко (далее — Рома). Ему бы исполнилось тридцать лет.

Для меня тема «старик» одна из главных на альбоме «ночные грузчики», и она посвящается не только Михаилу Енотову, но и Роме. Сейчас я попробую более-менее внятно рассказать предысторию этой песни.

20 июля был мой день рождения, трезвый Рома подарил мне маску коня и активно меня спаивал.

— Ты будешь ползать, — обещал он мне.

Я выпил несколько кружек сидра и коктейлей за его счет, а Рома все это время смотрел на мое лицо и горло — как будто пил их сам.

— Меня не сломать, — говорил я.

Потом мы отправились в клуб «Мод» слушать поэтов Максима Тесли, Диму Гусева и Леху Никонова. Особенно хорошо зашел Дима Гусев, мы с Ромой восхищенно переглядывались, то и дело поднимая большие пальцы вверх. Я познакомил его со своими друзьями, в частности с Валерой Айрапетяном. Валера всегда называл меня «сынок», Рому это обрадовало, и он сказал:

— Значит для меня ты будешь дед! — и тут же добавил Валеру в друзья на вк.

Проснулся с тяжелого бодуна, к вечеру потихоньку слез с карусели на коктейле «подавки» (это наше с Михаилом Енотовым изобретение — когда мешаешь алкогольное пиво с безалкогольным). Решил завязать.

28 числа в Москве был концерт макулатуры. Неделя завязки — великое время. Появляется вкус к жизни, острее чувствуешь запахи, вкусная еда становится по-настоящему вкусной. Даже за член себя в разы приятнее трогать, не говоря уже о соприкосновении с плотью девчонки, которая тебе нравится.

Мы уже заканчивали сет, когда на сцену выскочил Михаил Енотов. Он сам играл в этот день в акустике, и успел только к концу нашего с Костей выступления. В клубе было душно, мы втроем прыгали по сцене, по пояс раздевшись. Крутой концерт, что тут говорить. Потом мы сидели в гримерке, большинство людей разошлись. Узнав, что назавтра мы в Петербурге записываем вокал для альбома «сеанс», Михаил Енотов сказал:

— Я хочу поехать с вами. Только паспорта нет с собой.

Но у нас было выкуплено целое купе. Три места — я, Феликс, Костя — группа макулатура. Плюс с нами ехала подруга.

— Ты можешь поехать на третьей полке.

Так Михаил Енотов оказался в Петербурге, без сменных вещей, паспорта и с акустической гитарой. Он

присутствовал при записи вокала, сам тоже спел один куплет в песне «ни ночи, ни дня». В этот день я хотел позвать записываться Рому и познакомить их с Михаилом Енотовым, но тот сказал, что заболел отитом.

— Ну ты чего! — сказал я ему по телефону. — Я тебе кумира молодости привез.

— Завтра на концерте отсосу у него и у тебя, — ответил Рома.

30 числа была макулатура в «Моде». Но мы решили еще исполнить несколько песен ночных грузчиков, раз с нами внезапно оказался Михаил Енотов. В тот день состав у нас был мощный. Феликс заведовал минусами и играл на гитаре, Артемий стучал на барабанах, еще на три песни должен был выбраться на сцену красавец и мачо Антон «Бендер» Докучаев, гитарист ПТВП.

Когда мы ждали такси у обочины на Шпалерной, встретили Роксану, жену Миши, концертного директора. Я с ними, Мишей и Роксаной, жил этим летом в одной квартире. Роксана обняла меня и сказала:

— Роман Николаевич умер.

Подъехало наше такси «три шестерки», и мы с Михаилом Енотовым и моей подругой сели в него. Я сидел спереди и смотрел в окно. Подруга взяла меня за ключицу и спросила:

— Как ты?

Концерт проходил нормально. Я решил посвятить песню «замри и умри» Роме. Это, наверное, единственный знаток творчества ночных грузчиков, который сохранил любовь к ним и при этом сам стал звездой. И хоть продюсировал поп-музыку, все же привнес в нее харизму и дух. Как же так, думал я, старик. Что же случилось? Опять перепил или пожрал наркоты? Почему не позвонил мне, как обычно, и не стал ныть в трубку «я люблю тебя» или не послал на хуй, сказав, что все дебилы, а ты умный? Мы же

должны были вместе делать новое музло, ты же не записал нам куплет. Столько интересных дел. Мы же поспорили с тобой, Рома. Ты сказал, что сможешь заработать денег даже если будешь сотрудничать со мной. Ты проспорил мне тысячу долларов, воскресай и отдавай.

Когда на сцене оказалось слишком много великих людей, аппаратура не выдержала. Звук пропадал то в одном комбике, то в другом. Но праздник продолжался.

Вечером я решил ненадолго развязать. Вообще-то у меня с подругой был договор — если запью раньше сентября, она меня отстропонит. Но в свете последних событий она сказала:

— У тебя амнистия.

Это развязка продлится еще несколько месяцев, до декабря, с небольшими перерывами.

Михаил Енотов провел несколько дней со мной. Мы пили вино, плакали, гуляли по крышам, слушали черновики макулатуры, наши старые записи ночных грузчиков. Много слушали ЛСП, особенно песни «тело» и «номера».

Вернувшись в Москву, Михаил Енотов сразу записал демо песни «старик» и прислал мне, используя набросок музыки своей подруги Саши. Хорошая девчонка, сказал он, наша. Окончила философский, лежала в дурке, работала сценаристом. Сейчас работы нет. Это была великая песня. Мне понадобилось несколько месяцев, чтобы найти свой простенький куплет. Я напишу оставшиеся десять куплетов и смогу справиться со «стариком» только в январе.

Как-то надо было это сделать. Текст про Михаила Енотова, а подтекст про Рому.

28 АПРЕЛЯ — 1 МАЯ

ПРОЧИТАЛ: *Чарльз Буковский «О кошках»*

После концерта я проснулся рано утром и пошел на море, сделал несколько фотографий, кайфанул. Вернулся, позавтракал, и тут проснулся Костя и сказал, что хочет искупаться. Мы пошли снова к морю. Я искупался нормально, залез в воду, сказал «а», окунулся с головой и вылез. А Костя с первого раза не справился, ногу свело. Он разминался на берегу, а я сделал его фотокарточку с голым половым хуем и выложил ее в сторис инстаграма, обильно замазав хуй.

В аэропорту рейс задерживали. Я выбрал гостиницу на Новокузнецкой, позвонил и забронировал номер.

Приехал уже в семь вечера. Дама на ресепшене (у нее была размазана помада по лицу, будто ее ебали в туалете только что) долго и тупо разглядывала мой загранпаспорт, потом сказала, что ей нужен российский для заселения. Я сказал, что было бы неплохо, если бы они по телефону мне сообщили о таких нелепых правилах. Я заселялся в десятки гостиниц, и везде все нормально было. Она пыталась дозвониться руководству, потом фотографировала паспорт. Потом мы смотрели друг на друга.

— Ладно, я лучше пойду, — сказал я. Забрал свой паспорт, взял рюкзак и двинулся к выходу.

— Приношу вам извинения, — сказала дама.

— Спасибо, не принято, — ответил я.

В соседнем подъезде была гостиница «Мэри Поппинс», в нее заселили без проблем. Номер стоил рублей на восемьсот дороже, но когда от тебя уходит жена, появляются свободные деньги, знаете же. Я снял номер без окон,

напоминающий темницу. Решил сходить в книжный магазин, купить Тане что-нибудь. Если она станет моей девчонкой, надо подарить ей какую-то книгу. Вот же я хуйло, хочется прокачать девчонку, настроить под себя. Думал, подарить ей «Возможность острова» или «Расширение пространства борьбы» или, может быть, «Женщин». Но там ничего из этого не продавалось. Зато был новый сборник Буковски «О кошках». Я решил купить эту книгу для Кости.

Но сперва сам прочитаю, конечно. Жена Буковски Линда Ли составила эту книгу, в нее вошли отрывки из писем и романов, стихи, все, что так или иначе касается темы котов и кошек. О, Линда, зачем ты это делаешь, подумал я. Не еби же ты великий труп своего мужа. Тем не менее, я книгу купил и ебал труп Буковски вместе с Линдой, был одним из муравьев, которые подносили strapon к его разлагающейся заднице. Не могу сказать, что книга стоила того, чтобы ее издавать.

Таня была на концерте «ЛСП», а сам я туда поленился ехать, хотелось отдохнуть после перелета. Я начал переживать и ревновать, а что если Олег ЛСП обратил на Таню внимание? Нужен ли я был ей? Ведь для многих девчонок, я знаю, значение имеет только твоя популярность. Как можно измерить, кто хороший или плохой? Никак. А вот количество подписчиков, бабки, все эти материальные вещи — понятнее. Чтобы не думать об этом, я пошел гулять. Наконец концерт закончился, Таня очень долго ехала на такси, я злился. Мимо проходил Феликс Сандалов, я стрельнул у него сигарету и поговорил о какой-то ерунде. Пицца приехала раньше, чем Таня. К ее приезду я уже совсем расстроился и даже начал сомневаться в ее существовании. Короче, романтического вечера не получилось, зато у нее начались месячные. Я измазался в этих месячных, но в целом, мы хорошо провели время.

Потом был концерт ночных грузчиков в Москве. И там меня накрыло. Я даже написал Дашиной маме перед концертом, чтобы не писать самой Даше. Потом стоял на книгах, обнимался с девчонками, хуй у меня стоял. С одной красивой даже пососался. Потом появилась Таня, и я уже не стал ни с кем сосаться, чтобы ее не обидеть. Да что же это за пиздец, неужели придется рубить себе палец, как сделал Отец Сергей, но я не хочу исцелять людей, вернее я хочу исцелять репом, а не так, чтобы меня прикладывали к туловищу.

Перед выходом на сцену решил выпить. Каждый раз я думаю, как Марк Рентон в автобусе, — какая моя ширка будет последней?

Концерт получился отличный. Меня отпустило благодаря ему. Но еще накроет.

Вернулся в Петербург. Купил новый ноут, макбук про 2017 года, сколько же у меня денег и что с ними делать, когда у тебя нет жены, непонятно. У макбука не очень удобный тачпад. Договорился встретиться с Вовой Седых, он поможет настроить под меня. Сейчас надо заниматься визой, Надя Мира ждет меня в Марселе. Есть все шансы не успеть получить визу, тогда я просто потеряю билеты.

В понедельник международный вор задавил моего любимого кота (Мэнкса). По нему проехало переднее колесо машины. Он теперь в больнице. Возможно, больше не сможет ходить, говорит док. Понимать пока слишком рано. Рентген показывает, что позвоночнику пиздец. Отличный кот. Настоящая личность. Может, сумеют прооперировать или сделать ему комплект колесиков. Рентген еще показывает, что кто-то давно в него стрелял. Круто ему пришлось.

Или все-таки правильно она сделала, что опубликовала эту книгу? Ладно, Линда, зарабатывай. А мне эта

книга многое объяснила. В очередной раз понял, что люблю Буковски.

Мне пока не хочется публиковать книги под своим именем, не хочется мне каждый день проходить через эту войну, через ад и рай, разбирать свои комплексы. Мне не нравятся бары, драки и шлюхи. И я решил бросить этот проект, все, что мне сейчас хочется, включать музыку и играть на воображаемой гитаре. поэтому я кайфую.

Знаю, что альбом будет хороший, мне он уже очень нравится, и похуй кому что придет в голову, пора нанять себе менеджера, который будет считать бабки, есть моя мастерская — реп-группа макулатура, она много для меня значит. Знаю, что если разберусь с ней, налажу там непрерывную работу, буду кайфовать, деньги сами появятся. Если вам понравится эта книга вы посоветуете ее другу. если найдете подсказки как бороться со своими комплексами или вам нравится мое музло.

Короче я ее преждевременно заканчиваю, слишком скучный проект меня ждет альбом, день рождения бабушки и деда, долгая и кропотливая работа по восстановлению брака, и хуй знает, что там будет в результате, насколько же более умное приятное занятие — музыка. Звук! что может быть целебнее и интересней звука!

Просто в семье у меня не было ни одного музыканта и каждый раз, когда я пытался научиться играть на гитаре, я думал, как? вон эти пиздюки умеют. а я нет, у меня же нет гитары, а если есть то расстроенная, поэтому сеплировал, искал лоу фай, сводил максимально быстро и интуитивно.

И когда мы сидели в баре с феликсом и ебали друг друга мозги он сказал какой он хитрый и умный то я вспомнил что использовал одну фишку в 2007-м

канье уэст в 2008-м

а феликс уже хуй знает в каком

короче лучше уж у нас в андеграунде без гипотез дурац-
ких кто самый умный кто не самый слезли с дерева сели
за столик и давай пиздеть кто умнее кто глупее

все долбоебы залезаем на деревья

а потом нас оттуда снимают наши мамки или жены
чтобы мы не забыли поесть

потом опять берем себя за члены или за гитары или
тупые книжки нас привлекают и хорошо если в нас есть
сила

импульс

какой-то свет

или звук

творчество

15 МАЯ — 6 ИЮНЯ

ПРОЧИТАЛ: *«Дневник токаря Белоусова (1937–1938)»*, *«Уистен Хью Оден. Застольные беседы с Аланом Ансеном»*, Роберт Персиг *«Дзен и искусство ухода за мотоциклом»*, Экзюпери *«Маленький принц»*; перечитал: Чарльз Буковски *«Истории обыкновенного безумия»*

Мои друзья Костя, Михаил Енотов, Валера Айрапетян, Миша и моя жена Даша обсудили между собой мое состояние. Через знакомых меня отправили в психиатрическую больницу им. Кащенко. Там я провел 23 дня. Ноутбука, само собой, у меня не было там, поэтому приходится писать эту главу постфактум, объединив сразу пять книг, которые я прочитал за это время.

Но начать я хочу с небольшого рассказа, чтобы легче было въехать. Этот текст я написал от руки полтора года назад, когда я лежал в подобной больнице в Кемерове. Рассказ был опубликован в интернет-издании «Дистопия».

* * *

«Хороший день. Письмо нездоровой души»

Привет.

Надеюсь, у тебя все хорошо. Хочется, чтобы ты узнала, как у меня дела. Я делаю заметки в блокнот, потом перенесу все в ноутбук и отправлю тебе письмом. Вряд ли ты успела забанить меня на мэйле.

Я проснулся несколько часов назад. Сегодня почти хорошее настроение. Лежал в темноте (сосед еще спал), слушал

аудиокнигу «Сто лет одиночества». Потом меня позвали измерить давление. Давление последние дни низкое, 105/75, что-то такое. Мне доверили отнести тонометр на третий этаж, и это было здорово. Здесь любое событие, даже отнести тонометр на другой этаж, воспринимается как Событие с большой буквы. Вернувшись, просто ходил по этажу, считал шаги. Тут некоторые так делают, не волнуясь, я не единственный, кто ходит по коридору, иногда целый час, от точки до точки. Это нормально: либо валяйся в палате, либо читай, либо ходи туда-сюда. Но я еще пишу это письмо тебе. Наверное, я самый счастливый парень на нашем этаже, если и не во всей этой дурке. Мне ведома радость писать письма.

До завтрака еще около часа. Проснулся мой сосед, теперь в комнате включен свет, и я могу сесть за стол. У него настоящая болезнь, у соседа, в смысле, не то что у меня. Не знаю, сможет ли он когда-нибудь излечиться. В семнадцать лет уже такая беда. Ему везде мерещится моча, он на всех дверных ручках и опосредованно на любой ткани чувствует наличие мочи. Руки он замыл до того, что они выглядят и пахнут, как куски мыла. С ним ни о чем кроме его болезни не поговоришь. Я пытаюсь его расшевелить, отвлекаю. Спрашиваю о профессии, которую он думает выбрать, о том, как он учится (учителя к нему ходят на дом). Но он все равно задает свои сумасшедшие вопросы: сколько я бумаги трачу, чтобы протереть местный засанный унитаз? Тогда я уже почти ругаюсь, отвлекайся, говорю, преодолевай. Дома, говорит он. Дома ему легче. Дома он привык к умеренной дозе мочи. Там он гораздо реже моет руки и как-то живет спокойно. Такой парень.

Завтрак:

- яйцо вкрутую;*
- кусочек хлеба черного с маслом;*
- кусочек хлеба белого;*
- каша геркулес;*
- чай с сахаром.*

О том, чтобы здесь соблюдать вегу, я и не мечтаю. Просто ем, что дают. Можно было бы отказаться от всех приемов пищи, пытаться жить на одни передачи. Но тогда меня примут за совсем отмороженного психа. Сейчас главное найти себя. Потом уже возвращаться к этически верной диете. Так я оправдываюсь. И еще тем, что тщеславие, которое мне понадобится, чтобы оставаться веганом в психбольнице, напроочь сотрет все то человеческое, чему я сейчас учусь каждый день.

Ты мне сказала: сначала полюби себя. И я постигаю эту науку. Делаю тридцать глубоких вдохов, потом задерживаю дыхание. Желание начать дышать трогает орган за органом. Органы отзываются: желудок благодарит за съеденный завтрак, мочевой пузырь говорит, что он еще много воды способен вместить, но и поссать не против, заднице и спине нравится, что мы все — я и они, мои ребята, мои органы и конечности, валяемся здесь. Сердце спокойно бьется, ноги и руки хотят пройтись или поотжиматься. Голова много думает, голова мешает процессу. Я учусь слушаться тела, учусь любить себя. Я отделяю себя от мира, вот он я. Меня может еще полюбить Даша, а может уже никогда не полюбить. Я могу ее увидеть, а могу не увидеть. В любом случае, это мой путь. Спасибо, что у меня есть ноги. Все вокруг всего лишь ноли и единицы, все это информация, но это — позиция мозга. Когда он отключается, жить становится интересно, где бы ты ни находился: на своем концерте или на койке в больничке.

После завтрака мне назначена всего одна таблетка: оланзапин, 5 мг.

Сейчас сосед переодевается. Его отпускают на несколько дней к родне. Меня тоже отпустят завтра, на целые выходные. И это очень радует. Сосед одевается по-стариковски, долго думает, куда класть одни вещи, пока он надевает другие. Отворачиваюсь, не в силах его видеть. Я лежу на кровати, так лучше.

Когда совсем нечего делать, я вспоминаю свои сны. Они заменяют мне тебя. В первой дурке, накачанный хуй-пойми-чем, я видел сны наяву. Осязательные галлюцинации поверх действительности. Мое путешествие по этим больницам — начало новой жизни. Ад, в котором я ищу себя, чтобы потом найти тебя. А-а-а, ты ненавидишь, когда я говорю что-то такое, образное и занудное. Это надо оставлять для стихов, я знаю. Я и сам этой черты своей не люблю. И ты тоже видишь, как ходульно я леплю новые миры. Эта как кухня какой-нибудь индийской забегаловки, после того, как туда попадешь, тебе уже не будет казаться еда такой вкусной.

Ты сразу просекла, что я выдумал этот психоз, выдумал, чтобы вернуть тебя. Чтобы ты приехала за мной и начала помогать мне, увидела мою слабость и вытащила меня своими руками из печи. Но ты знаешь, что я сам могу справиться и сделаться мощнее. Ты меня бросила. Ты просто стрельнула из базуки по кораблю, не желая его потопить, а просто чтобы посмотреть: потонет или нет?

Обед:

- суп с рыбной консервой;
- вареная курица с капустой;
- кусочек хлеба черного;
- кусочек хлеба белого;
- компот из сухофруктов.

Я не хотел писать роман или очередной альбом о тебе. Нутро кричит об этом, но я знаю, это как изнасилование, я теперь это понимаю. Самое безобидное высказывание — письмо. Как только оно достигнет адресата, будет уже неважно. А если не достигнет, тоже неважно. Слова помогают мне уничтожить бесполезное время. Здесь не важно ничего кроме убийства времени. Чем хуже текст, тем лучше.

Я изучал твою красоту, наводя на тебя камеру. Здорово, что ты осталась в моих песнях и клипах. Ты не останешься

просто воспоминанием, есть пространственно-временное доказательство наших отношений. Я не сумасшедший. Ты — есть. Ты на фоне города, ты на фоне моря, ты на фоне вида, открывающегося в Одессе с колеса обозрения, ты на пляжах Пхукета. Каждая локация как новый секс, новая любовь, новый бог. Я понял, что ты моя жена — с первого взгляда. Слова тут не каналы, нужен был танец. Я не знал, что получу: один разговор, один поцелуй или один год вместе. Придешь ли ты на мои похороны. Будут ли у нас дети. Ничего не важно. Ты захотела быть со мной, ты расхотела. Но я обрел голос, и все остальные дела — разрешимы.

Впервые за годы я пытаюсь рисовать. В детском саду я был лучшим, но так и остался на том же уровне. Я пытаюсь рисовать что-то попроще. Тюбик назального спрея, бутылку воды. Рисунки не очень. Объекты — удивительно реальны. Понятия не имею, смогу ли я когда-нибудь нарисовать тебя. Наверное, весь этот текст — попытка нарисовать тебя. Воссоздать психологически твою красоту.

Меня кричат: Алехин! Ко мне посетитель. Мой папа. Обнимаю его. Он принес воды, мандаринов, печенье. Мы сидим на кухне. Я ем мандарины. Он рассказывает что-то. Я рассказываю что-то. Мне не очень дается речь, сказываются препараты. Но наше чувство привязанности и любви друг к другу обострено. Он был примерно в моем возрасте, когда случился самый сложный период его жизни. Бывшая жена (моя мама) лежала в коме после пулевого ранения в живот, нынешняя жена (моя мачеха) лежала на операции после аварии. И он между двумя городами, двумя семьями. Между чужими и своими детьми. Мне хочется вернуться в прошлое, обнять его и сказать: ты справишься. Мне будет 31, а тебе 57, и нам не нужны будут слова, мы с тобой будем лучшими отцом и сыном, ты придешь ко мне в психбольницу и поймешь, что мы понимаем друг друга настолько, что слова больше не нужны. Я буду есть мандарины и бормотать что-то,

и мы будем вспоминать, как в детстве ты носил меня на шее по лесу и читал стихи про великана с голубыми глазами. Папе не нужно чувство вины, он простит себя, я знаю, он сможет. Мама умерла не по нашей вине. Так сложилось.

Кажется, у меня появляется чувство семьи, лучше ког-да-нибудь, чем никогда. Это ты научила меня. Закрывшись, научила.

Папа ушел. Я пытаюсь валяться, получать удовольствие от безделья. Ломает. Мне нужны соцсети, сериалы, видеообзоры новых камер Panasonic. Что угодно, любая наркота. Всего не хватает. Я смотрю на дерево за окном. Вот же оно. «Кайфуй там, где бесконечность», спасибо Мамонову. Я часто вспоминаю его здесь. Отпускает. Все будет здорово, я выйду отсюда и продолжу свой странный путь, с тобой или без. Суета проходит, отпускает меня. Времени нет, мне не нужно все время его уничтожать, обменивать на какие-то мелкие события. Тридцать глубоких вдохов. Чего хочет тело? Лежать или в туалет? Пройтись по коридору или спать? Вот и все. Вот и все наши дела.

Ужин:

- картофельное пюре с печенью;*
- кусочек хлеба черного;*
- кусочек хлеба белого;*
- чай с сахаром.*

Между ужином и последним приемом таблеток два часа. Потрачу их, потрачу день. Вечерний прием таблеток самый важный. Сразу три штуки: тот же оланзапин, 5 мг, антидепрессант агомелатин, 5 мг, и снотворное аминазин, 25 мг. Потом можно будет готовиться ко сну. А пока я буду гулять, ходить на кухню, пытаться смотреть телевизор, лежать в палате, слушать Маркеса, думать о тебе.

«Пляж» был моим тебе свадебным подарком. Маленький и уютный дом, к которому нам было нелегко пробраться

через повседневный быт. Тот самый сон наяву, в который тебе надоело смотреть. Но я знаю, ты любишь его, он останется в твоём сердце. Сначала я думал, что больше не смогу читать эти тексты. Сейчас мне не терпится поехать в тур. Мы существуем по отдельности. Но ты любишь меня, ты любишь себя, способную вдохновить меня на что угодно. Скоро отбой. Я почти не думаю о тебе, забываю о тебе. Пока не усну. Спасибо. Этот день безболезненно уничтожен. Усыплен. Хороший день — мертвый день.

03.12.2016

* * *

«Дневник токаря Белоусова (1937–1938)»

Эту книгу издали мои друзья Common Place в серии «Прожито». Единственная была в рюкзаке, когда я попал в больницу. Очень повезло с врачом, меня поначалу лишь кольнули феназепамом и быстро объяснили моё состояние. Я перереботал. Одновременно писал альбом, две книги, сценарий, пытался вернуть жену, и вот опять пришли ко мне видения рая и ада, а потом я поговорил с дедом по телефону и решил, что он умрет на следующий день. Короче я неправильно понял подтекст, и друзья решили, что мне надо подлечить мозги. Они отчасти правы.

Я оказался в наблюдательной палате. Рядом был парень, считающий себя Сатаной, читал мои мысли и проговаривал их вслух. Меня пичкали нейролептиками, усидеть на месте я не мог, спал мало, часов по 5 в сутки, особенно первое время. Выходил с книгой в коридор, чтобы не думать о фестивале «Боль», который я, возможно, проебу, не думать о том, на что тогда буду жить все это лето. И просто читал книгу.

Например, такую запись сделал токарь Белоусов 23 декабря 1937 года:

Работать не пришлось, с утра политрук оставил на политзанятие, он сказал, что я уваливаю от политучебы, это меня обидело, и я с ним даже поругался. Прибыло сидеть. Тогда Бабкин поехал домой, а я на «Большевик» на почту, чтоб получить гонорар. У «Большевика» мне не пришлось никого встретить, и я, получив деньги, поспешил домой и, доехав до Московского вокзала, у меня сильно промерзли ноги, и я от Московского пожелал идти пешком. От журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент» получил письмо, просят писать в журнал о стеновке и ее военкорах. Вечером смотрели в штабе новый заграничный фильм «Катерина», он бессодержателен, только артистка Галь играет прекрасно. Написал письмо тете, Антоше и Ване. Назначили ночью сгружать дрова, поэтому наш взвод на прогулку не ходил. Вот так минуло время.

* * *

Наконец приехала Даша. Она сказала, жаль, что нам приходится говорить в таких условиях. Но она меня любит и хочет быть со мной. Я сказал, что хватит уже друг друга мучить. Надо сходиться и делать ребенка. Мы три года горим в этой страсти, никуда не деться, ребенок хочет, чтобы мы его родили. Я выйду отсюда, буду меньше работать и больше заботиться о ней. Может быть, получится малыш, в любом случае для нас он будет великим.

Всех психов выгоняют из комнаты отдыха, когда к тебе приходят гости. Мы были втроем: я, Даша и Саша Дронова, продюсер последних альбомов ночных грузчиков и макулатуры. Саша сказала, что может постоять

на стреме, чтобы никто случайно не зашел. На удачу был тихий час, психи не ходили по коридорам. Даша была передо мной, у нас что-то было, и каждый раз это непостижимо. Чувственная ебля.

* * *

Костя привез мне книгу «Дзен и искусство ухода за мотоциклом». Читал я ее очень долго, параллельно успев прочесть еще две книги. Вся первая половина хоть и написана очень занудно, но случилось полное попадание. Такое же было со мной в пятнадцать лет, когда я взял в руки «Чапаева и Пустоту». Я перечитывал книгу раз за разом, пока не понял, почему это подделка. Но здесь иначе, книга настоящая. Поездки по Америке, описание мотоциклов, отношения автора книги и сына — все настоящее.

Я продирался через этот скучный текст. Сатана кричал мне, что я идиот, потому что не хочу с ним дружить, ссал в штаны и угадывал цифры моего номера телефона. Другой парень, гей и радиоведущий, орал, чтобы ему дали феназепам.

— Эти голоса меня заебали! Я не могу больше!

Потом его связали. Я ходил по палате и по коридору. Даже корректоры не помогали. Нейролептики делали свое дело, ноги гудели, хотелось ходить и ходить.

По сути, вот уже 16 лет для меня макулатура — такой же храм и институт, который всю книгу пытается создать герой «Дзена» Федр. Эта книга обо мне, я обязательно буду ее иметь при себе, открывать и перечитывать.

Настоящий университет, сказал Федр, не имеет определенного местоположения. Не владеет собственностью, не выплачивает жалований, не принимает материальных взносов. Настоящий университет — состояние ума.

Великое наследие рациональной мысли, донесенное к нам сквозь века, не существует где-то. Это состояние ума возобновляется в веках сообществом людей, которые по традиции несут профессорские звания, но даже эти звания — не Университет. Настоящий Университет — непрерывный поток самого разума, никак не меньше.

Когда Роберт Персиг дошел до момента, где он разбывается геометрию, читать особенно скучно. Помню, еще в седьмом классе, мне выдали учебник «Геометрия 7–9». И под словом «геометрия» какой-то школьник подписал ручкой «не более». До сих пор это кажется самой меткой шуткой в моей жизни. Принципиально ни одного домашнего задания в жизни по геометрии не выполнил.

Даша и Костя привезли мне блокнот, я начал сочинять реп для нового альбома. В общем, осваивался в наблюдательной палате. Научился мыть перед сном ноги горячей водой над раковиной, так было легче засыпать. Но просыпался я все равно за пару часов до подъема. Отжимался в комнате. Уже почти белые ночи, можно было редактировать тексты. Один раз Сатана при мне изорвал книгу, я боялся, что он доберется и до моих записей. Всегда держал их рядом.

* * *

Хан Замай приехал в гости и подарил мне книгу застольных бесед с поэтом Уистеном Хью Оденом. Стихов его я не читал, но книга супер. Спасибо тебе Замай, ты лучший человек в репе. Почти такой же великий, как Ваня Смех.

Я меж тем продолжал ходить по коридору и там познакомился с реинкарнацией Достоевского. В этой жизни его тоже зовут Федор, внешне он такой же. Молчалив, вместе книг пишет драм-н-басс и катается на скейте. Много

курил травы, страдает биполярным расстройством, от этого и лечится.

В отделении лежали целых два Агеевых. Один М. Агеев, судя по всему — настоящий. В этот раз Буркевиц, похоже, отказал дать герою «Романа с кокаином» денег и посоветовал ему полежать в Кашенко. М. Агеев ведет себя тихо. Ловит воображаемых мышей в коридоре, потом прячет их по углам. Очень любит курить, стреляет сигареты. Иногда дронит вялый член в туалете. У него бессонница, он много трогает себя за лицо.

Познакомился с интеллигентом Виктором. В это время Костя уже принес мне плеер, на котором были наброски новой макулатуры и последний наш альбом. Я каждый день переслушивал его, потом переходил к наброскам чтобы новый материал сделать на шаг круче старого. Виктору я решился дать послушать песню, было интересно, какотреагирует на «30 лет как мертв». Ему понравилось, он сказал: — Это похоже на группу макулатура, знаешь такую?

Узнав, что я не читал «Маленького принца», Виктор вручил мне книгу. Это, конечно, супер. Прочитал, не отрываясь, несмотря на неусидку.

* * *

Меж тем дело шло к выписке. Я начал ходить на разные кружки и в цех. В цеху мне особенно нравилось. Мы полтора часа рвали синтепон на пух для подушек. Когда руки уставали, я брал блокнотик и записывал туда стих.

Еще была психотерапевтическая группа. Там меня сочли умным.

Раз сходил на танцы. Впервые в жизни попробовал раскрепоститься и потанцевать. Мне предложили сольно поработать, я, конечно, отказался.

Время в дурке идет очень тяжело. Жил от приезда до приезда Даши. Она нашла работу в Петербурге. Переехала жить по соседству с Костей. Сейчас я уже вышел оттуда, дочитываю «Истории обыкновенного безумия». Все хорошо, я пишу альбом и эту книгу. Привет, Артем, дорогой редактор. Надеюсь, ты справишься с этим потоком. Привет, Кирилл, спасибо, что первый это читаешь. Я тебя люблю.

Однако врач мне сказал, что мне опасно резко завязывать с бухлом. Надо понемногу выпивать вечерами, разгружать мозг. А вот курить траву мне запретили строго.

Перед выпиской я перечитал рассказ Буковски «Грандиозная дзен-буддистская свадьба». Разве может быть что-то лучше для больницы?

И тут я обратил внимание на то, как выглядят при свечах уши Дзен-учителя. Свет струился сквозь них, как будто они были сделаны из тончайшей туалетной бумаги.

Человека с такими тонкими ушами, как у Дзен-учителя, я еще никогда не видел. Так вот что сделало его святым! Я должен был заполучить эти уши! Чтобы носить их в бумажнике, приделать коту. Или чтобы держать под подушкой.

7–10 ИЮНЯ

ПЕРЕЧИТАЛ: *Марат Басыров «Чемпионат»*

Я в поезде, перечитываю книгу, как легкий и глуповатый фильм смотрю. Скоро приезжаем в Москву выступать на «Боли».

В последние дни я рано вставал, брал Костин велосипед, выезжал к пустой уже тюрьме Кресты, потом на набережную и катался, чтобы колени мои тренировались и заживали. У меня, кстати, разорван мениск на правом. Вернее, не кстати. Мелкий подонок Сергей Лубган, мой одноклассник, пнул меня в далеком 1995 году, исподтишка, когда нас уже разняла классная учительница. С тех пор правая нога у меня не так хорошо гнется, как левая.

Возвращался после велопрогулки, свежий и довольный, завтракал, писал реп. Принимал свои нейролептики, ходил из угла в угол — побочка, потом много гулял. Занес вот «Чемпионат» в книжный магазин «Все свободны». Вечером Даша возвращалась с работы, она устроилась официанткой в вегетарианское кафе «Троицкий мост», а там самое вкусное соевое мясо в городе. Даша теперь приносит мне поесть.

А вчера мы записывали вокал. Три песни уже готовы начисто и еще два черновика. Костя наконец воодушевился новым альбомом, понял. После записи я показал ребятам одно место, где очень вкусно кормят сыроедскими супами, веганскими воками и буррито — на пересечении Некрасова и Восстания.

Мы разговорились немного с дядей, который эту точку держит. Это просто лавка на улице, готовит он сам. Окрошку заправляет молочком кешью, вместо яиц, само

собой, авокадо. Такой вкусноты я в жизни не ел, сразу становишься сильным и здоровым. Короче, я сказал, что мой друг Костик хотел бы поработать поваром в таком месте. А дядя как раз скоро открывает рестик. Мы болтали про спорт и вегу, я сказал, что спорт пока не хочу, попускаюсь алкоголем, но Костя спортсмен. Дядя записал его номер.

Я бегу по ярко освещенному изумрудному полю и не слышу рева трибун. Маракана, Сан-Сиро, Сантьяго Бернабеу, Ноу Камп. Трудно дышать. Воздух раскален сумасшедшим движением, яростными криками десятков тысяч людей, мегаваттами электрического света, неимоверным желанием, переходящим в страсть. Я бегу под огромным прямоугольником неба, и оно тяжело дышит мне в затылок. Я должен успеть догнать уходящий мяч прежде, чем он пересечет лицевую линию, и человек в черном вскинет над головой желтый флажок. Он уже готов это сделать: его рука, сжимающая древко, дрожит от нетерпения, глаза широко распахнуты, потное раскрасневшееся лицо выражает крайнюю степень отчаяния, как будто это не я, а он догоняет мяч. Все это я замечаю боковым зрением, успевая удивиться мелким деталям, не ускользающим от моего внимания, и в следующее мгновение, сбитый ударом сзади по ногам, лечу вниз, в черную дырявую бездну, под внезапно включившийся оглушительный рев.

Несмотря на то, что это попытка простой книги-бестселлера про футбол, это все-таки важный документ. Книга, из которой потом вырастет один из лучших русских прозаиков десятых годов. Сама книга в жизни Марата много значила. Ему уже было за 30, мы еще с ним не были знакомы. И вот он пишет книгу, которую действительно можно продать, первый потенциальный хит. Ее можно продавать на каждом стадионе во время матчей. Это история про

талантливого футболиста, который получает большой шанс, попадает в большую игру.

Издатели начали перезванивать. Они предлагали Марату поменять концовку или еще как-то опошлить текст. На это он не пошел. Тяжело, первая книга, ты думаешь, что менять ее нельзя. А редакторы, как правило, глупы. В общем, Марат поехал к родителям в Уфу, уговорил отца и мать разменять трехкомнатную квартиру на двухкомнатную и издал книгу сам, тиражом, господи боже мой, пять тысяч экземпляров. Конечно, оформлена она плохо. И вот теперь он писатель с первой книгой, и что дальше?

Эту историю он мне при жизни не рассказал. Только отнекивался, говорил, да хрен с ней, с этой книгой. Он продал немного книг в магазин «Зенита». Несколько сдал в книжные. Очень много раздаривал, даже когда работал установщиком дверей, случалось, вручал книгу клиентам. Думаю, меньше года хватило Марату, чтобы понять, что его афера провалилась. Как же тяжело ему было держать это в сердце — семейную историю своего литературного дебюта, принять, что родители его любят и простили. Сердце Марата было изношено к пятидесяти годам. Я еще буду писать о нем, но не сейчас.

До сих пор часть тиража у семьи Марата. И у меня теперь осело 200 штук. Время 8:50, еще три часа в пути до Москвы. Пока дочитаю книгу. Пока похожу по вагону, хорошо хоть, Казарьян расщедрился на купе.

10–11 ИЮНЯ

НЕ ДОЧИТАЛ: *Массимо Пильюччи «Как быть стойком. Античная философия и современная жизнь»*

Прочитал про Пильюччи в паблике Вани Аксенова «Вершки и корешки», подумал, что пиздатая. Но это плохой научпоп, даже фрагмент не хочется приводить. Отдал книгу подруге Свете. Меж тем отыграл 2 концерта и вот уже двенадцатое число. Я сейчас на кухне у Игоря Поплаухина, это режиссер, с которым через год у нас дебют.

Игорь меж тем с короткометражкой, которая называется так же, как эта книга — «Календарь», скатался в Канн и на «Кинотавр». Продюсеры выстроились в очередь на наш фильм. Надо найти подходящий хуй и сесть на него. Вчера после фестиваля «Боль» приехали к Игорю с Дашей. Он как черный маг красиво сжег нашу бумажку — свидетельство о расторжении брака. Теперь Даша моя жена навсегда

Вчера созвонился с папой. Договорились, что на ДР я прилечу в Кемерово, и у нас будет настоящий сплав по реке. Вот это будет здорово!

12–18 ИЮНЯ

НЕ ДОЧИТАЛ: Дж.Д. Сэлинджер *«Над пропастью во ржи»*, Томас Манн *«Доктор Фаустус»*, Жорж Батай *«Ненависть к поэзии»*

Купил себе укулеле. Планировал потратить на него две тысячи, но потратил три восемьсот. Начал просто бренчать по струнам. У меня план такой был — за год научиться играть на басу. Но решил я для начала купить себе укулеле.

Пытался перечитать «Над пропастью во ржи». Как же много дал мне Сэлинджер, странное дело. Можно сказать, его стилем написаны несколько моих повестей, но конечно там нет подтекста из военного опыта, поэтому моя писанина такая поверхностная. Если бы я несколько лет провоевал на морозе, потом остался служить в контрразведке, раскалывать фашистов, если бы вынашивал текст на второй мировой и допилил его на гражданке, это был бы тоже хит. Но все не так, спасибо, господа, уберег.

Я слишком хорошо помню книгу, хоть и читал последний раз девять лет назад. Надо будет почитать в оригинале.

Каждый день занимаюсь укулеле хотя бы по часу, но пока только пару аккордов выучил. Тренируюсь правильно бренчать, извлекать из струн музыку, которую слышу внутри. А вы как бы делали?

Томаса Манна мне дала девушка, с которой я позанимался вокалом. Сказала, что так быстро петь меня не научить. Слух у меня нормальный, но я так долго стеснялся пения, что теперь раскрыться за неделю, чтобы исполнить один припев, — невозможно. В благодарность за бесплатный урок вокала я хотел прочесть подаренную книгу, но ей

богу, не могу читать Манна. Еще в школе пытался, потом на филфаке. Не получается никак.

Сегодня восемнадцатое. Мечтал в этот день — день, когда я допишу последний реп-текст для альбома, — взять книгу Уэльбека, приехать на Крестовский остров без телефона и там ее прочитать. Но погода плохая, а мой заказ в «Буквоеде» до сих пор не прибыл на точку рядом с домом.

Почитываю Жоржа Батая. Унылая порнушка, что я могу сказать. Не очень меня эти фантазии трогают, хотя член встает.

Скоро придет Сережа заниматься со мной на басу. Да, у меня лежит бас Феликса Бондарева. Я решил, что одновременно могу брать и на нем уроки. Но и укулеле не забрасываю, когда Феликс заберет бас, надо же будет что-то делать.

Такие дни. Костя все еще в Москве. Нихуя не присылает, никакого репа. Я боюсь, что он продинамит. Хотя обычно он всегда проебывает пару дедлайнов, а потом Выдает Шедевры. В последний момент. У Даши все хорошо. Денег мало что-то совсем. Жду зарплату с фестиваля «Боль», а она не приходит, обещают, в течение двух дней.

19–20 ИЮНЯ

ПЕРЕЧИТАЛ: *Мишель Уэльбек «Расширение пространства борьбы»*

У меня выходные — от дел, от репа. Вчера, 19-го июня, забрал заказ из «Буквоеда», вот эти три книги: «Расширение пространства борьбы», «Фактотум» и книгу для Даши «Радостная мудрость» какого-то непальского просветленного.

В первый читал очень мало, больше радовался, что наконец у меня есть Уэльбек на бумаге. Хоть и дерьмовое издание «Азбуки», но все же, если забыть про обложку и открыть книгу, сразу кайф и боль. Дорогой Уэльбек, спасибо тебе (вам), это вообще один из моих любимых текстов. Я не учу французский только потому, что боюсь совсем спятить, надо уметь фильтровать чужую речь. Но эту книгу я обязательно перепечатаю в оригинале, чтобы сильнее ее чувствовать.

Вчитался только ближе к вечеру. До этого сходил к Сереже, моему приятелю, он живет через реку, дает мне уроки на басу. Ну какие это уроки, мы просто в кайф насиливаем инструменты. Еще у него дома есть сделанный его отцом, физиком-ядерщиком, контрабас. Это лучший выходной. Днем музыка, вечером Уэльбек.

Только до этого зашел еще к Максиму Тесли распечатать новый роман Антона Секисова. Мы пронумеровали эту махину — 121 страница 10 шрифтом. Секси просит помочь редакторски, может быть, там лишняя линия или что-то в этом роде. Поэтому было бы неплохо опередить других внимательных читателей, чтобы в очередной раз завоевать любовь Секси. С первой книгой мы отлично

вместе поработали, а вторую я пустил на самотек, и теперь жалею, что не вычитывал ее сам.

Но сперва Уэльбек, выходные с ним. Впитаю его поэтическую силу и буду читать Секси.

И вот вы уже далеко от берега; о, как вы далеко от берега! Долгое время вы верили, будто существует другой берег; теперь уже не верите. Но все же продолжаете плыть, и каждое движение приближает вас к гибели. Вы задыхаетесь, у вас болят легкие. Вода кажется все более холодной, а главное, все более соленой. Вы уже не столь молоды. Скоро вы умрете. Но это не страшно. Я с вами. И я вас не брошу. Читайте дальше. И вспомните еще раз, как вы вступили в пространство борьбы.

А следующий абзац я выучил наизусть десять лет назад, до сих пор помню почти дословно:

Последующие страницы представляют собой роман; то есть некую цепь событий, героем которых являюсь я сам. Но я не ставил себе цель рассказать собственную биографию; просто у меня нет другого выхода. Если я не буду писать о том, что видел, мои страдания не утихнут, а может быть и станут немного сильнее. Да, лишь немного, я настаиваю на этом. Писание не приносит большого облегчения. Оно придает очертания, оно выделяет смысл. Оно сообщает всему некое подобие связанности. Вы все еще бредете в кровавом тумане, но уже различаете какие-то ориентиры. Хаос отодвигается от вас на несколько метров. Не слишком-то большой успех, по правде говоря.

Сегодня приехал Костя из Москвы. Немного поговорили про альбом, и я ушел гулять с книгой. Сейчас съем веганский Том Ям и дочитаю до конца. Еще надо зайти

на студию, забрать свое укулеле. Забыл там, когда записывал вокал. Хорошие дни. Скоро вся моя работа на новом альбоме макулатуры будет закончена. Смогу писать сценарий или роман, плотно погрузиться в персональное творчество. От коллективного подустал.

* * *

Десять лет назад мы с Михаилом Енотовым ходили на встречу с Уэльбеком. Думали, что будет показ его фильма «Возможность острова», но в итоге попали лишь на обсуждение фильма, показанного за день до этой встречи. Нам дали неверную информацию, но что было поделать. Не фильм (который я так и не посмотрел), так хоть сам Уэльбек. Вот он сидит, великий поэт и романист, курит электрическую сигарету, растерянный, по-своему красивый, трагический, как самая умная подопытная крыса.

Я перед этим прочитал интервью, которое пьяные Уэльбек и Бегбедер давали русской журналистке.

В нем журналистка спрашивает:

— Кто лучший писатель Франции?

Бегбедер говорит:

— Мишель, конечно, кто же еще?

Уэльбек скромно соглашается

— Да, похоже, что я.

На этой встрече я задал какой-то неловкий вопрос, не помню уже, что именно, но получил хороший вразумительный ответ. Уэльбек выпадал из сна. Самое трогательное, что он рассказал — как отказался от карьеры ученого, от судьбы своего персонажа Мишеля Дзержински.

Обсуждение закончилось, и я подошел к переводчице. Попросил через нее Уэльбека подписать мне экземпляр «Элементарных частиц» так: «Лучшему писателю России

от лучшего писателя Франции». Переводчица передала мое пожелание Уэльбеку, на что тот очень смутился и сказал: — Могу оставить только первую часть.

Он подписал книгу «Лучшему писателю России».

Мне было неловко, я хотел по-английски ему объяснить, что в интервью он говорил о себе так, что это не мой вольный выебон, но постеснялся болтать об этом при переводчице. У меня вообще мало практики, я не мог так сходу начать говорить с своим русским акцентом. Поэтому я сказал свое good и вышел из жидкой очереди поклонников великого таланта.

Книга была теперь была слишком ценной и жгла руки. Я в тот же вечер подарил ее своей знакомой, а вместе с книгой отдал титул. Галя, надеюсь, ты хорошо пишешь с тех пор. Ты лучший писатель России по версии Уэльбека от октября 2008 года.

* * *

Только что дочитал книгу. Немного волнуюсь — завтра в 11 утра у меня встреча по поводу клипа, который я должен поставить и снять как видеооператор. Это для группы, которая подписана на Мишином лейбле. Группа называется «Почти счастье». Я кажусь себе шарлатаном, когда меня зовут что-то снимать за деньги. Занижаю цену, ухожу от ответственности. Сначала соглашаюсь, потом сливаюсь. Гордыня что ли? Почему просто не заработать денег, это ведь тоже самое, что двери установить или стену покрасить. Но нет. Как будто творческая работа не может быть оплачена нормально. Есть какой-то комплекс у меня, какая-то хуйня, мешающая мне. Но если я собираюсь размножиться, надо продавливать.

Ладно. Я могу назначить себе цену за трудодень. У меня есть хорошая камера и несколько объективов. Надо сесть

с ребятами из группы, поговорить, понять, что я могу сделать. Саша Дронова идет со мной, она будет моей помощницей на проекте. Есть бюджет — сто тысяч рублей. Надо понять, сколько денег мы возьмем за работу, а сколько потратим.

С другой стороны, я мог бы этого и не делать. Деньги будут и так. Но хочется дать себе пощечину. Просто поработать не на своем проекте.

Прочитанная и уже немного изношенная книга в мягкой обложке лежит слева от ноутбука. Какая-то дурацкая фотография на обложке, лица молодых мужчины и женщины, их голые плечи и ключицы. Он смотрит одним глазом (второй спрятан за лицом женщины), она прикрыла глаза. Интересно, попал ли Уэльбек сам (как позже я — в первый раз) в психушку в возрасте тридцати одного года или только отправил туда героя книги? Такое ощущение, что он там побывал сам. Но не хочется проверять, какая, в сущности, разница.

22–26 ИЮНЯ

ПРОЧИТАЛ: Антон Секисов «Фрезер»

У меня разрядился айпод в вегетарианском кафе, где я покупаю свои любимые чечевичные котлеты. И я вынужден был слышать, что люди говорят между собой. Разговор был в точности вот такой:

— Ребята, мы же веганы?

— Да, мы веганы.

— Мы же все здесь веганы?

— Да, мы все здесь веганы.

— А что насчет тебя, ты веган?

— Нет, я ем яйца.

— Почему? Ведь яйца — продукт животного происхождения.

— Я понимаю, но мне очень нравится их вкус.

— Нет, веганы не должны есть яйца, ты понял меня?

— Да, я понял, не буду их есть.

Я делаю следующий вывод: сценаристы моего «Шоу Трумана» в последнее время стали халтурить. Они знают, что я все равно не слушаю людей, и начали экономить на диалогах второстепенных персонажей. У вас такое бывало тоже, да? Как будто люди специально, когда вы оказываетесь рядом с ними, меняют тему? Они все знают вас, они все в сговоре против вас, но вам никогда не раскрыть этот заговор, понимаете? Вот что я хочу сказать. Происходит что-то, что выше нашего понимания. Каждую минуту.

Мне тяжело далось чтение книги Секси, но вчера я ее отложил, поспал ночь с этими впечатлениями, проснулся и полюбил ее. Там пока еще много мелких правок нужно

вносить, но это хорошая книга. Про несмешного стендап-комика, у которого происходит влюбленность, и в следствии или параллельно этому едет крыша.

Очень переживал последние дни. Кажется, я подвел Мишу. Слишком много у меня дел на июнь запланировано:

- доделать сценарий для Олега ЛСП, сняться в этой короткометражке;
- доделать альбом макулатуры;
- дописать книгу «Календарь», которую вы, скорее всего, сейчас держите в руках;
- плотно взяться за книгу «Рутин», которая выйдет в следующем году;
- попасть в Кемерово, желательно успеть на день рождения бабушки. Повидаться с родственниками;
- с папой отправиться на пару дней в сплав по реке;
- снять клип для группы «Почти счастье», которая подписана на лейбле Миши.

Все складывалось, кроме клипа. Я написал сценарий, который всем понравился. Там участники группы должны были ехать на запорожце в лес, потом сжигать запорожец вместе с пьяными девчонками, уложенными на заднем сиденье, еще до этого в маленьких гробах похоронив фотографии своих кумиров. Песня называется «Будущий дом», и там есть такая строка:

Мой следующий дом — это будущий гроб

Собственно, из этой строки весь сценарий и написался. Но одно дело убедить всех, что ты можешь сделать круто, другое — столкновение с реальностью. Для начала надо было изготовить гробы. Я написал объявление в своем паблике, что ищу плотника. Нашелся парень с лобзиком и досками, он пришел ко мне в гости. Мы за полдня изготовили гробы тридцати сантиметров в длину. Гробы были такие ужасные, что у меня случился приступ паники. Сказал, что дальше сам с ними разберусь. Парень

понял, что я недоволен и хочу, чтобы он ушел. Я предложил заплатить ему денег, хотя бы косарь. Он отказался, сказал, что достаточно вписки на мой следующий концерт. Вдогонку подарил ему три книги.

Мне уже было известно, что я не сниму этот клип. Надо вычеркнуть это дело. Я два дня мучился, не знал, как объяснить Мише и ребятам, что вынужден слиться. Вроде запорожец еще не куплен, деньги пока не потрачены. Так давай, Женя, не делай то, чего не хочешь. Но не мог.

Даже пожалел, что так рано вышел из дурки. Зачем я вызвался снимать этот клип? Решил продать камеру и купить камеру подешевле. Деньги нужны, это да. Но не настолько, чтобы браться за дела, которые все равно не смогу сделать. Ведь столько фильмов про это сняли, про то, как люди делают лишнего и им становится плохо.

Короче, пока не закончу с лекарствами и не схожу к психиатру, не буду ничего режиссировать. А то закончу, как герой романа Секси «Фрезер».

28 ИЮНЯ

ПЕРЕЧИТАЛ: *Чарльз Буковский «Фактотум»*

Не понимаю людей, которым эта книга не нравится. В ней описывается больше неквалифицированных работ и подработок, чем в остальных книгах Буковского, да еще основная часть происходит во время Второй мировой, поэтому для меня это — один из главных романов XX века. К тому же намечалась небольшая депрессия из-за того, что я соскочил с клипа и подвел Мишу, но «Фактотум» целиком меня излечил. Кроме того, вечером была большая распродажа книг «Ил-music» в заведении «Ионотека», и я очень стеснялся — надо было выходить на прямой контакт с публикой. Но, прочитав «Фактотум», вспомнив все собственные работы и подработки, опять загорелся желанием поскорее дописать «Календарь» и взяться за собственный подобный роман «Рутина», в котором будут описаны восемь лет моей жизни и в районе двадцати работ и подработок. Ну и перестал волноваться. Подумаешь, нужно будет пообщаться с моими читателями, ну кто-то задаст тупые вопросы, кто-то задаст нормальные вопросы, как-нибудь поговорим. Будет человек тридцать-сорок, вряд ли намного больше.

На книгу у меня ушло утро и небольшая часть дня. Даша ушла, оставшись один, я сразу взялся за чтение. По двадцать-тридцать минут удавалось читать, лежа на матрасе, но потом побочки от лекарств заставляли меня вставать и ходить с книгой по комнате или кухне. По временам я себя останавливал, специально, откладывал книгу и просто ходил из угла в угол, чтобы не прочитать ее скорее, чем надо. Я запланировал собрать сумку книг и вызвать такси в 17:25, чтобы в 18:00 быть в клубе.

День по-настоящему знойный выдался. В такси я задремал. В «Ионотеке» никого не было, кроме звукорежиссера. Я вышел на крыльцо и увидел Поэта Без Усов, который ехал на скейте. Мы вместе стащили стол со второго этажа. Тут и пришел Максим Тесли, у него тоже была сумка книг, а еще вино. Он распечатал ценники и теперь вырезал их ножницами — великий бюрократ, недаром юристом отработал несколько лет. Начали приходить первые люди. Мы сделали платный вход, зато цену на книги существенно снизили. Люди шли целенаправленно закупаться книгами, первый же пришедший, купил чуть ли не все наименования. Увидев это, я расслабился. Неужели удастся протянуть до конца июля, спокойно писать и доделывать альбом.

Я сам встал на входе, собирал деньги и ставил печати на руки. Пришел Костя и принес еще вина. Я боялся, что он напьется и не допишет реп, он очень любит находить случайные оправдания тому, что не сделал что-то важное. А он уже проебал один дедлайн. Пришли ребята из группы «Почти счастье», было немного неловко, но я все равно не буду снимать им клип. Пришел Леха Никонов и его друг, театральный режиссер Венсан. Венсан предложил угостить меня сидром, но я показал, что уже пью вино. Пришла и Даша.

Настало время взять микрофон и отвечать на вопросы. Начал я очень сбивчиво, как обычно. Но потом дело пошло, кто-то даже смеялся. Я рассказал, как мы начали издавать книги, о первой своей книге, которая вышла в «Эксмо», и как после этого не хотелось связываться с большими издательствами. Давал даже какие-то советы начинающим писателям.

Потом выпили с Дашей пару коктейлей и начали немного ругаться, припоминая друг другу косяки и измены. Честно говоря, я скорее даже получаю удовольствие от таких перепалок. Они показывают, что в нашем браке

еще есть жизнь. Потом мы ехали в такси, держась за руки. Однако дома я быстро уснул, пока Даша была в душе. С утра встал рано, хотелось поскорее написать эту главу, — и обнаружил на кухне Максима Тесли — тот тоже поругался со своей бабой. Он проснулся, посмотрел на меня и спросил:

— Есть что-то холодное попить?

Я открыл холодильник и увидел коробку сока. Максим присосался к коробке и через минуту опять уснул. Такое утро. Сегодня уже 29 июня, и Костя должен дописать оставшиеся три песни. Посмотрим, какие у него будут отговорки, я пока видел только один текст из этих трех.

30 ИЮНЯ — 2 ИЮЛЯ

НЕ ДОЧИТАЛ: *Александр Бренер «Ка, или тайные, но истинные истории искусства»*

Это первая книга, которую издали «Все свободны», моем любимом книжном магазине, который теперь превращается в издательство. Они, Люба и Артем подарили мне книгу Бренера. Ребята искренне считают Бренера гением, большим художником и писателем. Я же ничего о нем не знал, пока не открыл книгу. Прочитал несколько верлибристых историй, наполовину состоящих из цитат и отсылок ко всяким великим людям и старым-добрым временам, когда на земле жили боги. Немного о себе автор тоже рассказал, например, что он пытался расплющить свое яйцо и обмазывался говном — так он расширял свои границы в творчестве, так он протестовал против скучных лекций об искусстве.

Написано хорошо. Есть хороший рассказ, например, про блаженную художницу с обветренным лицом, которая кончила от поцелуя, а потом отдрочила Бренеру (однако, бедный автор уточняет, что он тогда еще не был под каблуком, я ебал такие ремарки). Хороший текст о том, как Бренер с женщиной (то есть уже под каблуком) заехал как-то пожить на море в гостях у европейского мецената, пообещал написать картину для него в подарок, но в итоге не написал и по-тихому свалил, когда мецената и его жены не было дома. Описал Бренер стареющего мецената и его жену не очень лестно.

Адвокат Папалардо заметил:
— *Здесь можно купаться без плавок.*

Он скинул с себя шелковую рубашу, шорты — и оказался гол, как сатир на вазе.

Его член свисал до самых колен — фиолетовый, глянцевоый.

Сеньора Розанна красовалась в узеньких трусиках.

Сиськи у нее спускались до пупа.

— Не стесняйтесь, — сказала она.

Но я все же остался в трусах — плавок у меня не было.

Варвара решила купаться нагишом.

Я вошел в море, дымясь от перегрева.

Волна лизнула меня, как горячий язык какого-то храмобегемота.

Но в нижних слоях вода была целительно-бодрящей.

Когда я вернулся на берег, сеньор Папалардо лежал на песке, и его член медленно распрямлялся.

Это был уже не пенис, а целая мачта, косо встававшая над судном.

Сеньора Розанна взялась за мачту рукой в золотых браслетах.

— Не смотрите, — сказала она, ухмыляясь.

— Ну и за что вы его так полюбили? Ну пишет хорошо вроде. Но он же зихер, — спросил я у Артема.

Мне пришлось объяснить, кто такой зихер, да-да, тот самый человек, который проживет у тебя, съест запасы из холодильника, обтрахает лучшие места твоего дома, а картину в итоге так и не напишет.

— Ну, Бренер, как и все гении, человек сложный, — ответил Артем. И сказал, что есть признаки того, что он по-настоящему великий.

В общем, я опять услышал то, с чего начал. Наверное, не самая подходящая книга для этих дождливых дней. У Даши была задержка, и я ходил уверенный, что она беременна моей дочерью. Потому что Даша сказала, что хочет сына. Значит я хочу дочь, сказал я и поверил, в то,

что мое хотение моделируют реальность. Вечером, когда Россия выиграла в футбол у Испании, мы встретились с музыкантами из группы «Пасош». По всем улицам шел дикий праздник, люди выскакивали на проезжую часть, водители радостно сигналили в ответ, дураки и умные люди размахивали флагами, незнакомцы обнимались, пьяницы падали под ноги.

— Россия, так мы назовем свою дочь! — орал я товарищам, глотая пиво и шоты.

— Как звучит, а? — не унимался я, — Россия Евгеньевна! Россия Алехина! Все ее запомнят под таким именем. Сейчас они поставят немного более либерального президента, за его срок мы поймем, что это не наш путь, что мы проебываем национальную идею, и потом, когда настанет время, когда у штурвала будет новый тиран, о ребята, за не-го-то я и выдам замуж свою дочь!

— Но тогда ей придется сменить фамилию, — ответил мне кто-то.

— А насрать! Запомнят ее под нашей фамилией, она к тому времени уже прославится! — уверенно отвечал я. — Успеет снять фильмов или в спорте сделает что-то, или в музыке карьеру, а может и все сразу. К двадцати годам уже будет великой малышкой!

* * *

На следующий день приехал режиссер Петя из Минска. Мы допиливали сценарий для Олега ЛСП и гуляли по городу. Вдвоем редактировать диалоги одно удовольствие: читаешь вслух и сразу видишь, где что плохо. Я сводил Петю на пересечение Некрасова и Восстания, мы поели: веганской окрошки (он) и суп том ям (я). К вечеру решили сделать перерыв в работе, разошлись. Я сделал круг

по центру города, собрался домой. Начался дождь, а еще проснулось похмелье и с ним — панические атаки.

Надо зайти в бар «Буковски» опохмелиться и переждать дождь.

Но я же не могу зайти в этот бар.

Я ведь удалил улицу Моховую с собственной карты.

И я действительно не узнавал Моховую.

Вроде бы тут я съел кучу веганских хот-догов.

Кружок с логотипом и названием все не появлялся.

Но вот я оказался перед баром.

А вдруг там сегодня работает лже-Даша, девчонка, в которую я хотел влюбиться, и которая меня раскусила и слила?

Я увидел за стеклом двери Машу, нет, лже-Даша сегодня не работает, толкнул дверь и зашел в «Буковски». Здорово было бы написать биографию Буковски в ЖЗЛ, подумал я, как только опохмелился и спасся от паники. В голове и животе стало очень хорошо, спокойно, я вспомнил, что всегда так сижу с пивом в каком-то месте, а остальные события мимолетны. Сразу привел для себя кучу доказательств, что я должен писать эту биографию: у меня было много разных работ, я несколько раз читал его книги, и, если надо, могу в США скататься. В этом году в Европе побываю, а потом поеду в Америку, к своему другу Папе Стилю в гости. Короче, обычный мой бред, начал мечтать.

Выпил пива, потом воды, потом опять пива. Нашел зонтик у себя в рюкзаке. А потом поспешил домой, ведь там меня ждала любимая Даша, которая, как я был уверен, была беременна девочкой по имени Россия.

Хотя я буду одинаково рад как ее беременности, так и месячным. Ребенок, пока сам не захочет, не родится, вот, что я думаю.

4 ИЮЛЯ

ПЕРЕЧИТАЛ: Дмитрий Данилов «Черный и зеленый»

Не книгу, а только заглавную повесть. Начал читать перед поездкой к урологу, Даша еще спала. Понял, что еще не хочу завтракать и вместо того, чтобы заварить гречневые хлопья, раскрыл эту книгу. Потом еще в метро открыл ее, даже пожалел, что путь такой близкий.

Дмитрий Данилов идеально для меня описывает трудовой опыт, минуя местоимение «я». Сначала герой пишет новостные обзоры в московском офисе, потом пытается торговать открытками. С открытками ничего не выходит, и на самый крайний случай у него припасено объявление — продавать чай вразнос. Неожиданно получается хорошо, удается заработать денег, разъезжая по Подмосковию. Работа не так плоха, как кажется на первый взгляд. Как говорит аннотация, все это увидено «глазами российского буддиста».

Как-то безнадежно. Посылают, фактически. От станции вбок отходит дорога под тупым углом, как везде в России, станция и дорога вбок, в центр города, пошел. Дорога сначала шла между деревьями, а потом справа возникло здание ателье. В ателье множество женщин, баб, девок, они занимаются пошивом. Грохот и стрекот пошивочных машин. Цейлонский чай. Заинтересовались. Говорят, вот стол, выставляйте, мы щас подойдем. Выставил рядом красивые пачечки. Швеи сбежались. Спрашивают, просят проконсультировать. Это вот крупнолистовой, гораздо лучше, чем мелкий, а мы привыкли мелкий, он ведь лучше заваривается, нет, заварка не должна быть черной, она

должна быть такого знаете янтарного оттенка, а мы привыкли чтоб потемней, чтоб кипятком разбавлять и чтоб на завтра еще осталось, это не совсем правильно, но вот есть и резаный лист, он как раз так заваривается, как вы говорите, да а почему? вот эти по тринадцать, а эти по пятнадцать, а крупнолистовой он хороший? конечно, вы попробуйте вот этот вот, маброк, вы в чайник много не кладите, а немножко, и не разбавляйте потом водой, это все в тех распечатках про чай было написано, которые выдали в подвале, а в пакетиках есть, конечно, вот в пакетиках, здесь сто штук, двадцать тысяч, пожалуйста, а это вот с бергамотом, с чем с чем, с бергамотом, земляная груша, такой ароматизатор вот понюхайте, запах чувствуете, ой как пахнет хорошо, это такой чай, да чай такой, ароматизированный, ахмад, английская фирма, высококачественный черный чай, ароматизированный бергамотом, обладает тонизирующим действием, что-то дорого у вас, ну так это же ведь очень качественный чай, такой в магазине вы не купите, нет, хороший конечно, а вот этот у вас почему, пятнадцать, а за десять не уступите, да вы понимаете, у него отпускная цена больше, я в убыток не могу же, резко потеряли интерес, разбрелись по рабочим местам. Застрекотало, загремело. Одна пожилая швея говорит, дайте мне вот эту пачку, возьму попробую, я чай люблю, дал, взял деньги. Первая продажа.

Так я добрался до уролога. Сперва заполнил типовой договор, потом надел бахилы и зашел в кабинет. Что беспокоит? — спросил врач. Говорю, что сдал недавно контрольный анализ, у меня нет венерических болезней, уреаплазму вылечил, но хотел бы проверить все ли у меня в порядке с простатой. Нет ли какого-то гноя в ее соке. Так есть, какие-то жалобы? — спрашивает врач. Нормальный попался врач, Максим Тесли мне его посоветовал.

— У меня иногда болит простата, но это, скорее всего, из-за позвоночника. Мне бы просто хотелось убедиться, что со мной все в порядке.

— Да, так бывает, — ответил врач.

Он велел мне раздеться по пояс — снизу. Разделся, зашел в туалет при кабинете, поссал в баночку. Вышел, встал на четвереньки на кушетку. Доктор засунул палец мне в зад, и начал давить на простату. Процедура очень неприятная, слезы из глаз брызнули.

— Потерпите. Вот так.

Врач сказал, что проконсультирует меня по телефону в пятницу, чтобы я не платил за повторную консультацию. Вот такой молодец, вот так он привлекает клиентов, такими щедрыми жестами. Я оплатил первичный прием и анализы — вышло 2670 рублей. Не так уж и много, чтобы успокоиться и не переживать, что у тебя простатит. Вечером анализы уже придут на почту, сказали мне. Хорошо, ответил я и пошел прогуляться. Хотелось где-то присесть и почитать книгу, я зашел в парк. Но солнце было слишком яркое.

У меня был свободный час, договорились встретиться с Гузером, вокалистом группы «Почти счастье», чтобы помочь ему дописать сценарий для клипа. Но тот не выходил на связь.

Зашел в торговый центр, думая украсть для себя какую-нибудь шмотку. Померил джинсовку в Pull&Bear, но на мне она не очень смотрелась. Поэтому я посидел в интернете, а потом пошел есть фалафель на сенном рынке. Какой же вкусный это был фалафель! Дальше был обычный день, описывать его не очень хочется.

5 ИЮЛЯ

ПРОЧИТАЛ: *Ладислав Клима «Что будет после смерти»*

Гулял, встретился с Гузером и Степаном из «Почти счастья». Вместе придумали сценарий для клипа. Я пообещал его расписать, но покривил душой. Хочу, чтобы они сами мне написали: Женя, когда будет сценарий? — на что я отвечаю: мы же его вместе придумали, распишите сами. А я уже внесу финальные правки. Пока погода была солнечная, решил пройтись вдоль по набережной.

Даша написала: «России пока не будет». Ну да, потопился я со своими слабоумными шутками. Если чувствовал, что она беременна, надо было ходить и молчать, ждать подтверждения, не проебывать волшебство. Я же вместо этого идиотствовал, орал:

— Россия Алехина! Великая малышка! Жена тирана!

Вот великая малышка и передумала появляться на свет. Я ответил Даше, что ничего страшного. Зато мы можем поехать, например, на целый зимний сезон в Индию. Там, на море, попробовать зачать.

Вернувшись домой, попросил у Кости почитать какую-нибудь небольшую книгу, чтобы можно было расправиться за один вечер. Он вручил мне Жана Кокто «Вокруг света за 80 дней» и Ладислава Климу «Что будет после смерти». Я выбрал второго, прочитав в Википедии, что этот писатель и философ «под влиянием своих философских позиций демонстративно злоупотреблял алкоголем». Немного настораживало, что книга вышла в Kolonna Publications, однако ничего гейского в ее содержании я не обнаружил.

Шел дождь, Даша досматривала «Молодого папу» в наушниках, а я читал. Хорошо было так проводить вторую

половину дня. Первая повесть, несмотря на небольшой объем, казалась затянутой. Автора в общем-то мало что интересовало, только смерть и лишь немного — страсть.

Но вот рассказы, которые шли далее, меня очень впечатлили. «Что будет после смерти» и «Подлинное происшествие, случившееся в Постмортalii». Это и смешно, и жутковато и удивительно метко попадает в мое собственное состояние между сном и явью, бредовый отходняк.

Я решил выписать абзац из последнего рассказа.

Это заставило его повернуться. И в полусне возникали следующие мысли: «Интересно, что будет сегодня на обед? Эх, все равно он будет говеный! Господи, неужели снова придется жрать это дерьмо. Э, какая разница? Однажды я прыгнул с забора на живот две недели назад подошедшему псу, он сблевал, я попробовал — ей-богу, это было вкуснее, чем сготовленное ею говно. Тогда она еще ходила — чертова жопа! Я совершенно забыл, что она уже два месяца подыхает, и готовлю я сам! Я жил как пан Броучек в прошлые времена — у меня больше прав, чем у него, потому что «эмпирическая действительность» не существует и только идея и иллюзии реальны. Когда же она, наконец, сдохнет? Вчера — черт побери! Ура!

Завтра нам надо закончить вокал. Костя взял вина и обещает дописать последний текст. Третий раз он проебывается и сдвигает дедлайн. Похоже, макулатуру надо распускать после этого альбома. Парню совсем в тягость писать реп, если бы я не суетился, он бы давно бросил это занятие.

7–8 ИЮЛЯ

ПРОЧИТАЛ: *Эдуард Лимонов «Дневник неудачника»*

Как-то все не срасталось с этой книгой. Я был большим фанатом «Истории его слуги», читал трижды, а «Дневник неудачника» почти копирует ее фабулу, поэтому каждый раз откладывал, хотелось сперва забыть первое, чтобы почувствовать второе. Вот и прошло шесть лет, как я читал «Историю», время настало.

Сейчас, в эти дни, такая появилась во мне тоска по молодому Лимонову, по его вере в свой литературный талант, что я взял с костинной полки книгу да и прочитал серединой одного дня и утром второго. Хотелось пойти гулять, носить с собой ее — секретную тетрадь — постоянно заглядывать в витрины, любоваться собой и мечтать о своем дебютном романе.

Я понял, что допишу его в день своего рождения, 20 июля. Уже знаю, какую книгу буду перечитывать в этот грустный праздник. Первую книгу из детства, до которой ни одной книги не было дочитано.

А сейчас мне нужно было сперва спиздить что-то из одежды, чтобы было кем любоваться в витринах — обновленным мной. Надо было сделаться красивым.

А деньги мои почти кончились, и чтобы прожить до концертов, придется, по-видимому, брать в долг или совсем затянуть пояс.

В общем, пора освежающего пиздинга.

Я взял складной ножик и пошел на дело. Вот она висела, моя джинсовка. Черная, вареная, идеальная. Вообще я ношу куртки размера М, иногда L, но на этот раз мне лучше сел на плечи XL. Немного была широковата в поясице,

но я застегнул на другие пуговички, подзатянул ее, и все стало идеально. В примерочной отковырял ножиком бипер, надел под ветровку, скинул бипер в зале и пошел к воротам.

Этот момент наиболее любимый и освежающий. Когда кажется, что ты сделал что-то не так, все вокруг замедляется, ясно видишь себя и свои делишки, проходишь через ворота — выходишь из магазина — опять пронесло.

Хороший же день. Обновленный, посидел, почитал на лавочке. Не Нью-Йорк, а Петербург, но все же хороший мой город. Потом зашел в китайскую жральню, просадил двести рублей на роскошный обед из риса и трех дополнительных блюд. Вот и на пару лишь дней денег осталось. Но ничего, сегодня вечером матч — Максим Тесли позвал смотреть футбол и пить пиво за его счет.

А пока у меня есть еще немного на сидр. И вот я уже сижу, пью его возле торгового центра. Тут идет мой друг поэт Леха Никонов с девчонкой.

— Ого, — говорит, — привет. Какая красивая у тебя куртка!

— Спасибо, я ее только что украл.

И как же я радуюсь, рассказывая ему в подробностях технологию магазинных краж. Леха только глаза округлил, а его девчонка, молодая, кивает, да говорит, все верно, так это и делается. Я прощаюсь с ними и иду в бар.

* * *

Праздники — это не мое, вот что я понял. Есть несколько человек, с которыми весело и хорошо провести время. Желательно три человека, один из которых я. Есть возможность раскрыться в беседе, поболтать, послушать, выпасть из беседы, оставив диалог двоим друзьям. Но когда целый бар кричит, радуется забитому голу, обнимается,

бьет в стену, когда гол пропущен, разрисовывает лица русским флагом, соскакивает с мест, пляшет, роняет стаканы, при этом еще моя девчонка неожиданно становится футбольной фанаткой, и я вижу ее это поверхностное веселье, и мне как-то не по себе.

Хочется домой, к тихой музыке, книге, размеренной беседе. В этом бедламе открываю «Дневник неудачника», пьяными глазами вчитываюсь, спасаюсь:

Нервный палеонтолог, специалист по ихтиозаврам, ушел по-английски из подвальной квартиры в Гринвич-Вилледж с большого и смутного парти. Я уходил тоже, мы прошли с ним один блок домов вместе, и вот что он говорил:

— Я люблю такую рыбину, чтобы в пасть ее можно было войти, не сгибаясь, и идти по желудку, как по коридору министерства иностранных дел. Чтобы, если вы идете с дамой, не было бы неудобств и не пришлось бы хвататься за стены. Просторность — это мое первое требование к рыбе. С последними словами палеонтолог вскочил в подъехавшее такси и умчался от меня навсегда.

И вот я в этом шуме бара НорHead, пьяный после трех кружек пива, пихаю Даше этот текст. Она считает меня занудой, не понимает, почему я не могу радоваться вместе со страной, орать «Гооооол» и «Ураааааа».

Не понимаю я спорта, вот и все. Тычу пальцем в книгу: вот это я понимаю.

9–10 ИЮЛЯ

ПРОЧИТАЛ НАПОЛОВИНУ: *«Девид Линч. Интервью: Беседы с Крисом Родли»*

Поехал к Вове Седых доделывать обложку к альбому. Он сейчас живет как старик, на даче. Объяснил мне, что нужно приехать на «Парнас», там сесть на маршрутку, сорок минут или дольше ехать, и он меня встретит. Я вышел к туалетам, как он и велел. Но это оказалась не та сторона, не те туалеты. У меня хорошее зрение, увидел маршрутку с другой стороны — побежал, но не успел. Пришлось ждать полчаса. Написано было, что продают фалафель, зашел, нет фалафеля. Съел картофельную шаверму.

Вот приехала маршрутка. Сел, написано, что на перднее сидение нельзя, но водитель сказал, что можно. Раскрыл Линча, читал, но заснул, проснулся, спрашиваю у водителя:

— Это не Большая Ижора?

— Это она, выходите, — сказал он.

Вышел. Не там. На остановку раньше вышел. Набрал Вову, он идет навстречу.

Хорошо за городом. Глупая дворняга лает на котов. Тихо, говорит Вова, Азия, заткнись. Пришли. Он делал обложку, шапку с расписанием тура, аватарку для «вконтакте», а я ел с грядки клубнику. Линч лежал в рюкзаке. Сделали все и пошли на озеро.

— Тут три озера, — сказал Вова. — Мы идем к дальнему, там красиво.

Я хотел искупаться, но все-таки темная стоялая вода не заманила. Просто сделал фотографию в инстаграм.

Поели голубики. Все такое странное, спокойное. Как будто слегка мертвое. Покусили комары, надел капюшон и отдувал их от своего лица. Вова прошел со мной в сторону остановки, указал путь. Перед маршруткой я зарулил в магазин «Пятерочка». Купил домой гречки, фунчозы и каких-то веганских слоек с квасом, чтобы сейчас перекусить. Но на кассе меня так сильно заманили колбаски по акции, что голова закружилась. Еле выдержал, и такое часто случается. Но я знаю к чему ведет нарушение диеты. Сегодня ты колбаску ешь, а завтра убиваешь людей или детей насилуешь. Как-нибудь без этого.

На обратном пути в маршрутке опять читал. Но тут произошел спор — люди против моей соседки по сидению. Та слишком широко распахнула окно, и ее попросили прикрыть хотя бы в половину. Соседка разбушевалась, в особенности досталось безобидной бабушке, которой дуло. Кстати сказать, мне тоже дуло. И вот когда соседка сказала:

— Ох уж эти старики. Везде они мерзнут, сука. И на улице, и в маршрутке, — тут я не выдержал, закрыл книгу, надел капюшон и вставил наушники.

Соседка воинственно поглядывала на меня: скажешь слово, и тебе каюк. Такое в глазах.

* * *

На следующий день планировал никуда не ходить. Даша работала, я читал, готовил салат. Положил книгу на кухонный стол, а тут бардак: мои таблетки, мой табак, костин табак, книги, печенье Огео в упаковке. Смотрю, тут же роман Кроненберга лежит. Я думаю, нет, ребята, и Линч, и Кроненберг на моей кухне, надо рвать отсюда. Но куда? Просто гулять? Шмотки воровать не хотелось. Еду воровать боюсь. Но тут, к счастью, написал Максим

Тесли, что ему нужна моя камера для съемок передачи про литературу.

Он меня угостил настойками. Сперва в НорHead выпили «борщевку». Потом зашли в «Залив», там по паре настоек и закусили огурцом. Потом собирались домой, но когда вышли на улицу Маяковского, Максим сказал:

— Нельзя так. Если мы на этой улице, надо зайти в «Маяк».

В «Маяке» Максим взял 150 водки и закусить. Водки-то он выпил, даже какого-то парня подозвал к нам и угостил. А вот закуску есть не стал. И я смотрел на кусок мяса у Максима в тарелке, пока тот бегал и доставал людей. В общем, не выдержал я и, предвидя, что Максим сам не доест закуску, оторвал кусочек и съел. Как же одновременно мерзко и вкусно было. В животе сразу что-то не так становится. Понятно, что веганскую корону надо иногда выкидывать к чертям. Но само физиологическое ощущение, мясо — это как продолжение тебя, ты сам состоишь из мяса, и вот оно попадает внутрь, становится продолжением твоего желудка.

Я пошел в туалет и выблевал, все, что было во мне. Максим сказал, что надо протрезветь, и мы зашли в какую-то пекарню выпить кофе. Максим, конечно, немного пристал к кассирше, так что мне пришлось демонстративно заткнуть уши.

Мы встретили знакомого (Максиму) парня. У того была вся голова в шрамах.

— Я думал ты уже умер! — орал Максим.

Усатый парень отвечал, что он тоже думал, что умрет. Но нет, вот, все также подкручивает усы, гуляет с восемнадцатилетними девушками (одна была при нем), опухоль удалили, голову зашили. Жизнь пока продолжается.

На этой ноте я оставил Максима и пошел домой. Как раз скоро Даша должна была вернуться с работы. Придет, и будем смотреть футбол, а еще поставлю ей пару демок послушать. Хороший будет альбом, чувствую.

14 ИЮЛЯ, СУББОТА.

ПОЧТИ ДОЧИТАЛ: *«Дэвид Линч. Интервью: Беседы с Крисом Родли»*

В среду приезжал Секси. Мы с ним вслух читали его роман «Фрезер», особенно диалоги. Хорошо провели время, потом пошли в бар, где я уснул за прямо за стойкой. На следующий день еще немного редактировали его будущую книгу, а потом взяли Диму Провоторова и вдвоем поехали на пляж в Сестрорецк.

Был очень жаркий день, мы босиком прошли по горячему песку к озеру. Искупались, а потом загорали, пили вино, разбавленное водой «Липецкий бьюет».

Секси рассказал историю, которую с натяжкой можно охарактеризовать как околосиндромную.

Как-то раз он решил подрочить, сел за стол напротив окна, включил порнуху и приступил к делу. Потом почувствовал на себе чужой взгляд, повернулся к окну, увидел, что из дома напротив на него внимательно и холодно смотрит женщина. Несмотря на то, что она его спалила, Секси решил, что встать и уйти он не может, это будет поражение. Поэтому он просто замер на стуле, листая вкладку на ноутбуке. Через какое-то время не выдержал и снова повернулся глянуть в окно. Из соседнего окна на него холодно смотрело уже четыре человека.

Сегодня, проводив Дашу на работу, я имел нервную переписку по поводу тура и релиза альбома. После чего читал книгу, а потом решил разгрузиться. Поставил ноутбук на кухонный стол, сам сел на диван, приготовил салфетку. Окно было сзади меня, я мельком вспомнил историю Секси, но не придавал ей значения. Выбрал видео что-то

вроде «Сводная сестра помогает брату». Порнхаб наконец разобрался, что мне удобнее всего дрончить, лежа на спине, глядя, как сисятая дама работает грудью над членом умеренных размеров, и все это в POV. Когда я закончил, прибрался и заправился, то посмотрел в дом напротив. Никого не увидел, но потом шестое чувство подсказало мне повернуть голову вверх — женщина недобро смотрела на меня из окна напротив этажом выше. Оттуда даже лучше обозрение — на диван, стоящий у кухонного стола, на меня, дурака в трусах и футболке, на нашу кухню. Зачем она вообще сюда смотрит, бедная? Ладно, я включил музыку, взял укулеле и стал плясать, невпопад подыгрывая. Представил, как она сейчас придет звонить в дверь и орать:

— Мне надоело любоваться вашей дрончкой, сукины сыны! Мои дети уже научились у вас! Мой муж придет с работы и даст вам по шее!

Было немного страшно.

Вдруг в сердце что-то почувствовал. Как будто оно начнет разрываться, и я буду кататься полчаса по полу, пока не придут какие-то люди-палачи, и не скажут: добро пожаловать в ад. Вот тебе, братан, сумка членов и раскаленных железяк, выбирай.

Сейчас пойду на прогулку, чтобы этого всего не произошло.

15–17 ИЮЛЯ

НЕ ДОЧИТАЛ: *Эдуард Лимонов «Стихотворения»*

Мой путь домой начался с книги Лимонова, это сборник его избранных стихотворений, изданный еще в издательстве «Ультра.Культура». Пока Даша завтракала овсянкой, я прочитал ей это:

*Я обедал супом... солнце колыхалось
Я обедал летом... летом потогонным
Кончил я обедать... кончил я обедать
Осень сразу стала... сразу же началась
Дожди засвистели... Темень загустела
Птицы стали улетать...
Звери стали засыпать...
Ноги подмерзать...
Сидя в трех рубашках и одном пальто
Пусто вспоминаю как я пообедал
Как я суп покушал еще в жарком лете
Огнемилом лете... цветочищем лете...*

Даша засмеялась и сказала:

— Даже почувствовала вкус этого супа.

— Дед умел! — воскликнул я.

Потом взял укулеле и принялся бренчать. Даша ушла на работу, а я собрал сумку и начал ходить из угла в угол. Накануне покутил с Додоновым, он приезжал выступить в СПб со своей группой Race to Space и зачем-то задержался еще на день. В общем, было легкое крафтовое похмелье. А вечером самолет. Я полежал на спине, писать и думать не хотелось, почитал стихи Лимонова,

потом пошел в магазин, купил пива по акции за 39 рублей, «Голландия».

В итоге выпил четыре банки и съел много вареной картошки. Похмелье прошло, живот разболелся. Что же делать, думал я. Теперь панической атаки в самолете не будет, зато я могу обдристаться. Надо дростануть до самолета. Но вечер уже наступил, а я все еще вздутый.

Пришло время ехать в аэропорт. Я выбрался с рюкзаком на улицу и опять зашел в магазин. Решил так — выпью немного коньяку, разгоню желудок, в аэропорту проснусь и спокойно полечу в Новосибирск.

Купил какую-то чекушку дерьмового коньяка. Сделал пару глотков и выкинул. Стало совсем плохо. Живот разболелся еще сильнее. Вышел из метро, пропукался, сел в маршрутку. Созвонились с Дашей, она сказала, что волнуется, и чтобы я написал, как только самолет сядет. В самолете я потел и страдал, газы бродили в животе. Но у меня родился план, и я задремал, сдерживая пердеж.

В Толмачево я побежал к кассе, чтобы сразу купить билет на автобус до Кемерово. Но какая-то тетенька очень долго считала сдачу. До автобуса оставалось несколько минут, следующий — только через полтора часа. Я не успел. Вышел на улицу, искать автобус до автовокзала, оттуда ехать вроде как дешевле, и там уже междугородний автобус в Кемерово, который ездит чаще. Чуть дольше, но и ладно, это все часть моего большого плана. Живот уже успокоился, меня просто тошнило.

Автобус ехал очень долго. Часа полтора по пробкам. Но я видел какие-то странные сны. Вышел совсем обновленный, с чистым сознанием. Зашел в маленький полупогибший автовокзал, попросил себе билет возле окна.

— Третье место, — сказала кассирша. — Наверное, возле окна.

Оставалось двадцать минут.

Я продолжал следовать плану: вышел из здания и пошел к ларьку с хот-догами. Самый дешевый состоял из сосиски, булки, корейской моркови, горчицы, майонеза, соленого огурца — и стоил всего 37 рублей. Я купил хот-дог и начал есть. Попросил зеленый чай, чтобы легче было запихнуть в себя это говно, но мне почему-то дали кофе «три в одном». Как только я начал запивать хот-дог кофе, меня слегка вывернуло в урну. Однако я чувствовал, что мазик и кусочки сосиски все еще разъедают стенки моего желудка. Ладно, тридцать три года все-таки, тяжелый духовный опыт, так надо.

Зашел в автобус. Конечно, третье место оказалось не у окна. Мы поехали. Ехать было очень неудобно, тошнило, укачивало. Зато теперь бог не вылезет с небес в день моего рождения, думал я. Не появится надпись геймовер, и я на крест не полез. Я использовал чит-код в виде хот-дога, чтобы пройти на следующий уровень — обычная жизнь мужика за тридцать, мужика, который может сожрать привокзальной еды и сесть в междугородний автобус.

Четыре с половиной часа в этом маленьком кресле, где ни ноги не вытянуть, ни откинуться толком назад, казались огромным сроком. В животе бушевала черная зима. Я вырубался, запрокинув голову, но при малейшем шевелении автобуса, голова съезжала. Рюкзак лежал у меня в ногах, еще больше мешая их вытянуть.

На Кемеровском вокзале меня встретил поэт Игорь Кузнецберг. Чтобы сразу не лезть в автобус до Металлплощадки, я предложил ему прогуляться по центру. Мы шли и болтали. У Игоря жена на сохранении, он рассказывал о своей жизни рок-звезды, рок-карьера которой не сложилась. Я рассказывал, как провел последний год. Игорь трагичен, тонкий поэт. Его родственники умирают преимущественно от инсультов, еще два деда покончили с собой, такая наследственность. Игорь писал

стихи, иногда хорошие, сменил миллион работ, покатался по России, потом все-таки осел в родном городе. Даже два года занимал должность гендиректора крупного новостного сайта, но год назад при моей поддержке устроил тотальный невыход на работу. Красиво уволился и чуть не лишился жены, так долго эта пружина сжималась в нем. Еще у него мама инвалид (не может ходить после инсульта), и вообще сейчас сложный период в жизни, и вряд ли уже станет просто. Сейчас Игорь занимается пиаром, на днях у него родится ребенок, мальчик.

Наконец мы приехали к папе на Металлплощадку. Это пригород, в котором я жил, в котором разворачивается действие многих моих рассказов.

* * *

Я зашел в свою комнату. Вот она, теперь ее расширили и отремонтировали. Тут двадцать лет назад я написал свой первый реп. Мачеха подготовила мне чистую постель, а папа положил на подоконник книгу «Сказка с подробностями» Григория Остера. Это первая книга, которую я прочитал в своей жизни и потом в детстве читал еще несколько раз. Она даже выглядит как-то волшебно, голубая, большая, идеального размера шрифт и идеальные иллюстрации. В ней — целый мир.

Папа дал нам бутылку вина, и мы пошли гулять. Доехали до остановки Онкология, где живет наш друг Саша Кулаков. Он тихий одиночка, в свои тридцать три сидит на шее у матери и отчима, по шесть часов в день занимается игрой на гитаре, никому особо свой талант не демонстрируя. Его отец и отец его отца, как и деды Игоря, окончили жизнь самоубийством. Кулаков спокойный парень, любит шутки про говно. Он лучший друг Игоря,

который прошел с ним все самые странные и сложные периоды жизни: поэтические кружки, попытки предпринимательства, женщин, шлюх, дебоши, переезды.

Как пиздюки, мы долго искали место, где не будет прохожих и милиции, чтобы распить вино. Пекло жаркое летнее солнце, Саша сорвал подсолнухов, мы использовали их как зонты. Из травы торчали погреба, было видно двор школы, где подростки играли в футбол. Если бы у меня спросили: рай или этот день? — я выбрал бы этот день. Ад или этот день? И опять я выбрал бы этот день.

* * *

Утром у меня наконец случился потрясающий понос. Накануне мы сидели на кухне в съемной квартире, где Игорь содержит мать. Сама она спала в дальней комнате, нас же с Игорем и Сашей вмещала перепачканная кухня, для сна имелась комната с широкой постелью, где мы втроем не очень комфортно легли под утро под шум Кузнецкого проспекта и ранних газонокосилок.

На завтрак Саша жарил картошку, Игорь похмельно шутил на кухне, а я опростался с таким неистовым звуком, так что стены ходуном заходили.

— Выпей таблетку! — сказал Игорь. — Я пытался продать им слоган «Запирает жопу на замок».

Саша и Игорь смеялись надо мной и говорили, что в Кузбассе понос — это норма. У них всегда, каждое утро понос. Но они пьют воду из-под крана и в ус не дуют. Для меня же такая мощная дизентерия — как духовный подвиг. Я чувствовал, как все выходит из меня, мне стало легко, будто вместе с отравой, автовокзальной булкой с сосиской, вином и плохим разливным пивом, меня покидает депрессия. Я простил Костю и его проебы с альбомом, я простил

Дашу и ее приходы и уходы, простил себя за свои невроты, вечную имитацию алкоголизма и боязнь профессионально заниматься кино. Живи и слушай свое тело, не заставляй его тебе кричать. Спасибо, тело, я тебя услышал.

Целый день отпаивал тело водой, потом свежесжатым соком в торговом центре, успокаивал гуляниями по городу. И понял, в день рождения я не хочу ни пить, ни жрать. Но хочу, чтобы друзья зашли ко мне в гости.

20 ИЮЛЯ

ПЕРЕЧИТАЛ: *Григорий Остер «Сказка с подробностями»*

Собрался ехать к сестре. Я уже трезвенький, прочистился, но живот еще немного болит, не готов к грубой или острой пище. Говорю сестре, дай порулить здесь, поучи меня водить. Садись, говорит она. Здорово. Моя родная сестра, на шесть лет старше, мать одиночка, очень эмоциональная женщина. Может и нагрубить, и приласкать, и дать по морде, и устроить истерику. Я только сел за руль, внимательно выслушал, как что работает и тут же въехал в бампер припаркованной у пятиэтажки тачки. Мы вылезли из машины.

Поторговались немного с человеком, в которого я въехал. Он быстро просек, что мне плевать, сколько ему давать денег, и развел меня на четырнадцать тысяч. Я даже спорить не хотел. Пришлось взять в долг у отца, и стало как-то радостно — ну просрал я денег, зато стал чище. Будем считать, что я авансом отпраздновал день рождения. Деньги, если понадобятся, то придут ко мне, главное иметь хороший настрой и здоровое худое туловище.

У сестры еще и страховки нет, такие дела. Когда мы ехали к ней, она сказала:

— Главная мораль: ничего хорошего человека на эти деньги не ждет.

* * *

Читал деду отрывки своего романа. Не этой книги, а той, что я пишу параллельно, которую сперва хотел называть «Прекрасное уходящее», но лучше назову «Рутина».

Мы сперва погуляли по даче, деду 86 лет, все болит. Мочеполовая система тревожит, в сердце запчасти, колени не гнутся. Но и умирать нет желания, собирался в этом году, а все же не хочется.

— Почему ты не даришь мне своих книг? — спрашивает дед.

— Так я пока не пишу в том жанре, который тебе понравится, — отвечаю я.

Но решил прочитать ему сентиментальные куски о Москве, о своих работах юности, о своих любовях.

Дед сидел и слушал. Потом говорит:

— Ну, это все твои мемуары?

И показал мне заметку отца в городской газете. Вот, говорит, прочитай лучше это. Я понимаю, что заметка отца ему интересней, она написана для местной газеты, дед живет в этом контексте. А дела моей юности его не очень трогают.

— Ты меня убедил, дед, — сказал я ему. — Год не буду писать ничего автобиографического.

Пошел гулять по огороду. Какое же мелкое дело — описывать свой эмпирический опыт, думаю. Как же прав дед, лучше бы я ставил печати на чеки об оплате медицинских услуг, честнее было бы. Но нет, я же писатель, это моя исполненная мечта, у меня есть читатели, они меня любят, может быть, не за то, что большой мастер, а за то, что я уязвим и искренен с ними. Я не знаю, что делать с этим, дед, мои книги — такие.

* * *

Сейчас 20 июля 2018 года. Мне только что исполнилось 33 года. Прошел теплый летний дождь. Ночью я прочитал «Сказку с подробностями», пересказывать ее сюжет

не хочется, но это великая книга, до сих пор мне так кажется. Организм чист, у меня есть планы на ближайшее время. Ни распятия, ни воскресения, просто новый день после сплошной страшной и прекрасной субботы. Кажется, я чувствую из чего сделана гармония, спокойствие, никакого несчастья сейчас не ощущаю, мир несправедлив, но я сыт, мне нужно дописать этот текст и отправить его редактору.

Вечером в гости зайдут мои друзья детства, Миша и Тимофей.

редактор — Игорь Кузнецберг
обложка, верстка, иллюстрации — Вова Седых